

ПРОБЛЕМЫ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ В ЗАРУБЕЖНОЙ И РУССКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

А. П. КАЖДАН

ВИЗАНТИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ VII—XV вв. В ОСВЕЩЕНИИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1917—1960)

Проблемы аграрной истории Византийской империи оживленно обсуждаются в настоящее время в зарубежной историографии; при этом речь идет не только о частностях, о толковании того или иного термина, но именно и прежде всего о коренных вопросах истории деревни. Самое существование феодализма в Византии еще продолжает оставаться предметом дискуссии, не говоря о том, что пути развития византийского общества чуть ли не каждый исследователь рисует по-своему.

Необходимо разобраться в этом разноголосом хоре. Необходимо определить основные направления, которые сложились в современной историографии византийской деревни; нужно понять политические и идейные корни тех или иных концепций.

Вместе с тем изучение зарубежной историографии позволит проследить развитие методики исторического исследования, увидеть, как расширяется круг привлекаемых источников, как становится более строгой система аргументации, как меняется отношение к историческим памятникам.

Если не отдать себе отчета в состоянии нашей дисциплины, то при простоте сложившихся мнений очень легко соскользнуть на боковую дорожку, уже исхоженную многими и приводящую, тем не менее, в тупик. Еще реальнее другая угроза: исследователь, недостаточно внимательный к историографии, рискует оставить вне поля зрения проблемы, выдвинутые другими, трудности, возникшие в процессе их изучения, и, наконец, приемы исследования, давно уже введенные в научный оборот.

Рассматривая в дальнейшем историю изучения аграрного строя Византии, мы ограничиваем нашу тему хронологически. Первые столетия византийской истории настолько тесно связаны с историей Римской империи, что должны быть рассмотрены особо: одна только проблема колоната породила литературу, пожалуй, не уступающую ни по объему, ни по значению всему тому, что было написано о византийской деревне. К тому же и по существу есть все основания начинать обзор с VII в., на который, как это признает большинство современных ученых, приходится очень существенные сдвиги во внутреннем и внешнеполитическом положении империи.

В византиноведческой литературе конца прошлого и начала текущего столетия, посвященной аграрным отношениям, можно выделить четыре основных направления.

1. Русская классическая школа, представленная трудами В. Г. Васильевского, Ф. И. Успенского, Н. А. Скабалановича, исходила из представления о крестьянской общине как о важнейшей жизненной ячейке византийского общества; в упадке общины коренились, по мнению этих ученых, причины гибели Византийской империи. Сходные взгляды развивал и немецкий историк права К. Э. Цахариз фон Лингенталь.

2. Французская историко-правовая школа, основателем которой был А. Монье, искала свой идеал не в общинной, а в мелкой индивидуальной собственности; считая общину порождением фискальной политики византийских императоров, Монье именно в восстановлении института круговой поруки рассчитывал найти объяснение упадка Византии.

3. «Критическая» школа Б. А. Панченко и У. Эшбернера отрицала как общинную собственность в Византии, так и вообще социальную эволюцию византийского общества; по сути дела, эти историки возвращались назад, к концепции П. Каллигаса, развитой еще в 1859 г.

4. Последнее направление, которое мы условно могли бы назвать «феодалистским», не приобрело в начале XX в. сколько-нибудь значительного числа сторонников: строго говоря, лишь П. А. Яковенко приступил в ту пору к изучению византийских феодальных институтов. Вслед за ним о «феодализирующих процессах» в Византии заговорили К. Н. Успенский, А. А. Васильев и даже Ф. Успенский; впрочем, часть их работ увидела свет уже после Октябрьской революции.

Важнейшим источником для византистов-аграрников того времени был «Земледельческий закон», важнейшей проблемой — проблема общинной собственности. Основной метод исследования, разработанный Васильевским и сохраненный даже «критическим» Панченко, состоял в подробном изложении одного источника (или в последовательном изложении одного за другим ряда однородных источников), причем выводы, как правило, формулировались в виде комментария к тому или иному месту. Другими словами, источник не только служил исследователю исходным пунктом при накоплении материала, но и довел над ним при изложении. Лишь крайне редко появлялись тогда исследования в области аграрной истории, построенные не в форме комментария к данному памятнику (будь то «Земледельческий закон», акты монастыря Лемвиотиссы или Патмосская писцовая книга), но объединенные внутренне единой темой. Здесь опять-таки следует назвать имя Яковенко, книга которого была посвящена проблеме византийского иммунитета.

Таково было, если говорить кратко, состояние нашей дисциплины к 1917 году, с которого начинается новый этап в истории человечества, и в частности в истории общественной мысли.

2

Начиная с этого времени в зарубежной историографии все более возрастает внимание к византийской истории, особенно к истории социально-экономических отношений в Византии. Пренебрежительное отношение к Византии, унаследованное от просветителей конца XVIII в., рассеялось под влиянием трудов ученых, живших на рубеже XIX и XX столетий: К. Крумбахер, В. Васильевский, Дж. Бьюри, Ш. Диль и многие другие способствовали пробуждению интереса к истории Византийской империи, к византийской литературе и искусству.

Усиление интереса к истории Византии в значительной степени обуславливалось обострением общего кризиса капиталистической системы. В этих условиях ученые как реакционного, так и прогрессивного лагеря (исходя, конечно, из разных побуждений) стремились отыскать в прошлом

аналогии (разумеется, эти аналогии оставались чисто внешними и потому ложными) государствам с сильной верховной властью: в области древней истории это приводит к тому, что проблемы эллинизма и Римской империи становятся наиболее актуальными; соответствующая роль в истории средних веков принадлежала Византии.

При этом значительное число зарубежных ученых вступает на путь откровенной идеализации Византии, и особенно византийского государственного аппарата: именно византийское государство рассматривается ими как охранитель классического наследия и вместе с тем — социального мира и справедливости. Если в русской дореволюционной историографии центральное место отводилось свободной крестьянской общине, то буржуазные византилисты новейшего времени все чаще обращаются к рассмотрению роли государства и его воздействия на социальные и экономические отношения.

До 1917 г. западноевропейские ученые, как правило, не касались социально-экономической истории Византии; напротив, в новейшее время эта проблематика постепенно выдвигается на передний план. Объяснение таких перемен нужно искать в общих закономерностях развития общественной мысли: с одной стороны, все более значительным становилось влияние марксизма, с другой — обострялись социально-экономические проблемы современности и соответственно все четче обнаруживалась та истина, что история прошлого не может быть сведена только к смене династий, к военным успехам и поражениям, к церковной борьбе и пр. История (и история Византии в том числе) все теснее переплеталась с социологией и политэкономией, и спор о закономерностях исторического развития выдвигался на передний план.

Разумеется, новые тенденции проявились не сразу: прошло некоторое время, прежде чем они оформились более или менее четко.

Первые общие труды по истории византийского хозяйства вышли из-под пера экономистов. Уже в 1917 г. немецкий ученый Л. Brentano выпустил небольшую работу, озаглавленную «Народное хозяйство Византии»¹; основанная преимущественно на литературе, она не имеет научного значения. Однако выдвинутая Brentano концепция в некотором отношении характеризует тенденции, которые складывались в то время: она смыкается, в частности, с идеями, развитыми одновременно А. П. Рудаковым².

По мнению Brentano, «в Византии мы встречаем земельный строй, который даже в деталях аналогичен тому, что мы можем наблюдать в Западной империи». Единственное различие, отмеченное им, — это отсутствие в Византии феодальной связи, вассальных отношений³. Подобно Рудакову, Brentano считал Византию городской страной, все могущество которой основывалось исключительно на промышленности и торговле⁴. Причем — в этом пункте воззрения обоих исследователей расходились — организация византийской промышленности представлялась Brentano капиталистической⁵. Он всемерно восхваляет капиталистическую систему хозяйства, будто бы существовавшую в Византии, и связывает с ней расцвет империи.

¹ L. Brentano. Die byzantinische Volkswirtschaft. «Schmollers Jahrbuch», Jg. 41, N. 2, 1917 (см. рецензию: A. Andreades. BNJb, Bd. I, 1920, S. 410—413). Русский перевод: Л. Brentano. Народное хозяйство Византии. Л., 1924.

² А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой историографии. М., 1917.

³ Л. Brentano. Указ. соч., стр. 63 сл.

⁴ Там же, стр. 40.

⁵ Там же, стр. 24, 66 и др.

Книга греческого экономиста А. Андреадиса была посвящена истории финансов и хозяйства Греции от античности до нового времени; история Византии заняла в этой работе достойное место⁶. При этом Андреадис, в отличие от Брентано, основывался на источниках (преимущественно нарративных). Его книга также идеализирует византийскую экономику, и эта тенденция сохранилась в его последующих работах, о которых пойдет речь ниже.

Специальные интересы аграрных историков Византии сосредоточивались в ту пору на двух основных проблемах, поставленных уже учеными начала XX в.: феодальные институты и община.

Если русская византистика послеоктябрьского периода признала существование византийского феодализма⁷, то на Западе позитивное решение этой проблемы в 20-е годы можно было встретить крайне редко. Только Монье в работе, посвященной законодательству Льва IV, весьма решительно высказался в пользу феодальной теории, хотя и понимал под феодализмом, подобно большинству буржуазных ученых, лишь децентрализацию. По мнению Монье, при императорах Македонской династии «крупная собственность превратилась в феодальную»; однако он не объясняет, каким образом это произошло. Окончательным же триумфом феодальной аристократии, по мысли французского историка, была эпоха Комнинов⁸.

Мимходом высказанное суждение Монье не привлекло к себе внимания. Впрочем, некоторые западные историки того времени касались в своих работах истории византийских феодальных институтов, не называя их, однако, «феодальными». В 1920 г. видный немецкий филолог А. Гейзенберг опубликовал исследование о некоторых византийских памятниках палеологовского периода; среди других он издал простагму императора Михаила VIII и в детальном комментарии к ней затронул вопрос о византийской прониции⁹. Гейзенберг извлек преимущественно из нарративных источников большое количество свидетельств о прониции, но, оставаясь филологом, по сути дела даже и не поставил вопроса о социальной природе этого института.

Иначе были написаны работы болгарского историка П. Мутафчиева, затрагивавшие тот же вопрос. Мутафчиев исходил из того, что особое военное устройство было одним из основных элементов, обеспечивших устойчивость Византии¹⁰, и потому посвятил свое исследование стратиготскому землевладению в последние века империи; он подчеркнул, что судьба стратиготов была тесно связана с судьбами крестьянства и что стратиготская система рухнула тогда, когда императоры отказались поддерживать мелкое землевладение в его борьбе с крупным¹¹. Специальный раздел этой

⁶ A. Andreades. 'Ιστορία τῆς ἐλληνικῆς δημοσίας οἰκονομίας, т. 1, μ. 2. 'Αθήναι, 1918 (см. рецензию: E. Ziebart. «Hellas», 1921, № 4/5, S. 13 f.). Ср. также D. L. Zographos. 'Ιστορία τῆς ἐλληνικῆς γεωργίας, т. I. 'Αθήναι, 1921 (нам недоступно). См. A. Heisenberg. BZ, 25, 1925, S. 217).

⁷ Здесь следует отметить прежде всего книгу А. А. Васильева «Латинское владичество на Востоке» (Пг., 1923); 11-я глава этой книги («Вопрос о феодализме в Византии») была затем переведена на английский язык (A. A. Vasiliev. On the Question of Byzantine Feudalism. Byz., vol. 8, 1933), что в значительной мере способствовало возобновлению в западной литературе дискуссии о византийском феодализме. Об этом см. ниже, стр. 140.

⁸ H. Monnier. Les Nouvelles de Léon le Sage. Bordeaux, 1923, p. 11, n. 2.

⁹ A. Heisenberg. Aus der Geschichte und Literatur der Palaiologenzeit SBAW, 1920, Abh. 10, S. 70 f.

¹⁰ П. Мутафчиев в Войнички земи и войници в Византия през XIII—XIV в. СпБАН, кн. XXVII, Кл. ист.-филол., № 15, 1923, стр. 93.

¹¹ Там же, стр. 94 сл.

работы был посвящен пронию¹²: основная идея, которую развивал Мутафчиев, заключалась в том, что прония не имела ничего общего со стратиотским землевладением¹³; и хотя известия о прониарах-воинах нередко встречаются в византийских источниках¹⁴, было бы ошибочным связывать пронию с западноевропейским бенефицием и объяснять ее происхождение военными потребностями¹⁵.

Не обсуждая здесь вопроса о правильности воззрений Мутафчиева на пронию (в дальнейшем они были подвергнуты критике со стороны ряда аграрников-византинистов, и прежде всего Г. А. Острогорского), отметим сейчас лишь то обстоятельство, что наблюдения Мутафчиева объективно приводили к далеко идущему выводу об отсутствии в Византии феодальных отношений¹⁶ — к выводу о принципиальном отличии византийского пути развития от западноевропейского и, следовательно, о полной противоположности исторических судеб Восточной и Западной Европы.

В более общем виде вопрос о сходстве и различии западноевропейского и византийского путей развития был поставлен в статье румынского историка Н. Йорга, носившей характерное название: «Существовало ли византийское средневековье?». Отметив в начале статьи, что тезис о неизменности византийского общественного уклада наконец-то оставлен, Йорга, однако, признает существование византийского средневековья лишь в весьма ограниченном смысле. И характер государственной власти, и городской строй, по его мнению, оставались в империи прежними, античными¹⁷; лишь на периферии Византийского государства, прежде всего в итальянских колониях и северобалканских государствах, сложилась ленная зависимость от Константинополя, отразившаяся, в частности, в применении термина *λίσιος*, «вассал»¹⁸. Йорга подчеркивает далее, что на формирование средневековых порядков в Византии оказывали существенное влияние «внешние элементы» (*éléments extérieurs*), а именно варяги, норманны, паломники на Восток и крестоносцы¹⁹.

Таким образом, Йорга в этой статье не только избегает термина «феодализм», но и оставляет вне своего внимания основную ячейку средневекового мира — деревню. Характерные признаки средневековья (или, в нашей терминологии, феодализма) сводятся для Йорга к независимости церкви от государства, ленным отношениям и существованию ассоциаций горожан. И все же важно, что Йорга ищет элементы нового в византийском обществе, хотя и ограничивает их периферией империи (а по сути дела даже взаимоотношениями империи с соседними странами, ибо Вене-

¹² Там же, стр. 37—61. Ср. его же. Пронията в Византия и отношението към военна служба. «Известия на Истор. дружество», 1924, № 6. Несколько позднее появилась работа о пронии в сербских и албанских землях: Н. Радочић. О пронии у Србији и у Арбанији. «Архив за арбанашку старину, језик и етнологију», т. 3, 1926.

¹³ П. Мутафчиев. Войнишки земи..., стр. 39 сл.

¹⁴ Там же, стр. 47—49.

¹⁵ Там же, стр. 53.

¹⁶ Этот вывод позднее был распространен Мутафчиевым и на средневековую Болгарию, которая, по его мнению, развивалась под сильным влиянием византизма (Р. Мутафчиев. Der Byzantinismus im mittelalterlichen Bulgarien. ВЗ, 30, 1929—1930, S. 389 f.). Мутафчиев прямо писал, что Болгария, как и Византия, не знала феодальных отношений [П. Мутафчиев. История на българския народ, ч. I. София, 1943, стр. 251. Критический разбор взглядов Мутафчиева на феодализм см. А. Бурмов. Феодализъмът в средновековна България. ИП, т. II, кн. 2, 1946. Ср. также З. В. Удалцова. Византиноведение в народно-демократической Болгарии (1944—1953). ВВ, VIII, 1956, стр. 348 сл.].

¹⁷ N. Iorga. Y-a-t-il eu un moyen-âge byzantin? Bull. SH, t. 13, 1927 (перезадаю: N. Iorga. Etudes byzantines, vol. I. Bucarest, 1939, p. 305, 311).

¹⁸ Ibid., p. 306.

¹⁹ Ibid., p. 310 (курсив автора).

ция, Генуя, северобалканские государства были независимы от Византии — в ту пору, когда их правители называли себя «вассалами» Константинополя).

Значительно позднее, в 1939 г., Иорга опубликовал другую работу, касающуюся аграрной истории Византии: довольно беспорядочный обзор сведений источников по византийской деревне; свою задачу румынский историк видел лишь в том, чтобы наметить пути исследования²⁰. Если греческие источники привлечены выборочно и трактованы поверхностно (например, «Земледельческий закон» Иорга относит к XI в. на том основании, что упоминаемые в этом памятнике фоллы будто бы появляются только в это время²¹; «Трактат об обложении» не рассмотрен вовсе; русской литературы, кроме книги Панченко, Иорга не знает), то известными интерес представляют страницы, посвященные латинским свидетельствам об аграрном строе империи (начиная с XIII в.), — свидетельствам, которые редко используются византинистами.

Для раннего этапа аграрной истории Византии Иорга считает характерной «уравнительную политику», которую, по его мнению, осуществляли и Диоклетиан, и иконоборцы, и Роман Лакапин в соответствии со своими христианскими и «демократическими» идеями: тогда не было классов и государству противостояли прикрепленные к земле работники, не терявшие, однако, своей «человеческой свободы»²². Только с X в. устанавливается «классовая империя» (*empire de classe*)²³; в XI в. формируется квази-феодальный класс земельных собственников, тогда как крестьяне низводятся до положения сервов²⁴; протии Иорга прямо называет феодами, полагая, что они возникли под влиянием общественных порядков Иерусалимского королевства²⁵.

Разумеется, представления Иорга о филантропии, о христианской, уравнивающей права сословий миссии византийских императоров восходят все к той же тенденции идеализировать византийские порядки — порядки «сильного» государства, — которая проявилась у Брентано и Андреадиса и особенно усилилась в последующие годы.

Вопрос о существовании ленной системы был затронут также в краткой статье Э. Герландта, который отказывался признать в стратиотских наделах ленные владения, хотя и допускал зарождение ленных отношений в поздневизантийский период²⁶.

Изучение византийских феодальных институтов, начатое в трудах Яковенко и Мутафчиева, с середины 20-х годов было на некоторое время отодвинуто на задний план: в это время особое значение приобретает другая проблема — проблема общины.

Эта проблема разрабатывалась в ряде статей русского эмигранта Г. В. Вернадского. Уже в 1923 г. вышла его статья, посвященная византийским поземельным описям; Вернадский обследовал в ней Патмосский практик 1073 г. и практик Кефалонийской церкви XIII в. Патмосский практик был уже предметом специального анализа П. В. Безобразова, и замечания Вернадского мало что прибавляют к его выводам; интереснее вторая часть работы, посвященная практике Кефалонийской церкви.

²⁰ N. I o r g a. Le village byzantin, in: N. I o r g a. Études byzantines, vol. II Bucarest, 1939, p. 375.

²¹ Ibid., p. 378, n. 2.

²² Ibid., p. 382 sq.

²³ Ibid., p. 384.

²⁴ Ibid., p. 388 sq.; 393.

²⁵ Ibid., p. 390.

²⁶ E. G e r l a n d. Kannten die Byzantiner das Lebenswesen? «Εἰς μνήμην Σπ. Λάμπρου», т. 1, 1933, S. 52 f. (нам недоступно. См. заметку: F. D ö l g e r. BZ, 33, 1933, S. 447).

В свое время Панченко пришел к заключению, что хорафии кефалонийских крестьян не были выделенными из общинного поля участками²⁷; в отличие от него, Вернадский обнаруживает в практике «родовой характер поселений» и считает, что из этой родовой собственности выделялись доли: хорафии или *μέρη ἐπιλαχύανα*²⁸

Свои наблюдения Вернадский развил в другой статье — «Заметки о крестьянской общине в Византии». Он начинает ее с критики теории Панченко и приходит, подобно другим критикам Панченко²⁹, к выводу о существовании общины в Византии. При этом Вернадский формулирует задачу, встающую перед исследователем на новом этапе изучения вопроса: «Можно спорить лишь о том, какие в точности формы имела эта община, какое распространение она получила и какими причинами была вызвана к жизни»³⁰. Он и пытается ответить на эти вопросы.

По мнению Вернадского, византийская сельская община носила фискальный характер, была «приспособлена всецело к податному аппарату»³¹. В этом Вернадский не оригинален — он и сам ссылается на Монье. Но, в отличие от Монье, Вернадский отвергал славянское происхождение византийской сельской общины³², следуя за Панченко, К. Успенским и Рудаковым. Более существенны замечания Вернадского о другом типе общинных отношений: опираясь на уже использованный им ранее материал Кефалонийской описи, он признает существование в империи также и семейной общины³³. Этот вывод Вернадский развил затем на основании купчих грамот XIII в., полагая, что термин *μέρος*, встречающийся в этих грамотах, обозначает целую группу родственников³⁴.

Представление о фискальном характере византийской общины было развито Вернадским в специальной статье о «Земледельческом законе», создание которого он отнес к правлению Юстиниана II: признавая, что этот памятник свидетельствует о наличии общинных элементов, Вернадский считал, что нет оснований возводить их к славянскому праву, поскольку славянское право того времени нам не известно. «То, что представляется новым в „Земледельческом законе“, на самом деле — лишь результат традиционного развития общественной структуры Византийской империи»³⁵. Далее он разъясняет эту мысль: «Община „Земледельческого закона“ — это прежде всего учреждение фискального права, и это учреждение определяется всей финансовой системой Византии»³⁶; корни этой «податной общины» Вернадский ищет в Египте³⁷.

²⁷ Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии. ИРАИК, т. IX, 1904, стр. 171.

²⁸ J. Ver n a d s k i j. Byzantské popisy půdy. «Český časopis historický», t. 29, 1923, № 3—4, str. 454.

²⁹ См. рецензию иеромонаха Михаила (ВВ, XI, 1904, стр. 603); П. М у т а ф ч и е в. Селского землевладение в Византии. «Сб. за народни умотворения, наука и книжнина», кн. 25 (7), дел. 2, 1909, стр. 19 сл., 54 сл., 70 [ср. рецензию: П. В. Б е з о б р а з о в. ВВ, XVII, 1910 (1911), стр. 336 сл.] Существование общины в Византии признавали даже Васильев, Рудаков и К. Успенский, в целом положительно встретившие книгу Панченко.

³⁰ Г. В. В е р н а д с к и й. Заметки о крестьянской общине в Византии. «Ученые записки, основанные Русской учебной коллегией в Праге», т. I, вып. 2, 1924, стр. 88.

³¹ Там же, стр. 88, 94.

³² Там же, стр. 92 сл.

³³ Там же, стр. 94—96.

³⁴ Г. В. В е р н а д с к и й. Заметки о византийских купчих грамотах XIII в. «Сборник в честь на В. Златарски». София, 1925, стр. 41 сл.

³⁵ G. V e r n a d s k i j. Sur les origines de la Loi agraire byzantine. Byz., vol. 2, 1925 (1926), p. 174.

³⁶ Ibid., p. 175.

³⁷ Ibid., p. 178 sq.

Развитию фиксальной теории в 20-е годы способствовало еще и то обстоятельство, что именно в это время в научный оборот вошел новый памятник — «Трактат об обложении», изданный в 1915 г. Эшбернером³⁸. Вернадский знал этот памятник³⁹, но не использовал его; первым приступил к его изучению румынский историк Н. А. Константинеску.

Свои исследования в области аграрной истории Византии Константинеску начал с историографической статьи, где основное внимание уделил русским византинистам; при этом он высоко оценивал книгу Панченко, особенно проделанный им критический анализ текста «Земледельческого закона»⁴⁰. В заключении этой статьи Константинеску кратко сформулировал собственные представления об особенностях развития Византии. По его мнению, на Западе положение сельского населения определялось наличием феодальных институтов, на Востоке же оно сложилось иначе: «В этой консервативной империи (*Empire conservateur*) продолжали существовать почти не подвергавшиеся резким переменам старые политические, социальные и экономические учреждения. Здесь постоянно действовали интересы фиска, определяя экономическую жизнь государства; они — путем законодательных мер — создавали новые формы социальных отношений»⁴¹.

В этой статье Константинеску не аргументировал своей точки зрения, но уже предложенная им формулировка чрезвычайно показательна: принимая фиксальную теорию, он отказывался от представления о феодальном развитии Византии и в соответствии с этим, подобно Мутафчиеву, резко противопоставлял социальные отношения на Западе и на Востоке.

В том же году Константинеску опубликовал другую работу, детально развив в ней свои представления об аграрной истории Византии. Константинеску указывал, что в историографии мы встречаем две противоречащие друг другу концепции аграрного строя империи: согласно одной (теория Каллигаса — Панченко), крестьянская зависимость неизменно существовала в Византии, согласно другой (теория Цахариэ), она была уничтожена в результате славянского влияния и законодательства иконоборцев. Какой теории отдать предпочтение? Поскольку «Земледельческий закон» имел ограниченное применение и относился только к свободным общинам, казалось бы естественным предположить, что позднеимперский серваж продолжал существовать и в VIII—XI вв.⁴² Так именно и поступил в свое время Безобразов, который писал, что из «Земледельческого закона» «никоим образом не следует, что другие законы, касавшиеся крепостных, были отменены»⁴³.

Константинеску не ограничивается аргументом *ex silentio*, на котором базировался Безобразов (а вместе с ним — К. Успенский и Рудаков), а ставит вопрос иначе: он ищет, нет ли в других памятниках VIII—XI вв. каких-либо данных для разрешения дискуссионного вопроса. Итак, оказалось, что «Земледельческий закон», который в течение долгого времени считался основным источником по аграрной истории Византии, сам по себе не содержит достаточно достоверного материала, чтобы определить

³⁸ W. Ashburner. A Byzantine Treatise of Taxation. JHS, vol. 35, 1915.

³⁹ J. Verнадский. Byzantské popisy půdy, str. 444, n. 7.

⁴⁰ N. A. Constantinescu. Introduction à l'étude de la question agraire dans l'Empire byzantin. «Revue historique du Sud-Est Européen», vol. I, 1924, № 7—9, p. 243 sq.

⁴¹ Ibid., p. 248 sq.

⁴² N. A. Constantinescu. Réforme sociale ou réforme fiscale? Une hypothèse pour expliquer la disparition du servage de la glèbe dans l'Empire byzantin. Bull. SH, t. 11, 1924, p. 95 sq.

⁴³ П. В. Безобразов. Рецензия на книгу Ф. И. Успенского. ВВ, XX, 1913, стр. 298.

пути ее развития: только обращаясь к другим современным (или близким по времени) памятникам, мы можем рассчитывать на успех. Константинеску и старается собрать по крохам известия о византийской деревне VIII—XI вв., которые обычно не привлекались учеными.

Не будем следить за деталями его рассуждений; отметим только, что он привлек далеко не все доступные материалы и подчас строил свои заключения на незначительном количестве источников. Примером может служить такой факт: по словам Константинеску, термин «энапограф» не встречается в источниках после VII в.⁴⁴, и это — один из основных аргументов в системе доказательства тезиса об освобождении крестьянства; в действительности этот термин встречается по крайней мере два раза в документах X в., и надо доказать, что он имеет иное значение, чем прежде.

В итоге Константинеску приходит к выводу, что в Византии VIII—XI вв. были только свободные и рабы, а крепостных не существовало; земли крупных собственников обрабатывали рабы, арендаторы различного рода, наемные работники (мистии) и свободные держатели (проскафимены)⁴⁵.

Признав, что в VII—VIII вв. действительно имело место освобождение крепостных (т. е. колонов), Константинеску ставит вопрос о причинах этого и ищет ответа в фискальной реформе. По его мнению, в Византии существовала позднеримская податная система, в основе которой лежало представление о единстве подушного и поземельного обложения. Коль скоро оба элемента были расчленены, исчезла необходимость в прикреплении земледельца к земле⁴⁶.

Наконец, Константинеску подчеркивает коренное различие общественных отношений на Западе и в Византии и утверждает, что в Византии VIII в. произошло возрождение классической экономики, основанной на рабстве и свободной аренде⁴⁷.

Уже в этой работе Константинеску использовал «Трактат об обложении»; более детально остановился он на характеристике этого памятника в другой статье, специально посвященной византийской общине. Константинеску считает византийскую общину экономической, фискальной и административной ячейкой в одно и то же время⁴⁸. Такие общины существовали в Восточной Римской империи, но система патронии вела к закреплению общины, к феодализации. Однако фискальная реформа конца VII — начала VIII в. «внезапно прервала на Востоке эту тенденцию к феодализации, тогда как на Западе расселение варваров облегчило ее развитие»⁴⁹.

Константинеску рассматривает в заключении своей работы характерные черты византийской общины: собственность на землю была в ней индивидуальной, а экономическая общность выражалась в наличии общинных территорий, праве протимисиса и элементах большесемейных отношений; общину объединял фискальный принцип — коллективная ответственность за уплату налогов; наконец, существовала общинная администрация⁵⁰.

Развивая принципы фискальной теории, Вернадский и Константинеску не объясняли возникновение всех видов общины и всех проявлений общинности податными требованиями государства. Но уже очень скоро

⁴⁴ N. A. Constantinescu. Réforme sociale..., p. 96.

⁴⁵ Ibid., p. 100.

⁴⁶ Ibid., p. 103 sq.

⁴⁷ Ibid., p. 109.

⁴⁸ N. A. Constantinescu. La communauté de village byzantine et ses rapports avec le petit «Traité fiscal byzantin». Bull. SH, t. 13, 1927, p. 165.

⁴⁹ Ibid., p. 167.

⁵⁰ Ibid., p. 170—173.

фискальная теория была еще больше заострена и податная система объявлена единственным источником общинных порядков в Византии.

В 1926 г., независимо от Константиnescу, Г. А. Острогорский выступил с работой, посвященной «Трактату об обложении»⁵¹; более подробно он развил свои мысли в другой статье, вышедшей год спустя; в качестве приложения к ней был напечатан немецкий перевод трактата⁵². В этих работах Острогорский принял концепцию Панченко о «личном и наследственном характере крестьянского землевладения в Византии»⁵³; в соответствии с этим он пришел к выводу, что поземельной общины, общины в хозяйственно-правовом смысле, Византия не знала; византийская община, по определению Острогорского — и здесь он расходится с Вернадским и Константиnescу, — была лишь фискальной⁵⁴, или, как он говорит в другом месте, финансово-административной единицей⁵⁵.

Указанные работы Острогорского были своего рода комментарием к «Трактату об обложении» и в соответствии с поставленной автором задачей представляли лишь статическую картину общественных отношений. Вопрос о генезисе этих отношений, вопрос о происхождении фискально-административной общины был затронут лишь мимоходом, причем преимущественно в критическом (негативном) плане: Острогорский отверг традиционные представления об аграрной реформе императоров-иконоборцев и о возникновении византийской общины под влиянием славянства⁵⁶. Признавая, что в Византии к VIII в. произошло известное перераспределение земельного фонда в пользу крестьян, он, однако, полагал, что правовая сущность крестьянского владения не отклонялась от римских принципов⁵⁷.

Критическая оценка традиционных представлений об аграрной реформе императоров VIII в. была развернута Острогорским в специальной статье, где он вслед за Вернадским датировал «Земледельческий закон» временем Юстиниана II; при этом Острогорский подчеркнул, что этот памятник действительно свидетельствует о наличии широкого слоя свободного крестьянства, однако его нельзя считать эдиктом, создавшим крестьянскую свободу. «По-моему, нет никакого сомнения, — писал Острогорский, — что значительное укрепление свободного крестьянства нужно связывать с реформами Ираклия»⁵⁸.

Свои взгляды на развитие аграрных отношений в Византии Острогорский изложил в другой статье, вышедшей в 1929 г. По его мнению, особенности византийской деревни были обусловлены фемной системой, возникновение которой он связывал с реформами Ираклия; при создании фем пошло в раздел большое количество земель, прежде всего императорских; их получили ставшие стратиготами бывшие государственные крестьяне, освобожденные от зависимости, а также различные иноплеменники, в

⁵¹ Г. А. Острогорский. Византийский податный устав. «Сборник статей посвященных памяти Н. П. Кондакова». Прага, 1926.

⁵² G. Ostrogorsky. Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X. Jahrh. VSWG, Bd. 20, 1927. См. рецензии: Н. Grégoire. Byz., vol. 3, 1927, p. 485 sq.; N. A. Constantinescu. DLZ, 1928, Sp. 1519f; М. А. Андриева. BS, vol. 1, 1929, стр. 214 сл.

⁵³ Г. Острогорский. Указ. соч., стр. 123; G. Ostrogorsky. Op. cit., S. 43.

⁵⁴ G. Ostrogorsky. Op. cit., S. 24.

⁵⁵ Ibid., S. 45. Фискальная теория Острогорского была поставлена под сомнение уже Е. А. Черноусовым («Новинки по экономической истории Византии». «Труды Северо-Кавказской ассоциации научно-исследовательских институтов», т. 43, 1928, стр. 208, прим. 1).

⁵⁶ G. Ostrogorsky. Op. cit., S. 10—12.

⁵⁷ Ibid., S. 12 f.

⁵⁸ J. Ostrogorsky. Über die vermeintliche Reformtätigkeit der Isaurier. BZ, 30, 1929—1930, S. 396.

том числе славяне⁵⁹; одновременно с этим увеличилось число свободных крестьян, обязанных уплачивать подати⁶⁰. Как писал Острогорский в более поздней работе, крестьянство было освобождено «в результате новой организации войска и перестройки податной системы»⁶¹. Характер податной реформы VII в. был рассмотрен Острогорским в особой статье: в отличие от КонстантINESКУ, он придавал фискальной реформе, если так можно выразиться, вторичное значение, полагая, что она способствовала освобождению крестьянства, но не была его основной причиной; именно в фемной реформе видел он корень всех перемен⁶².

Вместе с тем Острогорский считал, что податная реформа VII в. не имела того всеобщего значения, какое придавал ей КонстантINESКУ: крестьянская зависимость не была совсем уничтожена и зависимые крестьяне продолжали существовать на землях светских и духовных динатов⁶³.

Переходя к аграрной истории X в., Острогорский ставит вопрос о причинах необычайной жадности, с которой динаты захватывали крестьянскую землю. Он ищет объяснение этому в специфике византийского города, где централизация и система монополий ограничивали применение капитала⁶⁴.

Наконец, Острогорский останавливается на общественных отношениях в последние века Византийской империи; он примыкает к точке зрения Яковенко, полагая, что Византия была ослаблена центробежными силами⁶⁵. Такая постановка вопроса приводит Острогорского, в отличие от КонстантINESКУ, к признанию византийского феодализма, точнее говоря, только одной его черты — политической децентрализации. Начало процесса феодализации он относит ко времени до крестовых походов, подчеркивая, что византийский феодализм не был результатом воздействия западных порядков на Византию⁶⁶. Ограничивая феодализм лишь сферой политической надстройки, Острогорский в этой работе почти не затрагивает положения поздневизантийских крестьян. Больше внимания уделил он им в статье, написанной позднее для I тома «Кембриджской экономической истории». Здесь он высказал мысль, что зависимые крестьяне, парики, были наследственными владельцами своего надела, который составлял их *dominium utile*; господин не мог согнать парика с земли, но и парики не могли уйти без разрешения господина⁶⁷.

Третьим ученым, который в то же самое время и столь же независимо от своих предшественников приступил к изучению «Трактата об обложении», был немецкий палеограф, филолог и историк Ф. Дэльгер. Он критически переиздал трактат и написал, привлекая разнообразные источники, историю византийской податной системы⁶⁸. В его книге попутно были

⁵⁹ G. Ostrogorsky. Die wirtschaftlichen und sozialen Entwicklungsgrundlagen des byzantinischen Reiches. VSWG, Bd. 22, 1929, S. 130 f. Эта статья представляла собой лекцию, прочитанную в ноябре 1928 г.

⁶⁰ Ibid., S. 132 f.

⁶¹ «The Cambridge Economic History», vol. I, 1942, p. 196.

⁶² G. Ostrogorsky. Das Steuersystem im byzantinischen Altertum und Mittelalter. Byz., vol. 6, 1931, S. 230, 240. Их взгляды различались еще и тем, что Острогорский признавал капникон (поголовный налог) всеобщей формой обложения, тогда как по мнению КонстантINESКУ его вносили лишь с лиц, не обладавших собственностью (ibid., S. 234). Важным изменением податной системы Острогорский считал также замену эпиболы аллиленгием (ibid., S. 235 f.).

⁶³ G. Ostrogorsky. Über die vermeintliche Reformtätigkeit..., S. 396. Cp. «The Cambridge Economic History», vol. I, p. 198.

⁶⁴ G. Ostrogorsky. Die wirtschaftlichen und sozialen Entwicklungsgrundlagen..., S. 134.

⁶⁵ Ibid., S. 142.

⁶⁶ Ibid., S. 139.

⁶⁷ «The Cambridge Economic History», vol. I, p. 218 f.

⁶⁸ F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung.

затронуты также важные вопросы, касающиеся положения византийского крестьянства: Дэльгер признавал, в частности, наличие свободных крестьянских общин во все века существования Византии⁶⁹; париков он рассматривал как принадлежность надела (Zubehör des Grundstücks)⁷⁰, уподобляя их римским адскрипциям⁷¹; это служило ему основанием для вывода, что только парики, в отличие от свободных крестьян, вносили капникон⁷². Однако работа Дэльгера (что соответствует и поставленной автором задаче) не содержит целостной картины эволюции аграрных отношений в Византии.

Тем не менее книга Дэльгера имела — по крайней мере в одном отношении — большое значение для развития историографии: она содействовала выработке нового метода исследования. Если первые работы Острогорского, о которых речь шла выше, представляли собой все-таки прежде всего комментарий к данному памятнику (т. е. к «Трактату об обложении»), то Дэльгер пошел по иному пути: избирая в той или иной главе определенную тему, он стремился собрать максимальное количество сведений по данному вопросу, используя с этой целью все возможные источники. Так, в конце второй части главы С он ставит вопрос о свободных крестьянах и привлекает для его решения памятники VII—XIII вв.: новеллу императора Ираклия, «Земледельческий закон», «Житие Филарета», новеллы X в., «Пиру», патмосские и лемвийские акты⁷³. Уже Константинеску применил этот метод для характеристики положения крестьян в VIII—XI вв.; теперь Дэльгер приложил его к решению других проблем, причем сделал это благодаря своей превосходной филологической подготовке гораздо более тщательно.

Вместе с тем в какой-то мере именно этими филологическими интересами Дэльгера следует объяснять то, что во многих случаях он ограничился собиранием материала, но не использовал его для решения социальных проблем. Вернемся еще раз к тому разделу, посвященному свободным сельским общинам, о котором мы уже упоминали. Сведя воедино различные данные, Дэльгер констатирует лишь, что в существовании общины не следует сомневаться. Собственно говоря, все критики Панченко показав-

besonders des X. und XI. Jahrh. Leipzig — Berlin, 1927. В 1960 г. переиздано фототипическим способом с незначительными дополнениями и поправками (S. 161—165). См. рецензии: G. Ostrogorsky. DLZ, 1927, H. 41, Sp. 2018—2023; C. Brink. m a n n. «Conrads Jahrbücher für Nationalökonomie», 1927, S. 541f.; G. Charitanis. ЕЕВЗ, т. 4, 1927, ссЛ. 369—374; F. Drexl. «Bayerische Blätter für das Gymnasial- und Schulwesen», Bd. 63, 1927, S. 369 f.; H. Grégoire. Byz., vol. 4, 1927—1928, p. 701—704; A. Andréadès. «English Historical Review», vol. 43, 1928, p. 415 f.; H. J. Bell. JHS, vol. 42, 1928, p. 414—416; A. Sigalas. «Ελληνικά», т. 1, 1928, ссЛ. 435—438; C. O. Zuretti «Bollettino di filol. classica», vol. 35, 1928, p. 123 sq.; Gy. Moravcsik. «Történeti Szemle», t. 13, 1928, old. 159—164; idem. «Egyetemes Philol. Közlöny», t. 53, 1929, old. 130—131; E. Stein. ZSav. Roman., Bd. 49, 1929, S. 504—506; M. San Nicolo. «Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft», Bd. 44, 1929, S. 438 f. Проблемы византийского налогового обложения затронуты также в ряде других его работ; Das ἀσπίκον (BZ, 30, 1929—1930) (см. возражения: J. Ch. Tornaritis. ЕЕВЗ, т. 7, 1929—1930, ссЛ. 425 ἐξ. и ответ Дэльгера: BZ, 32, 1932, S. 445); Die Frage der Judensteuer in Byzanz (VISWG, Bd. 26, 1931); Das Fortbestehen der Ἐπιβολή in mittel- und spätbyzantinischer Zeit («Studi in memoria di A. Albertoni», vol. II, 1934); Zum Gebührenwesen der Byzantiner («Etudes dédiées à la mémoire d'A. Andréadès», Athènes, 1940 = = F. Dölger. Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953, S. 232 f.).

⁶⁹ F. Dölger. Beiträge..., S. 65 f.

⁷⁰ Ibid., S. 57.

⁷¹ Ibid., S. 67, A. 2.

⁷² Ibid., S. 52 f. Противоположное мнение было высказано в рецензии Г. Острогорского (G. Ostrogorsky. DLZ, 1927, H. 41, Sp. 2020; ср. idem. Die ländliche Steuergemeinde..., S. 50). Возражения Дэльгера см. в рецензии на книгу Г. Гейса (BZ, 34, 1934, S. 374, A. 2).

⁷³ F. Dölger. Beiträge..., S. 66 f.

ли бесспорность этого вывода; он стал общим местом. Более того, уже Вернадский подошел к новой задаче, указав, что следует выяснить формы византийской общины; сторонники возрожденной фискальной теории шли именно по этому пути, хотя их заключения оказались ложными. Дэльгер же совершенно оставил в стороне этот вопрос, имевший первостепенное значение.

В 1933 г. Дэльгер выступил со статьей «Проблема поземельной собственности в Византии»⁷⁴, содержащей краткую характеристику аграрных отношений в Византии; он изучал их скорее в юридическом, нежели в историческом аспекте, что обуславливалось его концепцией — отрицанием коренных перемен в истории византийского общества. Уже в рецензии на «Историю Византии» Васильева Дэльгер решительно высказался против теории славянской колонизации и отнес возникновение «Земледельческого закона» ко времени Юстиниана I⁷⁵; теперь он развивал те же идеи. Свободное крестьянство, по его мнению, существовало в Византии всегда: «Не может идти речь об „освобождении крестьян“ в какое бы то ни было время, равно как и о полном поглощении свободной крестьянской собственности крупным поместьем»⁷⁶. Можно говорить лишь о росте крупной собственности (начиная с IV в.) и о мероприятиях государства, направленных на защиту крестьянства⁷⁷. Эта мысль не нова — ее можно найти еще у Эшбернера. Социально-политическая подоплека ее — опасение социальных перемен, боязнь революции.

В этой работе Дэльгер останавливается более подробно на проблеме византийской общины. Поскольку, рассуждает он, каждый крестьянин свободно распоряжался своим имуществом, в Византии не существовала подлинная общинная собственность (*ein eigentliches Gemeineigentum*), основанная на родовых связях (*auf Geschlechterverbänden*) и воспринятая в результате славянской колонизации⁷⁸. Какими же правами обладала община? Во-первых, общине принадлежали пастбища⁷⁹, т. е. ее связывала известная экономическая общность; во-вторых, права крестьян ограничивались фискальными интересами: в случае неуплаты налогов участок переходил соседям; действовало право протимисиса и связанная с ним эпибола⁸⁰. Впрочем, по мнению Дэльгера, наличие таких значительных общинных прав не противоречило господству в Византии римского принципа частной собственности (*das römische Individualeigentum*)⁸¹.

В заключении работы Дэльгер коснулся полсжения зависимых крестьян-париков, которых он сближал с позднеримскими колонами и энапографами; он считал, что владение парика носило прекарный характер⁸². В прони он видел передаваемое государством право на определенный

⁷⁴ F. D ö l g e r. Die Frage des Grundeigentums in Byzanz. «Bull. of the Internat. Committee of Histor. Sciences», vol.V, 1933 [=F. D ö l g e r. Byzanz und die europäische Staatenwelt, S. 217—229, где добавлен список его основных работ по этому вопросу (S. 230 f.)]. См. рецензию: Ф. Г р а н и н. «Гласник Скопског научног друштва», т. 13, 1933, стр. 225—228.

⁷⁵ F. D ö l g e r. «Historische Zeitschrift», Bd. 141, 1930, S. 112 f. Ср. также его заметку о работе К. Амандоса (BZ, 32, 1932, S. 448 f.). Позднее он пришел к заключению, что «Земледельческий закон» — неофициальный памятник, составленный на основе Юстинианова законодательства и крестьянского обычного права в VII — начале VIII в. (см. об этом ниже, стр. 148, прим. 134).

⁷⁶ F. D ö l g e r. Byzanz und die europäische Staatenwelt, S. 222.

⁷⁷ Ibid., S. 218, 225.

⁷⁸ Ibid., S. 225.

⁷⁹ Ibid., S. 224 f.

⁸⁰ Ibid., S. 223. Дэльгер полагал, что эпибола продолжала существовать по крайней мере до XI в., а возможно, и до XIV в. (*idem*. Das Fortbestehen der Ἐπιβολή...; ср. его же. Рецензия на Ж. Руйар. BZ, 36, 1936, S. 158 f.).

⁸¹ F. D ö l g e r. Byzanz und die europäische Staatenwelt, S. 218.

⁸² Ibid., S. 226. Ср. *idem*. Beiträge..., S. 67, A. 7

доход с определенного хозяйственного комплекса; в XIV в. прония превращается в полную собственность⁸³.

Подобно Константинеску и Острогорскому, Дэльгер, как мы видим, выступил с критикой теории Цахариз; но если Константинеску и Острогорский признавали, что в Византии VII столетия — в силу тех или иных причин — упрочивались позиции свободного крестьянства, то Дэльгер считал такой переворот невозможным. Начиная свою книгу о византийской податной системе указанием на необходимость отвергнуть «басню о византийском консерватизме»⁸⁴, Дэльгер, однако, в том, что касалось аграрной истории, примирился с этой «басней» и полагал, что византийские поземельные отношения лишь повторяют позднеримские.

В отношении фискальной теории этот ученый оказался более сдержанным, чем Острогорский: несмотря на весь свой сарказм по поводу «родовых связей», Дэльгер признает за сельской общиной не только податную, но и хозяйственную общность⁸⁵.

Что касается проблемы византийского феодализма, то в эту пору Дэльгер затронул ее лишь мимоходом, в краткой заметке по поводу английского перевода статьи Васильева «Вопрос о феодализме в Византии». Дэльгер высказался против концепции Васильева, согласно которой византийский феодализм сложился самостоятельно; если в основе западного феодализма, полагал Дэльгер, лежит принцип вассалитета, то источником византийских квазифеодальных отношений служило императорское дарение, восходящее к позднеримскому *beneficium*. Только под влиянием западного феодализма в Византии с XI (а особенно с XII) в. происходит полная перестройка (*die völlige Umgestaltung*) соответствующих государственно-правовых норм⁸⁶. Как и Иорга, Дэльгер придавал большое значение употреблению термина *λιζιτος* («вассал») в документах, регламентирующих отношения Византии с итальянскими городами и с крепостносцами⁸⁷.

Работы Острогорского и Дэльгера, посвященные «Трактату об обложении», привлекли к этому памятнику внимание виднейших тогдашних византистов, в том числе Э. Штейна и Андреадиса. Штейн занимался по преимуществу историей византийской администрации, но проявлял известный интерес и к социальной истории. Еще в 1923 г. он выпустил небольшую работу, где предложил периодизацию византийской истории. Если в VII в., по его мнению, победила военно-крестьянская демократия (*militärbäuerliche Demokratie*), то XI столетие представляется ему периодом борьбы государства, опирающегося на клир и демократические массы столицы, против феодальных сил. В этой борьбе византийское правительство проводило отчетливо выраженную антимилицаристскую политику⁸⁸. С конца XI в. крупная собственность торжествует: крестьяне, страдающие от податного гнета, не оказывали сопротивления динамам и превращались в зависимое население⁸⁹.

⁸³ F. Dölger. Byzanz und die europäische Staatenwelt, S. 227 f.

⁸⁴ I d e m. Beiträge..., S. 9.

⁸⁵ Любопытно, что он признавал хозяйственное единство также и населенной париками деревни (*ibid.*, S. 67, A. 2).

⁸⁶ F. Dölger. BZ, 34, 1934, S. 208 f. Ср. указанную выше (стр. 132, прим. 26) заметку о статье Герландта, а также заметку о статье А. В. Соловьева (F. Dölger. BZ, 32, 1932, S. 444).

⁸⁷ F. Dölger. BZ, 33, 1933, S. 447.

⁸⁸ E. Stein. Untersuchungen zur spätbyzantinischen Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte. «Mitteilungen zur Osmanischen Geschichte», Bd. II, H. 1—2, 1923, S. 2 f.

⁸⁹ *Ibid.*, S. 8.

В 1928 г. Штейн выступил с обширной рецензией на работы Острогорского и Дэльгера, в которой рассмотрел преимущественно вопросы истории налоговой системы и податной администрации; он затронул в этой связи проблему капникона и аэрикона⁹⁰. В трактовке общины Штейн целиком примкнул к Острогорскому, который, по его словам, окончательно опроверг теорию, рассматривавшую византийскую деревню как «коммунистическую общину» (*eine kommunistische Eigentumsgemeinschaft*)⁹¹.

Штейн признает, что в «средневизантийскую эпоху» (VII—XI вв.) число свободных крестьян значительно возросло, а позднеимперская крупная собственность исчезла; он, следовательно, гораздо решительнее Острогорского и Дэльгера подчеркивает перемены в аграрном строе империи. Однако причину этих перемен Штейн видит, подобно Острогорскому, в «великих реформах» Ираклия, расселившего свои гвардейские отряды в провинциях Малой Азии. При этом существенно замечание историка, что еще в 687 г. (он основывается на данных *Liber pontificalis*) существовала старая податная система; Штейн предполагает, что новая возникла при Юстиниане II⁹².

В 1935—1936 гг. Штейн прочитал в США шесть лекций (они были изданы уже после его смерти). В этих лекциях он развивает уже известные нам мысли о «великих реформах» Ираклия⁹³, якобы положивших начало средневизантийскому периоду, когда преобладало свободное крестьянство⁹⁴. Вместе с тем Штейн поднимает вопрос о византийском феодализме; подобно Дэльгеру, он распространяет это понятие лишь на надстроечные явления и соответственно, как и Дэльгер, приходит к выводу о принципиальном различии (*une différence de principe*) между западным феодализмом и аналогичными (по его терминологии, «феодалистскими») феноменами в Византии; это различие Штейн (вместе с Дэльгером) объясняет силой византийской государственной власти⁹⁵. Правда, резким диссонансом к этим рассуждениям Штейна звучит его собственное утверждение, что уже в IX в. в восточных областях Малой Азии образовалась знать, представителей которой он именуется «баронами» и которую считает сходной с феодальной аристократией Запада⁹⁶.

Андреадис в подробной рецензии на работы Острогорского и Дэльгера лишь мимоходом останавливается на социально-экономических проблемах. В критике общинной теории он примыкает к Острогорскому, считая византийскую общину лишь податной единицей⁹⁷. Вместе с тем греческий экономист ставит один новый вопрос, имеющий большое значение, — о причинах, приведших к упадку мелкой собственности. Он считает допустимым (но не единственно возможным) объяснением этого развитие капитала, который, не находя применения в городах с их строгой регламентацией ремесла и торговли, устремился исключительно в деревню⁹⁸. Эта

⁹⁰ E. Stein. Vom Altertum im Mittelalter. Zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. VfsWG, Bd. 24, 1928, S. 160.

⁹¹ Ibid., S. 161.

⁹² Ibid., S. 162.

⁹³ E. Stein. L'introduction à l'histoire et aux institutions byzantines. «Traditio», vol. 7, 1949—1951, p. 104.

⁹⁴ Ibid., p. 117 sq.

⁹⁵ Ibid., p. 130.

⁹⁶ Ibid., p. 133. Ср. также i d e m. Paysannerie et grands domaines dans l'Empire byzantin. «Recueils de la Société Jean Bodin», vol. 2, 1937 (см. рецензию: Ф. Г р а н и н). «Гласник Скопског научног друштва», т. 21, 1940, стр. 169 и сл.).

⁹⁷ A. Andréadis. Deux livres récents sur les finances byzantines. BZ, 28 1928, p. 307.

⁹⁸ Ibid., p. 306.

мысль, высказанная одновременно и Острогорским, была изложена затем Андреадисом в специальном исследовании⁹⁹.

Андреадис умер в 1935 г. Уже много лет спустя после его смерти был опубликован очерк экономической истории Византии, в котором отчетливо выражены его общие представления о развитии византийской деревни. Не внося чего-либо нового, работа Андреадиса отличается необычайной идеализацией Византии¹⁰⁰. Андреадис говорит о большой численности городского населения (он насчитывает несколько миллионов городских жителей¹⁰¹), изображает византийское земледелие цветущим¹⁰², утверждает, в отличие от многих своих предшественников (например, от Скабаланивича), что голодовки в Византии не имели серьезного значения¹⁰³. В чем же он усматривает причины процветания византийской экономики V—XII вв.? Оказывается, империя процветала благодаря своему населению, ибо византийцы были «добрыми отцами семей, проникшимися деловым духом и любящими ремесло и торговлю». Кроме того, государство принимало решительные меры против уменьшения народонаселения, защищало мелких собственников и покровительствовало развитию промышленности и торговли. «Непрерывный рост богатства, — восклицает Андреадис, — был обусловлен совместными действиями правительства и народа»¹⁰⁴.

Социальную историю Византийской империи Андреадис разделяет на три этапа. Первый этап, который характеризуется концентрацией земельной собственности¹⁰⁵, выходит за избранные нами хронологические рамки и потому не будет здесь рассмотрен. Второй этап (начиная с VIII в.) — время распространения мелкой собственности на землю. Вместе с Острогорским, Дэльгером и многими другими Андреадис придерживается той точки зрения, что крупное землевладение не было полностью уничтожено — произошло лишь уменьшение числа поместий; кроме того, греческий экономист — решительный противник того, чтобы связывать какие-либо процессы византийской истории с расселением славян на территории империи¹⁰⁶. Третий этап Андреадис начинает с IX—X вв. и называет его временем «возвращения к системе крупных поместий»¹⁰⁷. Андреадис не останавливается на положении поздневизантийского крестьянства и не поднимает проблемы византийского феодализма¹⁰⁸, а экономический упадок империи, а отличие от большинства своих предшественников, считает прежде всего «результатом действий внешних врагов»¹⁰⁹.

Мы рассмотрели работы зарубежных историков византийской деревни, написанные в 20-е и первую половину 30-х годов, и можем отметить теперь некоторые основные тенденции, характерные для историографии этого периода. Это стремление, во-первых, приложить к истории Византии такие

⁹⁹ A. A n d r é a d è s. *Floraison et décadence de la petite propriété dans l'Empire byzantin*. «Mélanges E. Mahaim». Paris, 1935, p. 265.

¹⁰⁰ «Byzantium. An Introduction to East Rome Civilization», ed. by N. H. Baynes (and H. St. L. V. Moss. Oxford, 1949 (первое издание—1948), p. 51—70. См. критический разбор: А. П. К а ж д а н. «Последнее слово» современного буржуазного византиноведения. ВВ, V, 1952, стр. 226—231.

¹⁰¹ «Byzantium...», p. 53. Ср. A. A n d r é a d è s. *La population de l'Empire byzantin*. ИБАИ, т. 9, 1935.

¹⁰² «Byzantium...», p. 60.

¹⁰³ Ibid., p. 53.

¹⁰⁴ Ibid., p. 68.

¹⁰⁵ Ibid., p. 55.

¹⁰⁶ Ibid., p. 56. Ср. A. A n d r é a d è s. *Floraison et décadence...*, p. 264.

¹⁰⁷ «Byzantium...», p. 57 (курсив наш. — А. К.)

¹⁰⁸ В другой работе (A. A n d r é a d è s. *Floraison et décadence...*, p. 266) он характеризовал пронарсскую систему как «полуфеодальный режим».

¹⁰⁹ «Byzantium...», p. 70.

категории, как частная собственность и капитал, и, во-вторых, видеть в государстве творческую силу, которая своей реформаторской деятельностью (как в фискальной, так и в военно-административной области) создает новые формы общественных отношений. Обе эти тенденции, своеобразно отражавшие политические и социальные идеи буржуазии на первом этапе общего кризиса капитализма (апологетика капиталистической системы и прославление «сильного» государства), как в фокусе, отразились в фискальной теории, которая одновременно была разработана несколькими учеными.

Каких же результатов удалось добиться сторонникам фискальной теории? Ими было сказано немало едких слов в адрес «коммунистической общины» и «родовых связей», которых, действительно, нельзя обнаружить в Византии. Но опровергнуть самый факт наличия там общины и доказать господство в византийской деревне принципа частной собственности все-таки не удалось: все сторонники фискальной теории, за исключением, пожалуй, Острогорского, должны были признать экономическую общность византийской общины.

Говоря о причинах распространения фискальной теории в 20-е и в начале 30-х годов, нужно обратить внимание еще на одно обстоятельство: в это время в научный оборот вошел и привлек всеобщее внимание «Трактат об обложении» — специфический документ, по самым своим задачам приспособленный к потребностям византийской податной системы. Он был написан как руководство для сборщиков податей и оценивал мир с их точки зрения, их глазами. Естественно, что памятник этого рода должен был оказаться желанным источником для сторонников фискальной теории — недаром он сразу же заслонил «Земледельческий закон».

Впрочем, пострадал не только «Земледельческий закон». «Трактат об обложении» отодвинул на второй план источник, имеющий гораздо большее значение для проникновения в сущность поземельных отношений империи. Уже Васильевскому и Панченко было известно значительное число византийских деловых документов; с конца XIX в. стали издавать афонские акты; в приложениях к «Византийскому временнику» за 1903—1913 гг. было опубликовано шесть монастырских архивов; публикация афонских актов продолжалась и в 20-е годы, когда много грамот издали греческие ученые. Однако акты — важнейший источник для характеристики поместного строя — в 20-е и первой половине 30-х годов с этой точки зрения почти совершенно не изучались. Вернадский обращал лишь к актам, изданным еще в прошлом столетии; у КонстантINESКУ и Острогорского мы встретим только спорадические ссылки на деловые документы; Дэльгер и Мутафчиев использовали грамоты несколько шире, но первый изучал преимущественно податную систему империи (к тому же главным образом в X—XI вв., а число актов, относящихся к этому времени, невелико), а второй — ее военную организацию. Увлечение фискальной теорией приводило к тому, что богатейший круг источников, свидетельствующий о наличии в поздней Византии феодальной системы хозяйства, в течение длительного времени практически оказался вне поля зрения исследователей.

В период увлечения «Трактатом об обложении» недостаточно привлекали внимание также и такие первоклассные источники, как переписка Феофилакта Болгарского и Михаила Хониата; на значение этих памятников для изучения аграрной истории Византии XI—XII вв. давно уже указали Васильевский и Ф. Успенский.

Новый период в истории изучения византийской деревни начинается примерно с середины 30-х годов. Он характеризуется постепенным нарастанием интереса к проблеме византийского феодализма. Эта проблема, как известно, была поставлена в трудах русских византистов (Яковенко, Васильева, К. Успенского), а в западной историографии до середины 30-х годов либо вовсе не затрагивалась, либо разрешалась негативно. Подавляющее большинство западных исследователей видело в ту пору в Византии *особое* государство, принципиально отличавшееся от средневековых государств Западной Европы; это отличие, по их мнению, коренилось в специфике византийской монархии и государственного аппарата, регулировавших и определявших развитие экономики. Суть этих взглядов, как мы помним, была сформулирована представителями так называемой фискальной теории.

Отход от фискальной теории и нарастание с середины 30-х годов интереса к проблеме византийского феодализма в значительной мере объясняются общественными переменами в Европе. Приход фашистов к власти в Германии, итало-германская интервенция в Испании, а затем вторая мировая война, развязанная гитлеровской Германией и милитаристской Японией, неминуемо должны были вызвать в кругах либеральной интеллигенции отвращение к тоталитарному режиму; в либеральной историографии это неприятие фашизма своеобразно проецировалось в прошлое, в частности выразившись в пересмотре представления о роли византийского государства в экономической жизни и — соответственно — в попытке установить сходство экономического развития Запада и Византии.

Здесь мы позволим себе небольшое отступление и обратимся на некоторое время к рассмотрению развития историографии византийского города. Как известно, в прошлом столетии Ж. Николь утверждал, что византийское правительство осуществляло строгий контроль над городским ремеслом и что этот контроль был губителен для ремесла; эту мысль поддержал ряд исследователей начала XX в.: Ж. П. Вальцинг, Э. Корнеманн, А. Штэкле. В 1934 г. развернутой критике теорию Николая подверг (с националистических позиций) Андреадис. По словам Андреадиса, поколение, к которому принадлежал Николь, было воспитано в духе «культы свободной экономики» и уже в силу этого враждебно относилось к монополиям¹¹⁰; отсюда и родилась оценка византийского хозяйства, данная Николем. На деле же византийское правительство не пользовалось какими-то исключительными правами в отношении коллегий и не извлекало из них каких-либо специальных выгод¹¹¹.

Если Андреадис подчеркивал отсутствие у византийского правительства специальных монополий и привилегий, то другие критики Николая, напротив, признавали наличие монополий в Византии, однако по-своему идеализировали их. В весьма поверхностной статье итальянский историк Дж. Марцемини объявил константинопольские коллегии X в. прообразом фашистского «корпоративизма»¹¹². Финский экономист Г. Миквиц утверждал, что правительственная регламентация была выгодна самим купцам и ремесленникам Константинополя, и сравнивал византийские цехи с кар-

¹¹⁰ A. A n d r é a d è s. Byzance, paradis du monopole et privilège. Byz., vol. 9, 1934, p. 175.

¹¹¹ Ibid., p. 174, 180.

¹¹² G. M a r z e m i n i. Il libro del prefetto. «Atti del Reale Istituto Veneto di scienze, lettere ed arti», vol. 94, 1934—1935, p. 406.

телями капиталистического мира, строгая регламентация которых имеет целью извлечение большей прибыли¹¹³. Точно так же румынский историк и реакционный политический деятель Г. Брэтиану придавал в своих построениях большое значение государственному контролю за экономикой. Брэтиану считал, что в X в. византийское государство держало под строгим контролем деятельность коллегий¹¹⁴; эта система контроля представлялась ему унаследованной от Римской империи¹¹⁵. В XI в. положение изменилось: Комнины, «эти византийские Капетинги», выступили выразителями интересов торжествующей феодальной знати; в ее интересах они открыли дорогу для «свободной экономики», несмотря на сопротивление сторонников режима монополий¹¹⁶. Борьба обеих тенденций, по мнению Брэтиану, продолжалась еще на рубеже XIII—XIV вв., когда патриарх Афанасий убеждал императора Андроника II вернуться к системе монополий¹¹⁷, — однако Палеологи не удержали в своих руках контроля за торговлей¹¹⁸.

Ослабление государственного аппарата привело, согласно концепции Брэтиану, к резкому ухудшению положения крестьянства. В VII—X вв. в Византии существовало большое число свободных крестьян, и государство энергично защищало их от динатов. В XI в., с укреплением феодальных отношений, государство пошло навстречу светской и церковной знати, а позднее Палеологи установили «иго парикий», более схожее с крепостным правом средневековья, нежели с римским колонатом¹¹⁹. Эти расхождения привели Брэтиану к выводу, что Византия (а вместе с ней и вся Восточная Европа) развивалась по принципиально иному, если можно так сказать, «обратному», пути, нежели Запад: западное общество шло от крестьянской зависимости к свободе, Византия — от свободы к крепостному праву¹²⁰.

Здесь не место детально критиковать построения Брэтиану (достаточно указать на ошибочность его представления, будто «свободная экономика» соответствует интересам крупных феодальных собственников). Важно, однако, отметить, что в середине 30-х годов именно фашистская и профашистская историография идеализировала Византию как «райскую обитель монополий и привилегий»¹²¹.

Поэтому отказ от фискальной теории был прогрессивным явлением, обусловленным в конечном счете реакцией либеральной интеллигенции на наступление фашистской идеологии. Пересмотр фискальной теории, естественно, приводит к постановке вопроса о принципиальном сходстве западноевропейского и византийского путей развития и, следовательно, к позитивному решению вопроса о феодализме в Византии.

¹¹³ G. Mickwitz. Die Kartellenfunktionen der Zünfte und ihre Bedeutung bei der Entstehung des Zunftwesens. Helsingfors, 1936, S. 207—210.

¹¹⁴ G. I. Brătianu. Un expérience d'économie dirigée. Le monopole du blé à Byzance au XI-e siècle. Byz., vol. 9, 1934 (=G. I. Brătianu. Études byzantines d'histoire économique et sociale. Paris, 1938, p. 136 sq. См. рецензии: F. Dölger. «Orientalische Literaturzeitung», Bd. 43, 1940, S. 410—412; Г. А. Острогорский. SK, vol. 11, 1940, p. 266—268).

Ср. также G. I. Brătianu. La commerce bulgare dans l'Empire byzantin et le monopole de l'empereur Léon VI à Thessalonique. «Сб. в память на проф. П. Ников». София, 1940.

¹¹⁵ G. I. Brătianu. Études byzantines..., p. 140.

¹¹⁶ Ibid., p. 152 sq.

¹¹⁷ Ibid., p. 162 sq.

¹¹⁸ Ibid., p. 168.

¹¹⁹ G. I. Brătianu. Servage de la glèbe et régime fiscal. «Annales d'histoire économique et sociale», 1933, № 23 (=G. I. Brătianu. Études byzantines..., p. 262 sq.).

¹²⁰ Ibid., p. 243 sq.

¹²¹ Ibid., p. 8.

При этом нарастание интереса к проблеме византийского феодализма сопровождалось расширением источниковедческой базы. К исследованию привлекаются новые данные нарративных и эпистолярных источников (прежде всего письма Феофилакта и Михаила Хонина), а главное — акты. Соответственно центр тяжести исследования переносится с X в. на более поздние столетия, преимущественно на XIII—XIV вв., к которым относится большая часть сохранившихся византийских актов. Именно акты, содержавшие обильные данные об организации поместья, формах ренты, зависимости крестьянства, постепенно подводили исследователей к постановке проблемы византийского феодализма.

Здесь следует обратить внимание на одно сравнительно случайное обстоятельство, оказавшее, однако, влияние на пути развития историографии византийской деревни. Уже в конце прошлого столетия некоторое количество византийских актов было введено в научный оборот, причем наиболее значительной группой актов, известной в то время, были грамоты монастыря Лемвиотиссы в Малой Азии (XIII в.). Именно они были предметом специального изучения Васильевского и ряда других русских ученых. С начала XX в. появляется все больше новых византийских актов, относящихся к областям с более развитым поместным строем; изучение византийского поместья (сеньории) почти невозможно строить на материале лемвийских актов, но оно становилось все более доступным по мере того, как выходили в свет новые публикации афонских грамот.

Подобно тому, как в 20-е годы ряд исследователей независимо друг от друга обращается к «Трактату об обложении», в 30-е годы все чаще предметом анализа становится актовый материал, причем первые его исследователи начинают с вопросов, далеких от аграрной тематики, а именно — с палеографического и дипломатического анализа. Лишь постепенно зарождается у них интерес к социально-экономической проблематике.

С конца 20-х годов Ф. Дэльгер выпустил ряд исследований, посвященных проблемам византийской дипломатики, преимущественно императорским дипломат¹²²; за этим последовали обзоры некоторых комплексов византийских грамот (лемвийский кодекс, грамоты монастыря Иоанна Богослова и др.)¹²³. На первых порах в этих обзорах рассматривались вопросы хронологии, просопографии и т. п. Позднее за этой подготовительной работой последовало издание большого числа грамот¹²⁴.

¹²² Значительная часть их собрана теперь в книге: F. D ö l g e r. Byzantinische Diplomatie. Ettal, 1956. См. также i d e m. Die byzantinische und die mittelalterliche serbische Herrscherkanzlei. «XIIe Congrès International des études byzantines. Rapports». Belgrade — Ochride, 1961 (там и литература вопроса). Ср. также i d e m. Bulletin diplomatique. REB, vol. 7, 1949.

¹²³ F. D ö l g e r. Chronologisches und Prosopographisches zur byzantinischen Geschichte des 13. Jahrh. BZ, 27, 1927; i d e m. Die Kaiserurkunden des Johannes-Theologos-Klosters auf Patmos. BZ, 28, 1928; i d e m. Die Urkunden des Johannes-Prodro-mos-Klosters bei Serrai. SBAW, 1935, H. 9; i d e m. Zu den Urkunden des Athosklosters Iberon. «Ελληνικά», т. 9, 1936 (= F. D ö l g e r. Byzantinische Diplomatie, S. 176—188); i d e m. Zur Textgestaltung der Laura-Urkunden und zu ihrer geschichtlichen Auswertung. BZ, 39, 1939; i d e m. Chronologisches und diplomatisches zu den Urkunden des Athosklosters Vatopedi. BZ, 39, 1939.

¹²⁴ Основные издания: F. D ö l g e r. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948; i d e m. Sechs byzantinische Praktika des 14. Jahrh. für Athoskloster Iberon. «Abhandlungen der Bayer. Akad. der Wiss.», NF, Bd. 28, 1949. Обе работы снабжены детальным комментарием. Кроме того, большое число актов было опубликовано в различных сборниках (F. D ö l g e r. Neues zu Alexios Metochites und zu Theodoros Meliteniotes. «Miscelanea G. Mercati», vol. 3, 1946; Ein Fall slavischer Einsiedlung im Hinterland von Thessalonike im X. Jhd. SBAW, 1952, H. 1; Eine stenographische byzantinische Gebärenquittung aus dem J. 941. «Festschrift F. Lammert», 1954; Ein Chrysobull des Kaisers Andronikos II. für Theodoros Nomikopoulos aus dem J. 1288. «Miscellanea G. Hofmann». Roma, 1955; Archivarbeit auf dem Athos. «Archivalische

В многочисленных публикациях Дэльгера, в его специальных исследовательских статьях, критических рецензиях и заметках содержится много разрозненных наблюдений по аграрной истории Византии. Привлекая огромный круг источников, Дэльгер анализирует различные податные, хозяйственные и юридические термины, относящиеся к византийской деревне. В комментариях и заметках Дэльгера мы найдем не только решение частных вопросов, но и некоторые общие суждения о развитии аграрных отношений в Византии. Если в 1934 г. Дэльгер (как мы уже отмечали) решительно отвергал тезис Васильева о параллельном развитии феодальных отношений на Западе и в Византии, то позднее систематическое изучение византийских актов заставило его значительно модифицировать эту точку зрения.

В 1940 г. в статье, посвященной одному из видов византийских государственных повинностей, Дэльгер сформулировал важный вывод: «Мы можем представить себе поместные отношения средне- и поздневизантийской эпохи по аналогии с Западом (ähnlich wie im Westen)». Пусть сам Дэльгер еще не пользуется здесь термином «феодализм», византийское поместье, которое он рисует, — не что иное, как феодальная сеньория: оно состояло, по словам Дэльгера, из барского двора, домениальной земли и крестьянских наделов; домен обрабатывался частично трудом дворовых, частично же — при помощи крестьянских барщин¹²⁵.

Значит, теперь речь шла не просто о сходстве «борьбы между крестьянином и крупным собственником», которое только и допускал Дэльгер в заметке о статье Васильева, — теперь он признал наличие коренного сходства в экономике Запада и Византии.

Допуская существование в Византии поместного строя, Дэльгер, тем не менее, и в работах конца 30-х — 50-х годов утверждал, что здесь сохранялись римские формы поземельной собственности¹²⁶, а появление «феодализма» в Византии он и тогда был склонен связывать с западным влиянием: понятия, свойственные феодальному порядку, были, по его мнению, внедрены в Византии западным рыцарством в результате крестовых походов¹²⁷.

Но уже в 1954 г. в рецензии на книгу Ж. Руйар¹²⁸ Дэльгер подчеркнул, — не затрагивая на этот раз вопроса о «западном рыцарстве», — что феодальные отношения (feudale Verhältnisse) развивались в Византии до IV крестового похода и упрочились при Палеологах¹²⁹. Еще более показательным было его замечание, высказанное по поводу статьи Д. Закифиноса¹³⁰: экономические формы, присущие византийской деревне, Дэльгер связал здесь с «феодализмом» (под которым он по-прежнему понимал определенную систему политических отношений); по словам Дэльгера, экономическое развитие средневекового Запада и Византии было аналогичным

Zeitschrift», Bd. 50/51, 1955; Aus dem Wirtschaftsleben eines Frauenklosters in der byzantinischen Provinz. «Wiener Archiv für Geschichte des Slawentums und Osteuropas», Bd. 2, 1956; Finanzgeschichte aus den byzantinischen Kaiserkanzlei des 11. Jhdts. SBAN, 1956, H. 1; Neues von Berg Athos. «Studi bizantini e neoellenici», vol. 9, 1957). Большая часть указанных здесь публикаций вошла в сборник: F. D ö l g e r. ПАРАШПОРА. Ettal, 1961.

¹²⁵ F. D ö l g e r. Zum Gebührenwesen der Byzantiner. «Etudes dédiées à la mémoire d'A. M. Andréadès». Athènes, 1940 (=F. D ö l g e r. Byzanz und die europäische Staatenwelt, S. 253, A. 75).

¹²⁶ F. D ö l g e r. Aus den Schatzkammern..., S. 159.

¹²⁷ F. D ö l g e r. Рецензия на книгу Д. Закифиноса «Βυζάντιον». BZ, 45, 1952, S. 71; i d e m. Die Kreuzfahrerstaaten auf dem Balkan und Byzanz. «Südostforschungen» Bd. 25, 1956, S. 151f.

¹²⁸ См. ниже, стр. 154, прим. 179.

¹²⁹ F. D ö l g e r. «Orientalische Literaturzeitung», 1954, № 5/6, S. 206.

¹³⁰ См. ниже, стр. 159, прим. 212.

(эту мысль Дэльгер высказывал еще в 1940 г.), и именно это, сходное с западным экономическое развитие Византии подготовило ее к принятию «феодализма»¹³¹.

В 1956 г. Дэльгер прочитал доклад (опубликованный только в 1960 г.), в котором снова, как и в 1933 г., кратко изложил свои взгляды на аграрное развитие Византии. Для того, чтобы представить себе, сколь значительным было изменение его воззрений, достаточно сказать, что доклад 1956 г. носил название «Феодализм в Византии». Дэльгер начинает этот доклад с еще более решительной, чем прежде, формулировки принципиального тезиса о единстве экономического и (это — важное дополнение) социально-политического развития Запада и Византии: «Нельзя отрицать, что поземельные отношения и определяемые ими (в силу аграрного по преимуществу характера экономики) социально-политические порядки на средневековом Западе и внутренний строй Византии развивались в аналогичном направлении и привели в конечном счете к весьма сходным формам». И византийские, и западноевропейские поземельные отношения вырастают, полагает он, из позднеантичного патрония, и хотя развитие их идет некоторое время разными дорогами, с XIII столетия оно снова становится сходным¹³².

Вместе с тем в своей оценке западного влияния на Византию Дэльгер оказывается теперь гораздо более сдержанным: Запад, по его мнению, способствовал прежде всего (vor allem) формированию «политических, экономических и социальных идей в феодальных понятиях»¹³³. Иначе говоря, экономические и политические формы сложились в Византии самостоятельно, но под влиянием Запада они были облечены в новую («феодальную») терминологию.

Аграрная эволюция Византии очерчена в этой статье весьма кратко. В конце VII в., полагает Дэльгер, произошло значительное возрастание (ein mächtiger Zuwachs) числа мелких земельных собственников, но эти перемены носили лишь количественный характер; кроме того, Дэльгер по-прежнему отрицает связь аграрных перемен VII в. со славянским вторжением и объясняет их административной реформой (Verwaltungsreform). Вместе с тем существенно, что составление «Земледельческого закона» немецкий ученый относит именно к VII — началу VIII в. и признает наличие в византийской деревне того времени альменды¹³⁴.

Изменения в аграрных порядках не привели к уничтожению крупной земельной собственности; более того, Дэльгер полагает, что в VII—IX вв. продолжалось ее дальнейшее развитие. Впрочем, он тут же отмечает, что в источниках того времени нет никаких свидетельств о наличии крупной земельной собственности¹³⁵. Вряд ли может вызвать возражения общепризнанный тезис о резком обострении борьбы крупной и мелкой собственности в X в. По-видимому, этим же столетием Дэльгер датирует возникновение харистикарной системы, которую он сопоставляет с западноевропейским бенефицием, считая ее предвестницей феодализма на

¹³¹ F. D ö l g e r. BZ, 49, 1956, S. 498.

¹³² F. D ö l g e r. Der Feudalismus in Byzanz. «Vorträge und Forschungen», Bd. V. Lindau und Konstanz, 1960, S. 185.

¹³³ Ibid., S. 186 (курсив наш). Отметим, что еще в 1950 г. Дэльгер говорил о проникновении в Византию западных феодальных понятий (Begriffe), в которых он видел созидательную силу (treibendes Element) (F. D ö l g e r. BZ, 43, 1950, S. 153).

¹³⁴ F. D ö l g e r. Der Feudalismus..., S. 187. О «Земледельческом законе» см. также F. D ö l g e r. Ist der Nomos Georgikos ein Gesetz des Kaisers Justinian II? «Festschrift L. Wenger», Bd. II. München, 1945; i d e m. Harmenopulos und der Nomos Georgikos. Τόμος Κ. Ἀρμενοπούλου. Thessalonike, 1952 (см. F. D ö l g e r. ΠΑΡΑΣΠΟΡΑ. S. 241—272).

¹³⁵ F. D ö l g e r. Der Feudalismus..., S. 187.

Востоке¹³⁶. С XI в., по Дэльгеру, развивается система проний, которая все ближе напоминает западноевропейские феодальные учреждения¹³⁷. Впрочем, Дэльгер подчеркивает, что византийские порядки отличаются от западных прежде всего отсутствием феодальной иерархии, равно как и сохранением верховного контроля государства за собственностью прониаров¹³⁸.

Наконец, немецкий историк обращает внимание на резкое имущественное, правовое и социальное разделение двух основных группировок византийского общества: привилегированных магнатов и крестьянства, не скрывая «несчастной доли» как свободного, так и зависимого крестьянства¹³⁹. Свободное крестьянство, значение которого резко сократилось в результате процесса феодализации, сохранилось до конца византийской истории¹⁴⁰.

Разумеется, можно было бы спорить с Дэльгером по поводу многих общих и частных положений; к примеру, роль государства в историческом процессе все еще представляется Дэльгеру более значительной, чем она была в действительности: не государство своей реформой воссоздало класс свободного крестьянства в конце VII в. — к этому привели сложные и длительные социально-экономические процессы, начавшиеся еще в эпоху Поздней Римской империи и завершившиеся в условиях славянской колонизации; не государство, конечно, создало и право протимисиса — оно вытекало из самой природы византийской общины с ее сильно развитыми правами на чужую землю. Можно упрекнуть Дэльгера также в том, что он не ставит вопроса о двойственности крестьянских прав на землю или о феодальной ренте и т. д. Однако значительно важнее подчеркнуть не то, что не сделано Дэльгером, а то, что им сделано, подчеркнуть развитие его взглядов. Если в 1933 г. Дэльгер в своем анализе византийских поземельных отношений исходил из понятия римской частной собственности, будто бы сохранявшейся в неизменном виде на протяжении всей истории Византии, и эта методологическая посылка неминуемо приводила его к отрицанию эволюции аграрных отношений, то в 1956—1960 гг. он исходит из понятия византийского феодализма и признает существенные изменения аграрного строя империи, считая их в общих чертах аналогичными той эволюции, которую можно наблюдать на средневековом Западе: от преобладания свободного крестьянства в VII в. к господству сеньории и феодальных институтов в XI—XV вв. Разумеется, Дэльгеру осталось совершенно чуждым учение о феодальной формации¹⁴¹.

С развитием взглядов Дэльгера непосредственным образом связано и изменение его исследовательских методов. Дэльгер вышел из мюнхенской филологической школы, и в первых его исследованиях анализ терминологии и правовых норм нередко заслонял изучение реальных общественных отношений¹⁴². Однако постепенное накопление фактического материала (и актового в том числе) заставило Дэльгера понять ограниченность

¹³⁶ Ibid., S. 187 f.

¹³⁷ Ibid., S. 188, 192. О «феодализации» империи в XI в. в связи с раздачей проний Дэльгер писал еще в 1939 г. (F. D ö l g e r. Zur Textgestaltung..., S. 59).

¹³⁸ F. D ö l g e r. Der Feudalismus..., S. 189.

¹³⁹ Ibid., S. 189. Следует отметить, что ранее Дэльгеру была свойственна тенденция несколько приукрашивать положение византийских париков: он односторонне оттенял объем их владельческих прав и полагал, что в лице монастырей они находили настоящих защитников (F. D ö l g e r. Aus den Schatzkammern..., S. 190, 315).

¹⁴⁰ F. D ö l g e r. Der Feudalismus..., S. 191.

¹⁴¹ См. F. D ö l g e r. Рецензия на книгу «Aus der byzantinistischen Arbeit der DDR». BZ, 50, 1957, S. 437.

¹⁴² Еще Штейн, сравнивая работу Дэльгера о «Трактате об обложении» с соответствующей статьей Острогорского (E. S t e i n. Vom Altertum..., S. 158), подчеркивал, что, будучи истинным воспитанником мюнхенской школы, Дэльгер именно филолог, а не историк.

филолого-юридического подхода к источнику. Дэльгер стал искать новые методы и попытался, в частности, приступить к статистической обработке византийских практиков¹⁴³. Вместе с тем Дэльгер пришел к выводу, что византийской (особенно поздневизантийской) терминологии отнюдь не свойственна строгость и четкость и что анализ терминов, обозначающих крестьян, далеко не всегда позволяет раскрыть действительные отношения¹⁴⁴. Остается сделать один шаг и сказать, что за основу изучения положения крестьянства следует принять характер рентных отношений, — но этот шаг пока еще не сделан.

Из школы Дэльгера еще в середине 30-х годов вышли две диссертации, существенные для истории византийской деревни. Обе они были основаны на источниках, которые до тех пор почти не привлекались на Западе для изучения аграрного строя. Эти источники — произведения Феофилакта Болгарского и Михаила Хониата — позволяли ставить вопрос о социальном развитии Византии в XI—XII вв. — в столетия, которые не были освещены ни новеллами императоров Македонской династии, ни «Трактатом об обложении», датированными X в., ни актами, в своем большинстве относящимися к поздневизантийскому периоду.

Автор одной из этих диссертаций, Д. Ксаналатос, основываясь на письмах Феофилакта Болгарского и привлекая для объяснения их актовый материал, пришел к выводу, что XI столетие было временем быстрого роста крупной земельной собственности и расширения имущественных прав знати¹⁴⁵; при этом Ксаналатос с полным основанием подчеркивал, сколь тяжелым было положение крестьян, вынужденных продавать свои наделы¹⁴⁶, как страдали они от налогового бремени, экстраординарных поборов, от системы откупа налогов¹⁴⁷. В этих условиях число свободных крестьян сокращалось, однако само свободное крестьянство как социальная категория не исчезло¹⁴⁸.

Ксаналатос обрисовал расстановку основных общественных группировок в средневековой деревне, не пользуясь термином «феодализм» ни при характеристике поместных отношений, ни даже при описании податных привилегий и харистикия. К тому же общественные группировки обозначены чересчур общими понятиями («крупные собственники», «зависимое крестьянство», «свободное крестьянство»), не выясняющими их средневековой специфики. Это неминуемо приводит Ксаналатоса к искажению природы аграрных отношений: крупные земельные собственники XI в. оказываются носителями капитала¹⁴⁹, а церковь всерьез изображается защитницей крестьянства¹⁵⁰.

¹⁴³ F. D ö l g e r. Sechs byzantinische Praktika..., S. 23 f. Значение этого метода справедливо подчеркнул Ф. Гшницер в рецензии на книгу Ж. Руйар (F. G s c h n i t z e r. «Anzeiger für die Altertumswissenschaft», Bd. 9, 1956, H. 3, Sp. 163).

¹⁴⁴ F. D ö l g e r. Der Feudalismus..., S. 190 f.

¹⁴⁵ D. X a n a l a t o s. Beiträge zur Wirtschafts- und Sozialgeschichte Makedoniens im Mittelalter, hauptsächlich auf Grund der Briefe des Erzbischofs Theophylaktos von Achrida. Speyer a. Rh., 1937, S. 26 f., 64 f. Поддержав основной вывод Ксаналатоса, Осрогорский в рецензии на его книгу (SK, vol. 11, 1940, p. 270) справедливо поставил в упрек греческому ученому незнакомство с русской литературой. Ср. рецензии: И. Д у й ч е в. «Македонски преглед», т. XII, 2, 1940; G. M i c k w i t z. BNJb., Bd. 15, 1939, S. 251—253.

¹⁴⁶ D. X a n a l a t o s. Beiträge..., S. 57.

¹⁴⁷ Ibid., S. 37, 47f., 55. Ср. также i d e m. Βυζαντινά μελετήματα. «Texte und Forschungen zur byzantinisch-neugriechischen Philologie», Bd. 38, 1940 (нам недоступно); там Ксаналатос рассматривал, в частности, вопрос о народных движениях в Византии.

¹⁴⁸ D. X a n a l a t o s. Beiträge..., S. 65

¹⁴⁹ Ibid., S. 57.

¹⁵⁰ Ibid., S. 63 f.

Одна мысль Ксаналатоса, однако, заслуживает внимания: по его мнению, поглощение мелкокрестьянских хозяйств династским землевладением было результатом внутреннего экономического развития (*innere wirtschaftliche Entwicklung*), а не следствием политики императоров XI в., недостаточно чутких к интересам крестьянства¹⁵¹; выдвинув этот тезис, Ксаналатос поставил под сомнение один из основных принципов фискальной теории, согласно которой императорская власть превращалась в главную движущую силу исторического процесса. С тем же кругом идей, по-видимому, связана резко отрицательная оценка Ксаналатосом «бюрократической организации» византийского государства¹⁵², деморализации византийского чиновничества¹⁵³. Ксаналатос, таким образом, отходил от того культа сильного государства, который был присущ реакционному направлению зарубежного византиноведения и особенно насаждался в среде профашистски настроенных исследователей.

Другая диссертация, посвященная Михаилу Хониату, была написана Г. Штадтмюллером и по своему характеру существенно отличалась от книги Ксаналатоса: если греческий ученый уделил основное внимание аграрным отношениям и податной системе, то Штадтмюллер интересовался в первую очередь хронологией произведений Хониата и его биографией. Обильные данные по истории византийской деревни, содержащиеся в речах и письмах Хониата, использованы Штадтмюллером далеко не исчерпывающим образом: укажем хотя бы на разбросанные в переписке сведения о церковном проастии Ороп, об аренде церковных земель, о *χορφισμός* об эконормии. Однако в некоторых местах книги Штадтмюллер коснулся истории аграрных отношений в Византии; при этом он отстаивал тезис о сходстве путей развития Византийской империи и Запада в XII в. «Подобно тому, как это происходило на Западе в то же самое время, и здесь развитие приводило к разрыву всеобщего подданства, к возникновению опосредствованного подданства (*Mediatuntertanentum*, иными словами — вассалитета. — *А. К.*) и тем самым к установлению территориального господства». По словам Штадтмюллера, силы, приведшие к этой децентрализации (мы бы могли сказать, к феодальной раздробленности), были те же, что и на Западе (*dieselben wie im Westen*): лен (прония), иммунитет (экскуссия) и вотчинные права в отношении зависимых крестьян. Штадтмюллер, наконец, высказывает мысль, что город того времени существенно не отличался от деревни: городского права уже не существовало¹⁵⁴.

Не пользуясь термином «феодализм», Штадтмюллер рисует по сути дела картину феодальных общественных отношений. Вместе с тем он подчеркивает наличие в византийском обществе XII в. коренного различия между магнатами и массой крестьян — свободных и несвободных¹⁵⁵.

Вскоре после выхода в свет книги о Михаиле Хониате Штадтмюллер опубликовал несколько статей, в которых развивал мысли Штейна и Ост-

¹⁵¹ *Ibid.*, S. 57 f. В этой формулировке Ксаналатос близок к своему учителю (см. *F. Dölger. Beiträge...*, S. 64 f.), с тем, однако, отличием, что Дэльгер говорил лишь о стратиготах и отнюдь не подчеркивал столь четко влияние внутреннего развития.

¹⁵² *D. Xanalatoss. Beiträge...*, S. 66 f.

¹⁵³ *Ibid.*, S. 74.

¹⁵⁴ *G. Stadt Müller. Michael Choniates, Metropolit von Athen. Roma, 1934, S. 24.* В отличие от Ксаналатоса, Штадтмюллер хорошо знаком с русской историографией, в том числе со статьей И. И. Соколова «Материалы по земельно-хозяйственному быту Византии» (*Известия АН СССР, ООН, 1931, № 6*), где автор ставил вопрос о развитии феодализма и о классовой борьбе в деревне (там же, стр. 705 сл.).

¹⁵⁵ *G. Stadt Müller. Michael Choniates, S. 66. Cp. D. Xanalatoss. Beiträge...*, S. 56.

рогорского об общественном перевороте VII в. Подобно этим ученым, Штадтмюллер говорил о полной внутренней перестройке (*völlige innere Umgestaltung*) государства, сущность которой состояла в создании ополчения из свободных крестьян¹⁵⁶; подобно этим ученым, он относил начало упадка крестьянства и крестьянского ополчения к середине XI в., считая, что замена «милиции» регулярным войском была результатом постепенного социального развития¹⁵⁷. Новая система обороны послужила причиной краха Византийской империи, наступившего вопреки отдельным попыткам смелых реформ, какие, в частности, предлагал в XV столетии Плифон¹⁵⁸.

Статьи Штадтмюллера не вносили чего-либо принципиально нового в концепцию Штейна — Острогорского, однако и выбор аспекта исследования (в центре внимания — армия и военная политика), и идеализация зажиточного крестьянства (*Grossbauern*)¹⁵⁹ и «геополитическая» терминология¹⁶⁰ свидетельствовали о проникновении в немецкую византистику идей фашистского райха. В дальнейшем Штадтмюллер, который начал с фактического признания византийского феодализма, закономерно пришел к отказу от этой тенденции: в 1955 г. в рецензии на книгу Острогорского он отверг самую возможность признать аграрные порядки в Византии феодальными¹⁶¹. У нас еще будут основания вернуться к рецензии Штадтмюллера; сейчас хотелось бы только отметить противоположность эволюции его взглядов и взглядов Дэльгера. В известной мере такая противоположность была связана с тем обстоятельством, что Штадтмюллер никогда не занимался столь пристально, как Дэльгер, византийскими актами — важнейшим источником для изучения реальных отношений в византийской деревне.

Творческий путь французской исследовательницы Ж. Руйар во многом напоминает путь Дэльгера: как и Дэльгер, она начинала со специальных занятий в области палеографии и дипломатики¹⁶². Она изучала акты из архива афонской лавры св. Афанасия: уже в 1926 г. Руйар выступила с обзором неизданных лаврских грамот, остановившись, в частности, на дипломе Мануила II Палеолога от 1405 г., содержавшем интересные сведения о взимании налогов с монастырских владений¹⁶³. Затем в сотрудничестве с П. Колломом она издала большую группу лаврских актов, относящихся к 897—1178 гг.¹⁶⁴ — к периоду, который до тех пор был крайне скудно обеспечен документальными источниками. Она продолжала рабо-

¹⁵⁶ G. Stadtmüller. Landesverteidigung und Siedlungspolitik im oströmischen Reich. ИБАИ, т. 9, 1935, стр. 395. В сокращенном виде статья была опубликована под тем же названием в журнале «Forschungen und Fortschritte» (Bd. 10, 1934, S. 404 f.). К сожалению, нам была недоступна его работа об аграрной политике византийских императоров: G. Stadtmüller. Oströmische Bauern- und Wehrpolitik. «Neue Jahrbücher für deutsche Wissenschaft», Bd. 13, 1937 (см. BZ, 37, 1937, S. 243 f.).

¹⁵⁷ G. Stadtmüller. Landesverteidigung..., S. 397.

¹⁵⁸ Ibid., S. 399.

¹⁵⁹ Ibidem.

¹⁶⁰ Ibid., S. 392. Ср. также популярную статью: F. Dölger. Bauernschutzgesetze vor 1000 Jahren («Zeitschrift für Bauern- und Bodenrecht», Bd. 3, 1935), пронизанную теми же идеями.

¹⁶¹ G. Stadtmüller. «Gnomon», Bd. 27, 1955, № 2, S. 131.

¹⁶² Позднее Руйар опубликовала обзор развития византийской дипломатики, начиная с 1905 г.: G. Rouillard. La diplomatie byzantine depuis 1905. Byz., vol. 13, 1938 (мы оставляем в стороне исследования Руйар по истории византийского Египта).

¹⁶³ G. Rouillard. Les archives de Lavra (Mission Millet). Byz., vol. 3, 1926, p. 256 sq. Ср. ее статью «Note prosopographique et chronologique». Byz., vol. 8, 1933.

¹⁶⁴ G. Rouillard—P. Collomp. Actes de Lavra, vol. I. Paris, 1937.

тать над лаврскими актами, готовя издание грамот палеологовского времени¹⁶⁵.

Работа над актами заставляла Руйар поднимать и решать различные частные проблемы, касающиеся главным образом фискальной политики византийского государства. Так, она вновь вернулась к вопросу об эпиболе, который не один раз ставился ее предшественниками. Руйар нашла новые материалы и новое решение этого спорного вопроса: опираясь на хрисовулы XI—XII вв., она показала, что термин «эпибола» хотя и применялся в это время, однако имел новое значение¹⁶⁶.

Руйар не ограничилась только исследованием частных вопросов и отдельными замечаниями по общим проблемам аграрной истории Византии, она изложила свой взгляд на аграрное развитие империи в книге, являющейся, кстати сказать, до настоящего времени единственным общим очерком истории византийской деревни¹⁶⁷. К сожалению, эта книга вышла уже после смерти Руйар, скончавшейся в 1946 г., и содержит много погрешностей и промахов.

Концепция Руйар является по сути дела компромиссной: с одной стороны, она признает стойкость традиционных, восходящих к римским порядкам общественных отношений, с другой — допускает наличие византийского феодализма, хотя и связывает его возникновение по преимуществу с воздействием институтов, принесенных крестоносцами. По мнению Руйар, свободная община VII—VIII вв. не обязана своим происхождением исключительно славянам: и до славянского вторжения в империю были свободные поселения, — но все же расселение славян способствовало укреплению мелкой свободной собственности¹⁶⁸; те перемены, которые происходили в это время (в частности, укрепление мелкой свободной собственности и сокращение крупных владений), исследовательница вслед за Острогорским объясняет изменениями фискальной системы (*transformations d'ordre fiscal*)¹⁶⁹. В соответствии с этим византийскую общину она считает административно-фискальной, хотя и признает известную экономическую общность односельчан, совместно владевших неподеленной территорией¹⁷⁰. В IX в., по мнению Руйар, положение крестьянства становилось все более тяжелым. С утомительным однообразием повторяет она, что в разные эпохи (в византийском Египте, в X в., в XII в и т. д.) самое существование класса свободных крестьян оказывалось под угрозой¹⁷¹, — и все же мелкая свободная собственность не исчезла до последних дней империи¹⁷².

¹⁶⁵ G. Rouillard. Les Actes de Lavra à l'époque des Paléologues. «Atti del V congresso internazionale di studi bizantini», vol. I, 1939, p. 300—307. Наиболее интересны здесь данные о податной системе (p. 303 sq.).

¹⁶⁶ G. Rouillard. L'épibole au temps d'Alexis Comnène. Byz., vol. 10, 1935, p. 83 sq. Ср. также ее работы: Les taxes maritimes et commerciales d'après les actes de Patmos et de Lavra. «Mélanges Ch. Diehl», vol. I. Paris, 1930; La dîme des bergers valaques sous Alexis Comnène «Mélanges N. Iorga», 1933; Le mot *χάραγμα* dans les actes des Paléologues. «Εἰς μνήμην Σ. Λάμπρου». Ἀθήναι, 1935; Recensements de terres sous les premiers Paléologues. Byz., vol. 12, 1937; Λύσις, συνήθεια, σχιδευμός, ἀποσχιδευμός. «Annuaire de l'institut de philol. et d'hist. orientales et slaves», vol. 6, 1938; Notes et discussions. «Revue de philol., de littérature et d'hist. anciennes», vol. 16, 1942. Ср. также G. Rouillard, A. Soloviev. Τὸ φοινικόν. «Μνημόσυνα Παππούλια». Ἀθήναι, 1934.

¹⁶⁷ G. Rouillard. La vie rurale dans l'Empire byzantin. Paris, 1953.

¹⁶⁸ Ibid., p. 85 sq.

¹⁶⁹ Ibid., p. 90 sq.

¹⁷⁰ Ibid., p. 98.

¹⁷¹ См. рецензии: G. Ostrogorsky. ВЗ 47, 1954, S. 426; А. Я. Гурев ВВ, X, 1956, стр. 230.

¹⁷² G. Rouillard. La vie rurale..., p. 140, ср. p. 167.

Наряду со свободными крестьянами и Византии всегда (в этом отношении взгляды Руйар вполне совпадают с концепцией Дэльгера) существовала крупная собственность: Руйар находит свидетельства о ней в житиях VIII—IX вв.¹⁷³ В соответствии с традиционными воззрениями исследовательница полагает, что государство в X в. вело борьбу против нее, защищая крестьянство¹⁷⁴. Но о том, что представляло собой это византийское крупное землевладение, можно говорить лишь начиная с более поздней эпохи, когда появляются акты, позволяющие познакомиться с системой труда в крупных поместьях. Перейдя к изучению этого времени, Руйар оказалась перед проблемой феодализма. Она писала: «Накануне завоевания Константинополя крестоносцами аграрные отношения отличались такими чертами, которые позволяют в какой-то степени сближать их с западным феодализмом»; эти черты, по ее мнению, суть, во-первых, система проний, напоминающих западные фьефы, и, во-вторых, крестьянская зависимость, сходная с вилланской¹⁷⁵.

Однако признание византийского феодализма и известного сходства общественных отношений в империи с западными порядками в книге Руйар непоследовательно¹⁷⁶. Она говорила о коренном отличии в положении византийского парика, который — в противоположность виллану на Западе — был обязан барщиной и натуральной рентой не сеньору, а государству. Римские традиции, полагала исследовательница, оставались прочными и на позднем этапе византийской истории. В соответствии с этим характерную черту общественных отношений того времени Руйар видела в сочетании общинных отношений, восходящих к Поздней Римской империи (*des communautés libres du Bas-Empire*), с феодальными установлениями, которые насаждались завоевателями-крестоносцами (*les usages de la féodalité établis par les conquérants*)¹⁷⁷.

Мы не будем здесь говорить о слабых сторонах книги Руйар, о недостатках ее общей концепции и о частных ошибках (она, например, считала *δοῦλοι* свободными работниками)¹⁷⁸. Для нас в данной связи важно отметить, что Руйар — при всем своем стремлении подчеркнуть традиционность, незыблемость старых, римских порядков в аграрном строе империи — была вынуждена под давлением фактов, почерпнутых из актового материала, прийти — пусть со множеством оговорок — к признанию византийского феодализма. Но это признание феодализма остается в книге Руйар непоследовательным и постоянно оттесняется абстрактным, схематическим противопоставлением (в духе юристов школы Монье) крупного и мелкого собственника вообще¹⁷⁹.

¹⁷³ G. Rouillard. *La vie rurale...*, p. 95 sq.

¹⁷⁴ *Ibid.*, p. 106.

¹⁷⁵ *Ibid.*, p. 143, ср. p. 126.

¹⁷⁶ Ср. G. Ostrogorsky. *BZ*, 47, 1954, S. 424 f.; А. Я. Гуревич. *ВВ*, X, 1956, стр. 233.

¹⁷⁷ G. Rouillard. *La vie rurale...*, p. 147.

¹⁷⁸ *Ibid.*, p. 97.

¹⁷⁹ Зарубежная литература в общем высоко оценила книгу Руйар (см. J. L o n g n o n . *La vie rurale dans l'Empire byzantin*. «Journal des savants», 1954, p. 31—39, а также рецензии: R. R é m o n d o n . *Byz.*, vol. 23, 1954, p. 553—561; B. S p u l e r . «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Bd. 104, 1954, S. 201; R. G u i l l a n d . *BS*, vol. 15, 1954, p. 50 sq.; i d e m . «Revue des études grecques», vol. 68, 1955, p. 415; O. M o n t e v e s c h i . «Aegyptus», vol. 35, 1955, p. 127—129; F. G s c h n i t z e r . «Anzeiger für die Altertumswissenschaft», Bd. 9, 1956, Sp. 162—164). Лишь Дэльгер подверг эту работу безжалостной критике (F. D ö l g e r . «Orientalische Literaturzeitung», 1954, № 5/6, S. 209 f.); помимо фактических ошибок и неиспользования литературы [в том числе советской (*ibid.*, S. 208), опубликованной уже после смерти Руйар], немецкий ученый особенно ставит в упрек автору признание коренных перемен в общественной структуре (*tiefgehende Strukturänderung*) в VII в. под влиянием славянских вторжений и введения системы солдатских наделов

Подобно Дэльгеру и Руйар, В. А. Мошин также пришел к изучению социально-экономических отношений от палеографических исследований и публикации византийских актов. Уже в середине 30-х годов он выпустил несколько статей, посвященных проблемам греческой и южнославянской дипломатики¹⁸⁰. Одновременно он подготовил к изданию многочисленные грамоты, снабдив их реальным и филологическим комментарием¹⁸¹.

Эта работа, первоначально сугубо филологическая, неминуемо должна была поставить перед Мошиным ряд важных вопросов, относящихся к социально-экономической проблематике. В частности, в статье, посвященной серважу в Византии, он вернулся к проблеме существования в Византии различных категорий зависимого крестьянства, которую поднимал в свое время еще иеромонах Михаил. Вслед за Панченко Мошин считал париков свободными людьми, «связанными не личной, а податной крепостью»¹⁸²; он отличал от них элевтеров (не занесенных в податные списки), которые могли стать присельниками-проскафименами, поселившись на чужой земле, и превращались в конечном счете в париков, которых господин не имел права согнать с надела¹⁸³. Наконец, Мошин полагал, что в Византии существовали холопы, прикрепленные к земле и находившиеся в личной зависимости от господина¹⁸⁴, иначе говоря — крепостные, аналогичные западноевропейским сервам.

Следовательно, по мнению Мошина, только часть зависимых крестьян в Византии была обложена государственными податями — в соответствии с «частноправовой точкой зрения римского права», другую же составляли сервы, крепостные, чье положение соответствовало нормам «западноевропейского средневекового права»¹⁸⁵. Таким образом, он, подобно Дэльгеру и Руйар, ощупью, с колебаниями, но все же склонялся к тому, чтобы признать наличие феодальных порядков в Византии.

Другая статья Мошина посвящена анализу практиков Зографского монастыря, рассмотренных в свое время Безобразовым. В начале этой статьи Мошин поднимает два методических вопроса, имеющих большое значение для совершенствования методики исследования. Он подчеркивает, что при изучении византийских описей необходимо «учитывать не только различие финансового устройства империи и условий экономического быта в разные эпохи, но и для практиков, относящихся к одному периоду, — раз-

(*ibid.*, S. 206). Конечно, не отражая состояния науки на 1953 г., книга Руйар, тем не менее, интересна как выражение взглядов крупного византиниста, умершего, напомним еще раз, в 1946 г. Кстати, как курьез отметим, что Руйар (к сожалению!) вовсе не говорила о *tiefgehende Strukturänderung*, но значительно мягче — о *changements d'ordre économique* и о *transformations d'ordre fiscal* (G. Rouillard. *Op. cit.*, p. 91 — на эту страницу как раз и ссылается Дэльгер).

¹⁸⁰ V. Mošin. Gab es unter den serbischen Herrschern des Mittelalters eine griechische Hofkanzlei? «Archiv für Urkundenforschung», Bd. 13, 1934—1935; В. Мошин. К вопросу о составлении хрисовулов у южных славян и в Византии. «Юбилейный сб. Русского археол. об-ва в Югославии». Белград, 1936. Ср. также V. Mošin. Povelje cara Dušana i Jovana Paleologa Pantelejmonovom manastiru. «Zgodovinski časopis», t. 6—7, 1952—1953.

¹⁸¹ А. Соловьев, В. Мошин. Гръчке повеље српских владара. Београд, 1936; В. Мошин. Акти из светогорских архива. «Српска Краљ. Академија. Споменик», т. 91, 1939; V. Mošin in A. Sovre. Dodatki h grškim listinam Hilarandarja. Ljubljana, 1948.

¹⁸² В. А. Мошин. Δουλικὸν ζευγάριον. К вопросу о серваже в Византии. SK, vol. 10, 1938, p. 118 sq.

¹⁸³ *Ibid.*, p. 123.

¹⁸⁴ *Ibid.*, p. 126.

¹⁸⁵ *Ibid.*, p. 131. Работа Мошина вызвала возражения Дэльгера [BZ, 38, 1938, S. 528 f.; BZ, 40, 1940, S. 127 (=F. Dölger. Byzantinische Diplomatik, S. 304)], который считал, что *δουλικὰ ζευγάρια* не обозначают крепостных (сервов), но лишь господские упряжки рабочего скота, работающие на домене.

личие условий, в разных областях»¹⁸⁶. Тем самым был провозглашен новый для византиноведения принцип работы — принцип локального исследования; он отличался от метода простого комментирования тем, что автор извлекал из частного источника материал не для генерализирующих обобщений, но для выяснения специфики развития данного района. Подобная постановка вопроса свидетельствует о значительном богатстве привлекаемых теперь источников; принцип локального исследования, получивший затем развитие в работах Острогорского и некоторых других ученых, значительно отличал работы этих лет от исследований предшествующего поколения византинистов, искавших, если так можно выразиться, единообразный ответ на вопрос о характере социально-экономического развития Византии.

Далее Мошин сделал еще одно важное замечание. «Зографские практики, — писал он, — особенно интересны ввиду того, что, описывая одно и то же село в разные моменты, позволяют восстановить не только развитие хозяйства на данном имении, но и движение крестьянского населения на нем в течение некоторого отрезка времени»¹⁸⁷. Если раньше картина эволюции аграрных отношений в Византии строилась обычно на несоизмеримых или трудно соизмеримых источниках, затрагивающих разные стороны общественной жизни (Юстинианово законодательство — «Земледельческий закон — «Трактат об обложении»), то теперь Мошин предлагал новый метод, позволяющий на основе однородных документов проследить реальные пути аграрной эволюции, правда, на хронологически и территориально ограниченном отрезке — в рамках данного села. И хотя мы не можем принять вывод Мошина, подчеркивающего «подвижность» монастырских крестьян и ставящего под сомнение прикрепленность париков к земле¹⁸⁸, тем не менее ясно, что предложенный им метод давал возможность получить новые, важные и убедительные результаты.

К этой же группе исследователей нужно прибавить еще двоих: А. Соловьева и Д. Закифиноса.

Соловьев, который также много занимался проблемами палеографии и дипломатики и вместе с Мошиным принимал участие в издании греческих грамот сербских правителей¹⁸⁹, одновременно с этим исследовал отдельные вопросы истории византийской податной системы¹⁹⁰. Кроме того, перу Соловьева принадлежит доклад, прочитанный еще в 1930 г. и посвященный положению фессалийской знати XIV столетия. По мнению Соловьева, в Фессалии того времени под влиянием латинских феодалов сложился «полуфеодальный строй» и возникли «феодальные навыки», а именно — сословный дух, понятие рыцарской чести, областные собрания архонтов¹⁹¹. При этом статья Соловьева примечательна в одном отношении: если подавляющее большинство западных византинистов видело (да и теперь продолжает видеть) в феодальных порядках фактор, способствующий распаду и ослаблению империи, если так можно выразиться, бо-

¹⁸⁶ В. М о ш и н. Зографские практики. «Сборник в память на проф. П. Ников». София, 1940, стр. 291. Ср. также В. М о ш и н. Белешке о Хиландарском практику. «Белишев зборник», Београд, 1937.

¹⁸⁷ В. М о ш и н. Зографские практики, стр. 292.

¹⁸⁸ Там же, стр. 300.

¹⁸⁹ Ср. также А. S o l o v i e v. Les diplômes grecs de Menoikeon attribués aux souverains byzantins et serbes. Byz., vol. 9, 1934; i d e m. Encore un recueil de diplômes grecs de Menoikeon. Byz., vol. 11, 1936; i d e m. Un inventaire de documents byzantins de Chilandar. SK, vol. 10, 1938. В дальнейшем он занимался преимущественно южнославянскими деловыми документами.

¹⁹⁰ См. выше, стр. 153, прим. 166.

¹⁹¹ А. В. Соловьев. Фессалийские архонты в XIV веке. Черты феодализма в византийско-сербском строе. BS, vol. 4, 1932, стр. 167, 169.

лезнь государственного организма, то Соловьев, напротив, политическую силу и стойкость Фессалии объясняет наличием в этой области самостоятельного и многочисленного феодального дворянства¹⁹².

Опять-таки мы могли бы упрекнуть Соловьева в том, что, говоря о феодализме, он, подобно другим современным ему исследователям, упускает из виду главный элемент феодального строя — поместье; для него феодализм — это прежде всего рыцарская честь и дворянские собрания. Но какими бы субъективными соображениями ни руководствовался русский эмигрант Соловьев, прославляя фессалийское дворянство, объективно он был первым византинистом, который стал рассматривать феодализм не как синоним упадка, а как общественный порядок, на определенном этапе обеспечивавший прогрессивное развитие. Это был существенный шаг вперед в понимании феодальных отношений, по странной иронии судьбы недостаточно оцененный в западной историографии.

Одной из первых работ греческого историка Закифиноса было издание хрисовула трапезундского императора Алексея III Комнина; в комментарии к этому памятнику Закифинос рассматривал некоторые специальные вопросы из истории византийской податной системы и правовых отношений¹⁹³. В дальнейшем Закифинос много занимался политической¹⁹⁴ и экономической историей поздневизантийского периода, уделив специальное внимание экономическому и финансовому упадку Византии в XIII—XV вв. При этом он выделил две группы факторов, вызвавших упадок империи: феодализацию (под этим термином Закифинос понимал рост крупной собственности и ослабление центрального аппарата)¹⁹⁵ и тяжелое положение крестьянства, обложенного бесчисленным множеством налогов¹⁹⁶. Действие обоих факторов признавала значительная часть западных византинистов того времени, однако Закифинос не ограничился простой констатацией экономического упадка Византии в последние века ее существования, но и попытался специально рассмотреть вопрос о византийском феодализме.

Начало процесса феодализации Закифинос первоначально отнес к XII столетию, полагая, что лишь при Палеологах этот процесс принял определенные очертания. В доказательство своего тезиса он привел не только данные, собранные Соловьевым, но и новые материалы: прежде всего — двусторонний договор Иоанна VI Кантакузина с правителем Фессалии Иоанном Ангелом от 1342 г.¹⁹⁷ и свидетельства Жоффруа Виллардуэна и других западных авторов о греческих «баронах» и архонтах Фессалии, Фив и Пелопоннеса до 1204 г.¹⁹⁸ Уже в XII в., по мнению Закифиноса, в

¹⁹² Там же, стр. 159.

¹⁹³ D. A. Zakythinos. La chrysobulle d'Alexis III Comnène, empereur de Trébisonde, en faveur des Vénitiens. Paris, 1932 (см. рецензии: М. Андреева. BS, vol. 4, 1932, p. 464 sq.; F. Dölger. BZ, 33, 1933, S. 112—115). Закифинос издал также латинские документы, относящиеся к византино-итальянским отношениям (D. A. Zakythinos. Βυζαντινά και βενετικά ἀνάλεκτα. ΕΕΒΣ, т. 7, 1930), и грамоты эпохи турецкого владычества (idem. Ἀνέκδοτα πατριαρχικά ἔγγραφα τῶν χρόνων τῆς Τουρκοκρατίας. «Ελληνικά», т. 2—3, 1929—1930; idem. Ἀνέκδοτον γράμμα τοῦ πατριάρχου Ἱερεμίου τοῦ Ἀπὲρὶ τῆς μονῆς τῆς Κοραχονησίας. ΕΕΒΣ, т. 13, 1937). Ср. также его замечания к практике Кефалонийской церкви: idem. Τὸ κτηματολόγιον τῆς λατινικῆς ἐπισκοπῆς Κεφαλληνίας καὶ Ζαχόνου κατὰ τὸν 17^ο αἰῶνα. «Ελληνικά», т. 5, 1932.

¹⁹⁴ D. A. Zakythinos. Le despotat grec de Morée; vol. I. Paris, 1932.

¹⁹⁵ Idem. Crise monétaire et crise économique à Byzance du XIIIe au XVe siècle. Athènes, 1948, p. 50, 58, 146.

¹⁹⁶ Ibid., p. 64 sq., 73. Ср. idem. Βυζάντιον. Ἀθήναι, 1951 (нам недоступно).

¹⁹⁷ D. A. Zakythinos. Processus de féodalisation. Athènes, 1948 (отдельный отклик из «L'Hellénisme contemporain», vol. 2, 1948), p. 8 sq.

¹⁹⁸ Ibid., p. 4. Латинские документы Закифинос широко привлекает также и во втором томе своей книги «Le despotat grec de Morée», о котором речь пойдет ниже.

Византии стали складываться апанажи¹⁹⁹. Но, признавая феодальное развитие XII—XV вв. результатом внутренних процессов, Закифинос считал, что до XII в. Византия не знала феодализма; феодальный режим, по его мнению, предполагает замкнутое хозяйство (*économie fermée*) и ослабление центральной власти, — ни того, ни другого не было в империи, по крайней мере до второй половины XII столетия. Смуты X в. Закифинос не склонен был считать феодальными, поскольку они не вели к раздроблению империи: он видел в них лишь борьбу за престол²⁰⁰.

Высказанные в 1948 г. идеи были развиты Закифиносом в большой монографии, посвященной внутреннему строю Морейского деспотата и опубликованной пять лет спустя²⁰¹. И здесь он говорит о расколе поздневизантийского общества на два класса — зависимых крестьян и феодалов²⁰², и здесь признает, что в Морее сложились характерные черты феодального порядка — замкнутое хозяйство и политическое раздробление страны²⁰³, и здесь останавливается на феодальной анархии²⁰⁴. Однако в некоторых отношениях новая книга Закифиноса отличается от его предыдущих работ. Прежде всего, он не ограничивается общими суждениями о положении крестьянства, но подробно характеризует его статус и ренту²⁰⁵ и в соответствии с этим определяет феодализм как экономическую и социальную систему, выросшую из «могущества одних и слабости других»²⁰⁶.

При всей расплывчатости этой формулировки она все же несравнимо ближе к истине, нежели определение феодального порядка только как проявления слабости государства. Далее, Закифинос начинает теперь развитие феодальных порядков в Византии значительно раньше, с IX в., правда, оговариваясь, что Пелопоннес был отдаленной провинцией, за положением в которой императоры следили менее внимательно²⁰⁷. С пересмотром представления о начале процесса феодализации нужно связывать и попытку Закифиноса поставить вопрос об упадке античных городов Пелопоннеса, на смену которым приходят новые городские центры²⁰⁸, основанные, как он полагает, в своем большинстве феодалами²⁰⁹. Таким образом — вопреки основной концепции Закифиноса — феодализм оказывается не только проявлением экономического упадка и политической децентрализации, но и несет в себе какие-то творческие, созидательные силы. Однако эта важная мысль не находит в работе Закифиноса дальнейшего развития.

¹⁹⁹ D. A. Z a k y t h i n o s. *Processus de féodalisation*, p. 12.

²⁰⁰ *Ibid.*, p. 3.

²⁰¹ D. A. Z a k y t h i n o s. *Le despotat grec de Morée*, vol. II. Athènes, 1953. См. рецензию: P. C h a r a n i s. *BS*, vol. 16, 1955, p. 355—357. Ср. также J. L o n g n o n. *La renaissance de l'hellénisme dans le despotat de Morée*. «*Journal des savants*», 1954, p. 111—113.

²⁰² D. A. Z a k y t h i n o s. *Le despotat grec de Morée*, vol. II, p. 180, 198. В составе класса феодалов он выделяет две группы: земельные собственники и придворные (p. 211 sq.).

²⁰³ *Ibid.*, p. 225. Закифинос подчеркивает экономическое отставание Византии XV в. от Италии и указывает, что Виссарион рекомендовал учиться у Запада производству железа, оружейному делу и кораблестроению (*ibid.*, p. 267 sq.).

²⁰⁴ *Ibid.*, p. 218.

²⁰⁵ *Ibid.*, p. 202 sq. И в этом разделе Закифинос привлекает ряд малоизвестных свидетельств, в том числе и из латинских источников. Вместе с тем следует отметить, что он чересчур прямолинейно выводит поздневизантийскую парикию из колоната (*ibid.*, p. 201).

²⁰⁶ *Ibid.*, p. 194.

²⁰⁷ *Ibid.*, p. 190 sq.

²⁰⁸ *Ibid.*, p. 147 sq., 160.

²⁰⁹ *Ibid.*, p. 166.

Непоследовательность концепции Закифиноса проявляется еще и в том, что он, справедливо подчеркивая коренные преобразования в социальной и экономической структуре византийского общества (упадок античных городов, формирование феодальных отношений), вместе с тем настойчиво проводит мысль о сохранении в Византии значительных эллинистических традиций: государственного руководства экономической жизнью, фискального характера общины²¹⁰. Допуская, что в VII в. в Византии произошла ломка общественных порядков, Закифинос, тем не менее, утверждал, что эта «революция» была совершена в «консервативном духе», поскольку Византия вообще оставались чуждыми резкие и насильственные изменения²¹¹.

Все эти наблюдения были сведены Закифиносом воедино в докладе на международном конгрессе в Осло в 1954 г. В нем ученый отстаивал представление об общности путей развития Византии и Западной Европы, отрицая вместе с тем наличия специфических византийских особенностей²¹². Нельзя не видеть, что эта мысль греческого ученого во многом обусловлена его националистическими устремлениями. Закифинос идеализирует византийские порядки и старается доказать, что Византия принадлежит к «европейскому сообществу», тогда как арабы и славяне противостоят европейскому миру²¹³.

Основные моменты византийской истории сводятся, по Закифиносу, к следующему. До VII в. городская жизнь, унаследованная от Римской империи, оставалась весьма оживленной, но после этого начинается «сужение городских горизонтов»²¹⁴. Подъем землевладельческой знати приходится на X в.; несмотря на ее временное поражение от императоров Македонской династии, с середины XI в. аристократия усиливается еще более, а в XIV—XV вв. наступает период подлинной феодальной раздробленности (*eine wirkliche feudalistische Auflösung*)²¹⁵. Закифинос признает существование византийского феодализма²¹⁶ и ленной системы, которая, по его словам, вырастает из тех же учреждений и обычаев, что и ленная система на Западе²¹⁷. Наряду с феодальными учреждениями в Византии сохраняются нормы греко-римского права и многочисленные римские традиции, хотя — подчеркивает на этот раз Закифинос — представление о консерватизме Византии преувеличено²¹⁸.

К вопросу об общности судеб Западной Европы и Византии Закифинос снова вернулся в 1958 г. На этот раз он писал об общих чертах политической организации, литературы, искусства, даже о сходстве в положении женщин²¹⁹, однако уже ничего не говорил о византийском феодализме. Наоборот, он противопоставлял неизменно сохранявшееся в Византии греко-римское в своей основе право частной собственности и порядки в Западной Европе, где феодализм существенно ограничил исконные римские формы собственности²²⁰.

²¹⁰ D. Z a k y t h i n o s. *Étatisme byzantin et expérience hellénique*. «Mélanges. H. Grégoire», vol. 2, 1950, p. 674 sq.

²¹¹ Ibid., p. 678 sq.

²¹² D. Z a k y t h i n o s. *Byzanz und die europäische Einheit im Mittelalter*. «Internationales Jahrbuch für Geschichtsunterricht», Bd. 4, 1955, S. 7f., 20.

²¹³ Ibid., S. 8.

²¹⁴ Ibid., S. 14. Этот тезис был развит Закифиносом в корреферате к докладу Э. Кирстена («Berichte zum XI. Byzantinisten-Kongress». München, 1958, S. 48 f.).

²¹⁵ D. Z a k y t h i n o s. *Byzanz und die europäische Einheit...*, S. 15.

²¹⁶ Ibid., S. 21.

²¹⁷ Ibid., S. 15.

²¹⁸ Ibid., S. 9, 14, 21.

²¹⁹ I d e m. *Τὸ Βυζάντιον μεταξύ Ἀνατολῆς καὶ Δύσεως*, ΕΕΒΣ, τ. 28, 1958, σελ. 384.

²²⁰ Ibid., p. 383.

Разумеется, было бы неверно полагать, что в 30-е и 40-е годы все издатели византийских актов приходят к признанию византийского феодализма. Хотя теперь все чаще издание актов сопровождается обширным комментарием, там не всегда поднимаются большие проблемы социально-экономического развития. Так, в комментариях французского издателя С. Бинона преимущественное место занимали просопографические исследования и лишь мимоходом делались замечания о поземельных отношениях в Византии²²¹. Более существенные заметки по аграрным вопросам, и особенно по истории податного обложения, мы встретим в комментариях П. Аликсандера²²² и М. Ласкариса, занимавшегося преимущественно южнославянскими грамотами²²³. Точно так же проблема византийского феодализма не затрагивается, как правило, в специальных статьях о византийской податной системе²²⁴. М. А. Андреева, не упоминая о византийском феодализме, выдвинула, однако, чрезвычайно важную мысль, которая в какой-то мере близка к тезису Соловьева об элементах прогрессивного в феодализме. В отличие от большинства западных исследователей, представляющих себе последние столетия византийской истории как полосу сплошного упадка, Андреева пришла к выводу о подъеме земледелия в Морейском княжестве XV в.²²⁵ — к выводу, который, к сожалению, не оказал влияния на последующую историографию. Наконец, примерно в это же время Лефевр де Ноэтт поднял вопрос об экономических предпосылках исчезновения античного рабства. Впрочем, он рещал эту проблему упрощенно, сводя все дело к изменению форм упряжки животных; применение в Византии античной системы упряжек объясняет (так думал Лефевр де Ноэтт) длительное сохранение здесь рабского труда²²⁶.

После перевода на английский язык статьи Васильева, после выхода в свет работ Соловьева, Мошина, Дэльгера, Руйар западноевропейские и

²²¹ St. Binon. À propos d'un prostagma inédit d'Andronic III Paléologue. *BZ* 38, 1938, S. 397 f. Cp. i d e m. Les origines légendaires et l'histoire de Xéropotamou et de St. Paul de l'Athos. Louvain, 1942 (нам недоступно). Для того, чтобы получить представление об исследовательской манере Бинона, достаточно сравнить его большую рецензию на издание лаврских актов, подготовленное Руйар и Колломом (St. Binon o n. *Buz.*, vol. 12, 1937, p. 607—625), со статьей Дэльгера, посвященной тем же актам. Бинон ограничивается чисто дипломатическими вопросами, поправками к тексту и дополнениями к библиографии. Дэльгер же и в этой статье (F. D ö l g e r. Zur Textgestaltung der Lavra-Urkunden...), как, впрочем, и в большинстве своих комментариев к документам, после внешней критики переходит (и это для него главное) к анализу новых данных для внутренней истории Византии.

²²² P. J. A l e x a n d e r. A Chrysobull of the Emperor Andronicus II Palaeologus in Favour of the See of Kanina in Albania. *Buz.*, vol. 15, 1940—1941.

²²³ Проблемы византийского обложения затронуты им в издании: М. Л а с к а р и с. Ватопедската грамота на царь Иван Асеня. София, 1930 (ср. также М. L a s c a r i s. Actes serbes de Vatopedi. *BS*, vol. 6, 1936). О византийской дипломатике: i d e m. Influences byzantines dans la diplomatie bulgare, serbe et slavo-roumaine. *BS*, vol. 3, 1931. Вопросы датировки, просопографии и топонимики преобладают в первоклассном комментарии Ласкариса к греческим актам Иоанна Уроша: М. L a s c a r i s. Deux chartes de Jean Uroš, dernier Némanide. *Buz.*, vol. 25—27, 1957.

²²⁴ См., например, Th. S a t u r n i k. Γοῦβελιστικόν. *BS*, vol. 2, 1930; i d e m. Πись. *BS*, vol. 6, 1935—1936. Точно так же и историк церковного права Э. Герман в статье, посвященной церковным бенефициям, не рассматривает вопроса о византийском феодализме, упоминаая, впрочем, о развитии хозяйства, основанного на труде париков (E. H e r m a n. Zum kirchlichen Beneficialwesen im byzantinischen Reich. *Atti del V Congresso intern. di studi bizantini*, vol. I. Roma, 1939, p. 671).

²²⁵ М. А. А н д р е е в а. Торговый договор Византии и Дубровника и история его подготовки. *BS*, vol. 6, 1935—1936, p. 114 sq. Cp. М. А. А н д р е е в а. Le traité de commerce entre Byzance et Doubrovnik et sa préhistoire. *Byz.*, vol. 10, 1935.

²²⁶ L e f é b v r e d e N o ë t t e s. Le système d'attelage du cheval et du boeuf à Byzance. *Mélanges Ch. Diehl*, vol. I, Paris, 1930. Вопрос о византийском рабстве был предметом статьи И. Сакызова (И. С а к з о в. Една новела на Алексея Комнини за роби-българи. «Сб. в честь на В. Златарски». София, 1925).

американские византилисты все смелее обращаются к проблеме феодализма. Английский историк С. Рэнсимен в книге о византийской культуре, опубликованной в 1933 г., посвятил несколько страниц характеристике аграрных отношений. По мнению Рэнсимена, в Византии существовали рабы (по крайней мере до XII в.)²²⁷, а также сервы и свободные держатели в поместьях знати²²⁸; свободные крестьяне-общинники были постепенно прикреплены к земле²²⁹. Рэнсимен признает в принципе изменение социально-экономических отношений на протяжении тысячелетней истории Византии²³⁰; в частности, вслед за Константину и Штейном он допускает, что в конце VI—VII в. произошла перестройка аграрных порядков, в результате чего в деревне стали преобладать свободные общины²³¹. К этому же времени Рэнсимен относит и упадок старой аристократии, считая, однако, что со второй половины IX в. начинается рост земельных владений знати — сперва в Малой Азии, затем в европейских областях²³².

Мы могли бы поставить Рэнсимену в упрек чрезмерную идеализацию византийских порядков, в результате которой под его пером даже податной сборщик превращается в друга голодающего народа²³³; ему свойственны нередко наивные утверждения: например, отсутствие крупной земельной собственности в VII—IX вв. он связывает с непрочностью капиталовложений в землю²³⁴, а прикрепленность свободного сельского населения к земле объясняет тем, что государство не любило (disliked) запустения земель²³⁵. И все же в беглой характеристике аграрных порядков мы найдем у Рэнсимена немало трезвых оценок (роль рабства, признание аграрных преобразований VII в.). О феодализме Рэнсимен в книге говорит лишь мимоходом и вне связи с анализом крестьянской зависимости²³⁶; значительно больше внимания он уделил этой проблеме в статье 1940 г. Здесь историк признал существование феодальных отношений как в Малой Азии, так и на Пелопоннесе; процесс феодализации не сводится для Рэнсимена только к установлению вассальных связей (так узко понимали феодализм и Дэльгер, и Штейн), но состоит и в образовании крупных поместий, причем, в отличие от прежней работы, Рэнсимен считает, что на Пелопоннесе благоприятные условия для феодализации сложились сравнительно рано, еще до IX в., благодаря славянским вторжениям, тогда как в Малой Азии, находившейся под более пристальным вниманием государственного аппарата, крупные феодальные фамилии начинают играть значительную роль несколько позднее²³⁷. Можно отметить некоторую нечеткость в постановке Рэнсименом проблемы феодализма (вопрос о феодальной природе ренты не ставится вовсе, и потому не проведено разграничение между рабскими и феодальными формами эксплуатации; феодальная вотчина изображается хозяйством, рассчитанным на производство товарной продукции), однако для того времени трактовка византийского феодализма как экономической категории была новой и плодотворной.

²²⁷ St. R u n c i m a n. Byzantine Civilisation. London, 1936 (первое издание — 1933), p. 200 f. (издание 1956 г. сокращено за счет сносок).

²²⁸ Ibid., p. 207.

²²⁹ Ibidem.

²³⁰ Ibid., p. 179.

²³¹ Ibid., p. 207.

²³² Ibid., p. 193—195.

²³³ Ibid., p. 209, ср. *ibid.*, p. 200, 219 f. Особенно идеализирует Рэнсимен религиозность в Византии (*ibid.*, p. 211 f., 221).

²³⁴ Ibid., p. 193.

²³⁵ Ibid., p. 207.

²³⁶ Ibid., p. 194, 204.

²³⁷ St. R u n c i m a n. The Widow Danelis. «Études dédiées à la mémoire d'A. M. Andréadès». Athènes, 1940, p. 428—430. Возражения Дэльгера (F. D ö l g e r. BZ, 41, 1941, S. 254) не касаются проблемы феодализма.

К сожалению, представление о феодализме как об экономической категории, мимоходом брошенное в маленькой статье Рэнсимена, не получило признания в западной византистике, равно как не получила там признания идея Соловьева о прогрессивных элементах в феодальном строе. Начиная с середины 40-х годов появилось большое количество работ, где, напротив, византийский феодализм рассматривался как определенная система политической организации общества, приводящая к распаду государства. Авторы этих работ — в отличие от Дэльгера, Руйар, Мошина и Соловьева — не были специалистами в области дипломатики и палеографии; редко когда они направляли свои усилия на решение частных вопросов или на выяснение значения тех или иных терминов; их библиографические ссылки далеко не так полны, как у Дэльгера, а анализ привлеченных документов далеко не так строг и четок. И все же работы ученых этого направления способствовали упрочению в западной византистике представления о существовании византийского феодализма. Это направление, которое мы могли бы условно назвать политико-социологическим, получило распространение преимущественно в США.

В 1946 г. в датском историческом журнале появилась статья Дж. Данструпа, посвященная вопросу о соотношении между императорскими и частновладельческими землями. Хотя статья написана преимущественно по литературе (в основном на базе работ Острогорского и Дэльгера) и актовый материал в ней практически не использован, она содержит несколько интересных мыслей и затрагивает вопросы, не привлекавшие до тех пор внимания византистов.

По мнению Данструпа, на VII и VIII столетия приходится освобождение крестьянства; этот социальный переворот произошел, однако, не в короткое время, как думал Константину, а в ходе длительного и сложного процесса. В результате неудачных войн территория империи значительно сократилась, и масса крестьян переселилась в сохранившиеся области; к тому же на византийскую территорию вторглись соседние племена, прежде всего славяне. То и другое способствовало резкому возрастанию количества свободной рабочей силы, и государство перестало прибегать к принудительному прикреплению крестьян к земле²³⁸. Военная реформа и фискальная реорганизация (отделение подушного и поземельного налога) явились *следствием*, а не причиной этих социально-экономических перемен²³⁹.

Этот период изобилия свободных рук и преобладания свободного крестьянства был недолгим: уже на рубеже VIII—IX вв. (по мнению Данструпа, в результате арабских набегов) вновь становится острой проблема запустевших земель²⁴⁰. При ее решении византийское правительство исходило из старого принципа государственной собственности на землю (the State's old right to the land)²⁴¹. Частнособственническая земля рассматривалась как сданная в аренду и при условии неуплаты ренты могла быть отобрана²⁴². В соответствии с этим государство вновь вводит систему коллективной фискальной ответственности, но не в форме старой эпиболы (ее не знает «Земледельческий закон»²⁴³), а в виде аллиенгия, который не предполагал передачи земли новому налогоплательщику²⁴⁴.

²³⁸ J. Danstrup. The State and Landed Property in Byzantium to c. 1250. «Classica et Mediaevalia», vol. 8, 1946, p. 234 f.; cp. p. 252 f.

²³⁹ Ibid., p. 253.

²⁴⁰ Ibid., p. 239.

²⁴¹ Ibid., p. 240.

²⁴² Ibid., p. 241.

²⁴³ Ibid., p. 250.

²⁴⁴ Ibid., p. 253.

Рассуждая таким образом, Данstrup остается в полной мере в пределах того круга проблем, которые поднимались и решались Константинеску и другими историками в 20-е годы, хотя надо сказать, что он предлагает в некоторых случаях новые решения (например, Данstrup расходится со сторонниками фискальной теории в определении причин освобождения крестьянства в VII в.). Интересно также и то, что Данstrup возвращается к представлению Ж. Платона относительно верховной собственности государства на землю²⁴⁵.

В следующей части работы, где Данstrup затрагивает проблемы истории X—XIII вв., он поднимает проблему феодализма. По мнению Данструпа, корни византийского феодализма восходят к X в.; деятельность Мануила Комнина значительно способствовала укреплению феодальных тенденций; Никейская империя прямо названа феодальной (a feudal empire). Важнейшим средством распространения феодальных порядков служили пожалования иммунитета и система проний, развивавшаяся с XI в.²⁴⁶ Данstrup отмечал быстрый рост церковного землевладения в XI—XIII вв. и раздачу церквям иммунитетных привилегий, однако указывал, что императоры и светская знать компенсировали себя с помощью харистикия²⁴⁷.

Таким образом, Данstrup усматривал феодализм лишь в сфере политической надстройки и не касался, в отличие от Руйар, судеб зависимого крестьянства; к тому же он почти совершенно оставил в стороне актовый материал, что значительно обедняло его аргументацию. Важный тезис о государственной собственности на землю историк обосновывал лишь двумя соображениями:

1) в «Трактате об обложении» государственный налог (канон) иногда отождествляется с пактом, т. е. с рентой государственных зависимых держателей (copy-hold rent from the state copyholders);

2) в Византии сохранялась заимствованная с Востока система эмфитевсы²⁴⁸.

Не рассматривая здесь справедливости каждого из этих наблюдений, мы хотим лишь отметить, что их недостаточно для аргументации столь ответственного тезиса.

Несколько по-иному подошел к проблеме феодализма американский византинист, ученик Васильева П. Харанис, опубликовавший в 40—50-е годы ряд исследований по социальной истории Византии. Подобно Данstrupу, он сразу же начал с генерализирующей работы, однако привлек для своих обобщений более широкий материал источников. В 1945 г. появилась статья Хараниса «О социальной структуре Поздней Римской империи», где он наметил основные линии аграрного развития Византии в VII—XI вв. По его мнению, характерным для общественной жизни империи в VII в. стало распространение свободной общины; это была община, члены которой являлись индивидуальными собственниками земли; она образовывала фискальное единство²⁴⁹. Констатируя это положение, выдвинутое еще сторонниками фискальной теории, Харанис ставит вопрос о причинах аграрных перемен; в понимании этих причин он расходится с Константинеску. По мнению американского историка, система податного обложения

²⁴⁵ См. G. P l a t o n. Observations sur le droit de *protimēsis* en droit byzantin. Paris, 1906, p. 87sq.

²⁴⁶ J. D a n s t r u p. Op. cit., p. 229 f. Cp. i d e m. Manuel I's Coup against Genoa and Venice in the Light of Byzantine Commercial Policy. «Classica et Mediaevalia», vol. 10, 1949, p. 201.

²⁴⁷ I d e m. The State and Landed Property..., p. 231—233.

²⁴⁸ Ibid., p. 241 f.

²⁴⁹ P. C h a r a n i s. On the Social Structure of the Later Roman Empire. Byz., vol. 17, 1944—1945, p. 44

в VII в. не имела принципиальных отличий от Диоклетиановой системы, следовательно, нельзя понять, почему в одном случае фискальные интересы вели к закреплению, в другом — к освобождению сельского населения. Причину этих перемен он ищет, следуя в значительной мере за Острогорским, в опасном внешнеполитическом положении империи в VII в. и в военно-административных реформах Ираклия и его преемников²⁵⁰. В результате этих реформ сложилось «общество мелких земельных собственников и ремесленников (society of small farmers and of artisans)»²⁵¹, носившее демократический облик. Однако с X в. земельная аристократия выступила с политическими и экономическими притязаниями, захватывая земли мелких собственников и присваивая руководящую роль в армии. Поэтому императоры XI в. в своей борьбе против знати стремились прежде всего вытеснить ее из войска, заменяя аристократов наемниками. Борьба между аристократией и новой группировкой гражданских чиновников, а также пренебрежительное отношение правительства к войску привели в конечном итоге к ослаблению армии и разгрому при Манцикерте²⁵².

В этой работе Харанис, подобно Данструпу, оставался еще в кругу тем и источников, которые разрабатывались в 20-е годы; естественно, что и концепция его уходила своими корнями в идеи 20-х годов, приближаясь к концепции Штейна. Действительно, мы найдем у Штейна представление и о «демократическом» строе византийского общества, и об антимилитаристской политике императоров XI в., и, наконец, о сохранении римской податной системы на всем протяжении VII столетия (хотя Штейн все-таки думал, что податная реформа была проведена при Юстиниане II).

В последующих работах Харанис все более отходит от этих традиций — сперва по тематике, затем и по решению некоторых принципиальных проблем. Уже в конце только что разобранный статьи Харанис выдвинул тезис (весьма характерный для идеологов империализма) о том, что история Византии определялась двумя основными факторами — войной и религией²⁵³, но проследил в работе лишь воздействие первого из них: историк считал, что военные неудачи и отношение императоров к войску определяли судьбы империи. В 1948 г. он опубликовал другую статью, где ставил своей целью показать, как религиозность византийского общества и присущая византийцам склонность к монашеской жизни обусловили неудачу политики императоров, стремившихся воспрепятствовать росту монастырского землевладения²⁵⁴. В этой работе автор лишь кратко остановился на истории византийского общества VII—X вв., повторив данную им раньше характеристику эпохи. При изучении истории последующих столетий Харанис в отличие от Данструпа опирался на византийские грамоты. Он уделял пристальное внимание таким институтам, как экскуссия²⁵⁵, харистикий и прония. Примечательно при этом, что он считал харистикий нормальным учреждением византийского общества, а не злоупотреблением, и поэтому отказывался видеть в нем изобретение императоров-иконоборцев²⁵⁶. Прония, по мнению Хараниса, представляла собой пожалование не земли (not of the actual land), но лишь доходов с земли²⁵⁷; поэтому парики прониаров отличались от обычных париков тем, что могли

²⁵⁰ P. Charanis. Op. cit., p. 47 f.

²⁵¹ Ibid., p. 51.

²⁵² Ibid., p. 54—56.

²⁵³ Ibid., p. 57.

²⁵⁴ P. Charanis. The Monastic Properties and the State in the Byzantine Empire. DOP, 4, 1948, p. 118 (см. рецензию: M. Paulová. BS, vol. 10, 1949, p. 299 sq.).

²⁵⁵ P. Charanis. The Monastic Properties... p. 65 f.

²⁵⁶ Ibid., p. 80; ср. p. 75.

²⁵⁷ Ibid., p. 88.

сохранять свою собственность на землю²⁵⁸. Изучение этих институтов привело Хараниса к следующему выводу (впрочем, сделанному уже до него Штадтмюллером и некоторыми другими учеными): завоевание Византии крестоносцами не вызвало коренной перемены в социальной структуре общества, ибо крестоносцы нашли здесь порядки, аналогичные тем, которые существовали на Западе²⁵⁹.

Харанис изучал также императорскую политику в отношении монастырского землевладения. По его мнению, императоры X в. стремились ограничить рост монастырских земель. «В XI в. речь уже шла не об ограничении размеров этих владений, но лишь об использовании их в интересах государства»²⁶⁰. Эта точка зрения, кстати сказать, совпадает с мыслью, высказанной Данструпом. Харанис останавливается, наконец, на политике императоров XIV в., пытавшихся конфисковать монастырские земли, в частности на передаче половины монастырских земель проиарам после поражения 1371 г.²⁶¹

В следующей статье Харанис анализировал положение светской аристократии XIII в. и еще резче подчеркнул тот вывод, который был сделан им раньше, — о сходстве социальной структуры Византии с общественными отношениями на Западе²⁶². Процесс феодализации (для Хараниса его содержание покрывается политикой земельных раздач) начался в XI в. и был ускорен при Михаиле VIII Палеологе²⁶³.

В двух последних рассмотренных нами работах Харанис касался почти исключительно судеб господствующего класса и процесс феодализации ограничивал изменением положения землевладельческой знати. О крестьянах он упоминал мимоходом, ограничиваясь, как правило, абстрактной формулировкой «мелкие собственники». Вопрос о конкретных формах крестьянской собственности, зависимости и рентных отношений в первых статьях еще не был поставлен. Однако уже очень скоро Харанис приступил к разработке и этой проблемы.

В 1951 г. он опубликовал работу, посвященную характеристике византийской деревни и города. Повторив в ее первых разделах выводы, сделанные им в предшествующих статьях, он перешел далее к судьбам поздневизантийского крестьянства. Автор ставит два основных вопроса:

1. Существовало ли свободное крестьянство в последний период византийской истории?

2. Каковы были категории зависимых крестьян?

Отвечая на первый вопрос, Харанис провел анализ терминов (эпик, ктитор, элевтер и т. д.), в которых некоторые исследователи хотели видеть обозначения свободных крестьян, и показал, что метод филологического анализа терминологии, примененный его предшественниками, не дал убедительных результатов. Выяснив слабость их аргументации, он, тем не менее, признал, что некоторое число свободных крестьян все же могло сохраняться в Византии; основанием для этого утверждения служили ему в первую очередь документы, изданные в конце XIX в. кардиналом Питрой: они относились к Эпиру XIII в.²⁶⁴

²⁵⁸ Ibid., p. 90.

²⁵⁹ Ibid., p. 93.

²⁶⁰ Ibid., p. 82.

²⁶¹ Ibid., p. 111—116.

²⁶² P. Charanis. The Aristocracy of Byzantium in the XIIIth Century. «Studies in Roman Economic and Social History in Honor of A. Ch. Johnson». Princeton, 1951, p. 339 f.

²⁶³ Ibid., p. 352.

²⁶⁴ P. Charanis. On the Social Structure and Economic Organisation of the Byzantine Empire in the XIIIth Century and Later. BS, vol. 19, 1951, p. 123 f. (ср. заметку Дэльгера: BZ, 45, 1952, S. 475 f.). К сожалению, Харанис не использовал посвя-

Анализ положения зависимого крестьянства, проделанный Харанисом, менее интересен, так как в этой части работы американский ученый прибег к тому самому методу филологического истолкования терминов, который только что подверг основательной критике. Отвергнув теорию Мошина о византийском серваже, он утверждал, что византийские зависимые крестьяне разделялись на париков и дулевтопариков²⁶⁵: первые отбывали повинности, которые лежали на их земле, и обладали элементарными владельческими правами²⁶⁶, вторые были свободными бедняками, выполнявшими повинности в пользу крупного собственника²⁶⁷.

В 1953 г. Харанис вновь выступил с обобщающей работой, в которой, опираясь на свои предшествующие исследования, попытался выяснить экономические причины падения Византийской империи. Он начал статью с повторения старого вывода о том, что война и религия формировали характер византийского общества²⁶⁸, но на сей раз эта идея, почерпнутая из арсенала апологетов империализма, не повлияла на конкретное изложение фактического материала. В рассматриваемой статье Харанис не социальный строй выводил из военных неудач и военных реформ, а наоборот, военные неудачи объяснял исходя из социальных условий. Говоря о поражениях XI в., он прямо писал, что они объясняются социально-экономическими условиями жизни Византии XI в.: «Сам Манцикерт явился результатом этих условий»²⁶⁹. В XIV в., продолжал Харанис, бедственное экономическое положение народа было важным фактором социальной и политической борьбы, которая потрясла империю и открыла дорогу туркам²⁷⁰.

Таким образом, изучение внутренней жизни империи привело Хараниса, вопреки его ошибочной методологической посылке, к выводу, что экономическое развитие общества определяло его внешнеполитические успехи и неудачи.

Третьим ученым, выступившим примерно в это же время с обобщающей статьей, был американский византист К. М. Сеттон, специализировавшийся по истории средневековых Афин. Его статья об аграрных отношениях в империи IV—XII вв., не являющаяся оригинальным исследованием, интересна как показатель того, что представления о византийском феодализме становятся все более распространенными на Западе. Подобно большинству современных исследователей, Сеттон признает, что в VII в. произошли крупные социальные перемены, которые он связывает с вторжением славян и других народов. С одной стороны, «поместья были разграблены, податные списки уничтожены, а колоны (serfs) разбежались в беспорядке». С другой — податная реформа (отделение подушного от поземельного налога) уничтожила предпосылки прикрепления крестья-

ценную этим памятникам работу болгарского историка Д. Ангелова «Принос към народността и поземелни отношения в Македония (Епирския деспотат) през първата четвърт на XIII век». «Известия на Камарата на народна култура. Серия: Хуманитарни науки», т. IV, 1947, № 3.

²⁶⁵ P. Charanis. Of the Social Structure..., p. 144.

²⁶⁶ Ibid., p. 134 f.

²⁶⁷ Ibid., p. 141.

²⁶⁸ P. Charanis. Economic Factors in the Decline of the Byzantine Empire. «Journal of Economic History», vol. 13, 1953, № 4, p. 413.

²⁶⁹ Ibid., p. 415. Эту мысль он развил затем в написанной для пенсильванской «Истории крестовых походов» главе о Византийской империи XI в., где писал, что распад империи был подготовлен разорением крестьянства и борьбой двух группировок господствующего класса, ослабившей армию (A History of the Crusades, vol. I. Philadelphia, 1955, p. 207). Вопрос о социальных причинах упадка Византии в XI в. был рассмотрен также в статье: S. Vryonis. Byzantium. The Social Basis of Decline in the XIth Century. «Greek, Roman and Byzantine Studies», vol. 2, 1959 (нам недоступно).

²⁷⁰ P. Charanis. Economic Factors..., p. 420.

нина к земле²⁷¹. Следовательно, «Земледельческий закон» отражает не «мифическое славянское обычное право», но те общественные условия, которые создались в результате вторжений славян, протоболгар и других народов²⁷².

И далее Сеттон держался в основном традиционных представлений: с X в. проявляет себя византийская знать (*gentry*), которая вступает в борьбу со свободной общиной; в XI в. динаты одерживают победу, опираясь на такие институты, как иммунитет, фьеф и патронат — «разъедающие элементы» общества XI—XII вв.²⁷³ Сеттон неоднократно говорил о росте византийского феодализма с XI в.; по его мнению, накануне IV крестового похода византийцы были хорошо подготовлены к принятию западных концепций фьефа и вассалитета, поместья и крепостного права (*manor and serfdom*)²⁷⁴. В правление династии Ангелов феодализм, по его мнению, сделался, пожалуй, господствующим фактором политической и социальной жизни империи²⁷⁵.

Еще большее место проблеме феодальных отношений в Византии уделяет Дж. Линдсей в книге, посвященной общей характеристике византийской истории и культуры. Вслед за большей частью современных ученых Линдсей рассматривает введение фемной системы (которое он относит к VII в.) как начало нового этапа в аграрном развитии империи²⁷⁶. При этом, однако, Линдсей подчеркивает, что одновременно с установлением фемной организации и «во многих отношениях обусловливая» создание фем, происходило — в результате вторжения варваров (прежде всего славян) — возрождение свободной сельской общины²⁷⁷; иначе говоря, община для него — не результат административной реформы, а, напротив, в какой-то мере ее предпосылка.

Впрочем, в оценке природы византийской общины Линдсей остается на позициях фискальной теории, следуя преимущественно Эшбернеру и Вернадскому; он считает, что деревня была «фискальным единством», хотя и признает существование общих угодий и семейной собственности на наделы; он полагает, что нормы «Земледельческого закона» восходили к египетской практике. Вместе с тем, согласно Линдсею, крестьяне не имели права свободного перехода и подвергались эксплуатации крупных собственников, «лендлордов»²⁷⁸. В условиях существования централизованного государства византийская община послужила лишь новым средством для укрепления государственной мощи, тогда как на Западе община сделалась ячейкой сепаратизма²⁷⁹.

Начало феодального развития Линдсей относит еще ко времени Константина V, когда создаются первые элементы феодального держания; Византию эпохи иконоборчества он характеризует как феодальное государство²⁸⁰. Подчеркивая рост крупной земельной собственности и появление новой знати в X в., Линдсей, однако, остается на почве традиционных объяснений этого процесса: подобно Острогорскому и Андреадису, он ищет разгадку бурного роста динатского землевладения в стремлении

²⁷¹ K. M. Setton. On the Importance of Land Tenure and Agrarian Taxation in the Byzantine Empire from the IVth Century to the IVth Crusade. *AJP*, vol. 74, 1953, № 3, p. 232.

²⁷² *Ibid.*, p. 232 f., 236.

²⁷³ *Ibid.*, p. 240—245.

²⁷⁴ *Ibid.*, p. 253 f., 259.

²⁷⁵ *Ibid.*, p. 258.

²⁷⁶ J. Lindsay. *Byzantium into Europe*. London, 1952, p. 137 f.

²⁷⁷ *Ibid.*, p. 139.

²⁷⁸ *Ibid.*, p. 139 f.

²⁷⁹ *Ibid.*, p. 141.

²⁸⁰ *Ibid.*, p. 143 f.

богатых людей вложить свое состояние в землю²⁸¹; законодательство императоров Македонской династии он расценивает как неудавшуюся попытку приостановить процесс феодализации²⁸².

Огромное значение Линдсей придает институту прони. Вместе с характерным прония появляется уже на страницах книги, посвященных императорам-иконоборцам²⁸³; прония усиливается в X в., когда, оказываясь, прониары получали земли от государства и раздавали их держателям на определенных условиях²⁸⁴. В XII в. владения прониаров превратились в независимые округа, где господин обладал судебными и административными правами, и стали наследственными²⁸⁵.

Конечно, в работе Линдсея, написанной не на основании источников, а по литературе, нередко устаревшей, немало ошибок и неточностей. В частности, совершенно фантастической является нарисованная им картина развития пронии: достаточно сказать, что о пронии до конца XI в. мы совершенно ничего не знаем. Однако стремление Линдсея наметить основные черты сходства византийской аграрной и социальной истории с историей государств Западной Европы заслуживало всяческого внимания. При этом нужно отметить, что Линдсей использовал работы советских византистов²⁸⁶.

Таким образом, к началу 50-х годов в западноевропейской и американской византистике определенным образом наметилась тенденция к признанию прав гражданства за понятием «византийский феодализм»²⁸⁷. Правда, западные византисты понимали феодализм значительно уже, нежели это принято в советском византиноведении, — лишь как определенную политическую структуру, характеризующуюся в первую очередь иерархической формой собственности и ленными отношениями. Однако такое ограниченное словоупотребление не должно заслонять того обстоятельства, что некоторые из западных ученых стали склоняться к признанию принципиального сходства поместного строя, сеньории, в Византии и на Западе.

Казалось бы, признание принципиального сходства византийского поместья и западноевропейской сеньории неминуемо должно поставить перед исследователями ряд существенных вопросов — о феодальной ренте, о правовой и имущественной дифференциации крестьянства, о владельческих правах зависимого крестьянина. На первых порах, однако, эти вопросы либо вовсе не ставились, либо решались в самом обобщенном виде.

²⁸¹ J. Lindsay. {Byzantium into Europe, p. 149.

²⁸² Ibid., p. 152.

²⁸³ Ibid., p. 144.

²⁸⁴ Ibid., p. 152.

²⁸⁵ Ibid., p. 164.

²⁸⁶ См. объективный разбор книги в рецензии Г. Эверт-Каппесовой (BS, vol. 15, 1954, p. 241—244). Ср. C. V. Barbuiesco. «Glasul Bisericii», vol. 10, 1958, p. 901—903. Высоко оценивает книгу Линдсея и Закифинос (D. A. Zakythinos. Byzanz und die europäische Einheit... S. 11, 15).

²⁸⁷ См. E. H. Kantorowicz. Feudalism in the Byzantine Empire. «Feudalism in History». Princeton, 1956. Ср. также R. Boutrouche. Histoire des institutions. Moyen-Age. «IX-e Congrès intern. des sciences historiques», vol. I. Paris, 1950, p. 466 (Византия здесь характеризуется как une société semi-féodalisée). К сожалению, работа А. Диомидиса (A. Diomidis. Δυτικός και βυζαντινός φεουδαλισμός. «Νέα Ἑστία», т. 50, 1951) осталась нам недоступной. Вопрос о феодальном праве в Византии XV в. ставит А. Диомидис в статье, посвященной хрисовулу Константина XII от 1449 г. (A. Diomidis. Τὸ χρυσόβουλλον Κωνσταντίνου τοῦ Παλαιολόγου καὶ τὸ φεουδαλικὸν δίκαιον εἰς τὸ Βυζάντιον. «Πρακτικὰ Ἀκαδημίας Ἀθηνῶν», т. 19, 1947). Ср. также А. N. Diomidis. Οἰκονομικὰ περιπέταται τοῦ παρακμάζοντος Βυζαντίου. «Ἐπιθεώρησις κοινωνικῆς καὶ δημοσιακῆς οἰκονομίας», т. 3/4, 1939 (см. заметку: F. Dölger. BZ, 40, 1940, S. 292). Об установлении феодальных порядков в Греции VIII—IX вв. мимоходом упоминал Д. Паллас, связывавший это явление с разрывением сельской общины и натурализацией хозяйства (D. Pallas. Τὰ ἀρχαιολογικὰ τεκμήρια τῆς καθόδου τῶν βαρβάρων εἰς τὴν Ἑλλάδα. «Ἑλληνικά», т. 14, 1955, σελ. 95).

Принципиальное признание византийского феодализма заставляло пересмотреть многие традиционные воззрения. В частности, привычное представление о господстве в Византии римских форм собственности трудно было примирить с признанием византийского феодализма: нельзя считать удачным предложенное Закифиносом решение, когда феодальные институты допускаются бок о бок с частнособственническими нормами римского права. Если вопрос о иерархической структуре собственности представителей господствующего класса время от времени всплывал в трудах западных историков, то проблема противоречивости и двойственности крестьянского феодального владения по сути дела ими не ставилась. Как могло получиться, что крестьянин то свободно распоряжался своим наделом, то оказывался под властью своего господина? Дэльгер предлагает столь же механистическое решение этой проблемы, как и Закифинос — по вопросу о соотношении римского и феодального права: Дэльгер вводит особую категорию «переходного», «промежуточного» крестьянства, так называемых ипостатиков, у которых часть владений состояла из свободных наделов, часть же — из господской земли²⁸⁸.

Признание византийского феодализма, естественно, требовало пересмотра и традиционного представления о всемогуществе византийского самодержавия. В частности, заколебалась фискальная теория — но ее критика дала на первых порах ограниченные результаты. По-прежнему западные исследователи видели в государственной власти самодовлеющую творческую силу, способную своими реформами преобразовать социально-экономическую структуру общества: именно с творческой ролью императоров VII в. продолжали связывать изменения аграрного строя. Правда, все исследователи должны были признать, что императорам Македонской династии не удалось осуществить мероприятия, направленные против крупной земельной собственности, но это обстоятельство не нарушало оптимистической уверенности западных византинистов во всемогуществе константинопольских василевсов.

Изучение аграрной политики императоров Македонской династии занимало значительное место в трудах западных ученых. Однако эта проблема ставилась и решалась на традиционном материале источников (прежде всего — императорские новеллы) и по существу в традиционном плане — с тем только отличием, что русские византилисты конца XIX в. видели в македонских императорах защитников общины и свободного (по преимуществу — славянского) крестьянства, тогда как в изображении западных византиноведов середины XX столетия эти императоры оказываются защитниками абстрактной идеи государственности и общего блага против крупных собственников — носителей принципа раздробленности, т. е. феодализма. Признавая иногда, что аграрная политика отдельных императоров отвечала интересам известных политических групп²⁸⁹,

²⁸⁸ F. Dölger. *Sechs byzantinische Praktika...*, S. 20f. Cp. idem. *De Feudalismus...*, S. 191.

²⁸⁹ Так именно ставится вопрос в работе Э. Баха (E. Bach. *Les lois agraires byzantines du X-e siècle*. «Classica et mediaevalia», vol. 5, 1942. См. о ней: ВЗ, 43, 1950, S. 156). Нам осталась недоступной статья: A. N. Diomidis. «Ἡ πολιτικὴ τῆς Μακεδονικῆς δυναστείας κατὰ τῆς μεγάλης ἰδιοκτησίας. Τὰ αἴτια». «Ἑλληνικά», т. 11, 1939 (= A. N. Diomidis. *Βυζαντινὰ μελέται*, т. 1. Ἀθήναι, 1942, σελ. 1—116). С вопросом о законодательстве императоров Македонской династии тесно переплетается проблема протимисиса, которой были посвящены две специальные статьи итальянских ученых (обе остались нам недоступными): E. Bussi. *Ricerche intorno alle relazioni fra retratto bizantino e musulmano*. «Pubblicazioni della Università cattolica del Sacro Cuore. Sc. giurid.», vol. 41, 1933 (см. рецензию: R. Guillard. «Annales d'histoire économiques et sociales», vol. 6, 1933, № 28, p. 426 sq.); M. Bellomo. *Il diritto di prelazione nel Basso Impero*. «Annali di storia del diritto», vol. 2, 1958.

западные византилисты, однако, не ставили вопроса о ее классовой направленности.

Понимание феодализма как децентрализации и упадка было, как мы уже видели, господствующим в литературе этих лет, и лишь крайне редко выдвигался тезис о прогрессивности отдельных элементов феодального строя.

Короче говоря, признание феодализма явилось прогрессивной тенденцией западного византиноведения. Но признать феодализм в общем виде было недостаточно. Его надлежало исследовать. Это исследование неминуемо должно было привести к появлению новых точек зрения и к отказу от многих традиционных представлений.

4

Начало глубокому изучению феодализма было положено в новых работах Острогорского, вышедших в 40-е и 50-е годы. При этом Острогорский не ограничился применением терминов «феодализма», «феодальный» к таким учреждениям, как прония или иммунитет (подобные определения мы могли встретить уже у А. Ф. Гфрэрера и Яковенко): он был первым византинистом на Западе, который заговорил о феодальном поместье и феодальной ренте.

Уже в статье о ценах и заработной плате в Византии²⁹⁰ Острогорский широко пользовался данными деловых документов (главным образом по изданию Миклошича и Мюллера). С конца 40-х годов выходит ряд его работ, основанных преимущественно на актовом материале.

В 1947 г. он опубликовал небольшую статью, посвященную крестьянскому праву предпочтения X в. Опираясь на несколько актов монастыря св. Андрея в Перистерях, изданных Руйар и Колломом, Острогорский показал, с помощью каких приемов динаты захватывали земли крестьян и стратиотов. Новая по характеру источников, эта статья по своей тематике и выводам еще в полной мере примыкает к ранним работам Острогорского: он утверждал, в частности, что византийское государство X в. защищало мелких собственников, а феодализм понимал лишь как систему политической децентрализации²⁹¹.

Однако уже в следующем году вышла работа Острогорского, знаменующая решительный поворот в методах исследования и воззрениях этого видного византиниста²⁹². Она была посвящена анализу всей совокупности византийских описей (практиков XI—XV вв.), причем Острогорский широко применял сводные таблицы²⁹³, стремился выяснить локальные различия²⁹⁴ и определить пути эволюции отдельных сел и даже отдельных семей²⁹⁵. Тем самым он осуществлял принципы, выдвинутые в свое время Мошиным.

Одно обстоятельство выгодно отличало работу Острогорского от трудов Дэльгера и Мошина: Острогорский выступал именно как историк, а не как филолог и в своем толковании терминов стремился исходить из пред-

²⁹⁰ G. Ostrogorsky. Löhne und Preise in Byzanz. BZ, 32, 1932.

²⁹¹ G. Ostrogorsky. The Peasant's Pre-emption Right. An Abortive Reform of the Macedonian Emperors. JRS, vol. 37, 1947, p. 117.

²⁹² Г. Острогорский. Византийские писцовые книги. BS, vol. 9, 1948. Эта статья сразу же была переведена на сербо-хорватский язык (Г. Острогорский. Византиски катастарске књиге. «Историко-правни зборник», т. 2, 1949), а затем и на французский (G. Ostrogorski j. Pour l'histoire de la féodalité byzantine Bruxelles, 1954, p. 259—368).

²⁹³ Г. Острогорский. Византийские писцовые книги, стр. 239, 289.

²⁹⁴ Там же, стр. 258.

²⁹⁵ Там же, стр. 263 сл., 277.

ставления о социально-экономических отношениях средневековья. Опираясь именно на общие представления об общественном строе Византийской империи того времени, он критикует историков, видевших в парических платежах государственные налоги²⁹⁶, или тех византинистов, кто, не принимая во внимание особенностей средневековой экономики, но учитывая лишь изолированные факты, отрицал прикрепленность париков к помещичьей земле²⁹⁷.

Всю работу пронизывает представление о феодальной природе византийского поместья, о феодальном характере ренты. Впервые в зарубежной византинистике термин «феодализм» был применен к системе взаимоотношений между землевладельцем и крепостным (до тех пор его относили к сфере политической надстройки). Те экономические порядки, о которых писал уже Дэльгер, обрели теперь свое настоящее имя — феодализм.

Признание феодального характера византийского общества привело Острогорского к постановке вопроса о специфике социальных порядков, в частности о специфике византийской феодальной ренты. Отметив, что феодальная рента в Византии имела по преимуществу денежную форму²⁹⁸, он указывает, что система ее взимания по своей природе «прямо противоположна естественной для нас системе прогрессивного обложения»²⁹⁹. Интенсивное использование источников и наблюдение за локальными различиями позволили Острогорскому поднять еще один новый вопрос — об имущественной дифференциации византийского крестьянства³⁰⁰. Можно было бы отметить еще ряд сделанных им интересных наблюдений — ограничимся лишь одним, поскольку оно свидетельствует об отходе Острогорского от некоторых основных положений фискальной теории. «Под влиянием славянского права, — писал теперь Острогорский, — римский правовой принцип индивидуального преследования преступника стал в Византии со временем заменяться началом коллективной ответственности общины»³⁰¹. Нужно признать, что приведенная здесь формулировка достаточно неопределенна: трудно понять, к какому времени Острогорский относит воздействие славянского права и связывает ли он это воздействие с расселением славян на Балканах и частично в Малой Азии. Но сейчас важно другое: принцип коллективной ответственности общины Острогорский рассматривал теперь как результат не фискальной политики государства, а славянского влияния.

К этой работе Острогорского примыкает несколько более частных исследований, освещающих различные аспекты византийского аграрного строя³⁰². Все они являются по существу подготовительными материалами для создания внутренней истории империи; при всей ценности содержащихся в них наблюдений и выводов эти труды еще не создают картины развития общества. Острогорский сделал очень много, признав общественные отношения в поздней Византии феодальными; но феодализм в его изображении выступал на первых порах несколько статичным. Когда Острогорский приступил к изучению движения феодального общества, он начал с другого конца — с феодальных институтов, а именно с прони.

²⁹⁶ Там же, стр. 232.

²⁹⁷ Там же, стр. 268.

²⁹⁸ Там же, стр. 295.

²⁹⁹ Там же, стр. 276.

³⁰⁰ Там же, стр. 262.

³⁰¹ Там же, стр. 300.

³⁰² Г. Острогорски. Елевтери. Прилог историји селаштва у Византии. «Зборник филозофског фак. универзитета у Београду», т. I, 1949; е го ж е. Размена поседа и селска у хрисовульи цара Алексија Комнина светогорској Лаври из 1104 године. «Историски часопис», т. 5, 1955

Уже в рассмотренной выше статье о византийских описях мы встречаем ряд интересных замечаний о положении крестьян на землях прониаров; вслед затем появилось специальное исследование Острогорского о пронии³⁰³. Развивая принципы, намеченные в предшествующем исследовании, Острогорский рассматривает эволюцию пронии в связи с развитием общественной жизни империи³⁰⁴; в этой работе ученый делает еще один важный шаг вперед: он строжайшим образом придерживается в ней принципа историзма, изучая известия источников о пронии в хронологической последовательности. В результате такого метода исследования историк оказывается в состоянии максимально приблизиться к логике внутреннего развития исторических процессов, а не навязывать им априорную логику; разумеется, этот принцип оказывается действенным лишь при наличии достаточного минимума источников.

Еще до Острогорского многие византинисты стремились к рассмотрению совокупности источников в хронологической последовательности; мы отмечали эту тенденцию у ряда ученых, в частности у Дэльгера. Однако принципиальное отличие метода Острогорского от метода его предшественников состояло в том, что они использовали этот прием для выяснения сходного в явлении (например, Дэльгер доказывал наличие свободной общины во все века византийской истории) и, накапливая аналогичные факты, подчеркивали статичные элементы действительности, тогда как Острогорский, отмечая изменение данного института (пронии), прослеживал именно движение общества.

Применение такого принципа исследования позволило ученому сделать ряд важных наблюдений, в частности осветить эволюцию прониарского землевладения в середине XIV — начале XV в.; прежде этот период в истории пронии был недостаточно изучен. Острогорский пришел к выводу, что земельная собственность монастырей сократилась и половина монастырских владений была передана прониарам; более того, на оставшихся землях монастыри перестали быть полными хозяевами и должны были поступиться частью ренты в пользу прониаров³⁰⁵.

Аналогичный метод исследования был применен Острогорским и в другой работе, посвященной византийскому иммунитету³⁰⁶. Рассматривая одну за другой основные византийские грамоты, упоминающие об иммунитетных правах, Острогорский прослеживает постепенное расширение экскуссии-иммунитета. При этом он с полным основанием связывает развитие иммунитета с укреплением феодальных отношений³⁰⁷. Иммунитет — как фискальный, так и судебно-административный — существовал в Византии, как во всяком феодальном государстве³⁰⁸.

³⁰³ Г. Острогорски. Пронија. Прилог историји феудализма у Византији и у јужнословенским земљама. Београд, 1951. Переведено на французский язык: G. Ostrogorski j. La pronioia. Byz., vol. 22, 1952—1953 (= i d e m. Pour l'histoire de la féodalité..., p. 1—257). Имеется краткое русское резюме: Г. Острогорский. Прония. «Bulletin de l'Académie serbe de sciences», t. 4, 1952. Ср. также G. Ostrogorsky. Le système de la pronioia à Byzance et en Serbie médiévale, «Actes du VI-e Congrès d'Études byzantines», vol. I, 1950; D. Anastasiévici, G. Ostrogorsky. Les Koumanes pronioiares. «Mélanges H. Grégoire», vol. III, 1951 (см. поправки Дэльгера: BZ, 45, 1952, S. 477).

³⁰⁴ G. Ostrogorski j. Pour l'histoire de la féodalité..., p. 10.

³⁰⁵ Ibid., p. 169.

³⁰⁶ Г. А. Острогорский. К истории иммунитета в Византии. ВВ, XIII, 1958. Переведено на французский язык: G. Ostrogorski j. Pour l'histoire de l'immunité à Byzance. Byz., vol. 28, 1958 (ср. заметку Дэльгера: BZ, 53, 1960, S. 221 f.).

³⁰⁷ Г. А. Острогорский. К истории иммунитета..., стр. 72, 78.

³⁰⁸ Там же, стр. 106. Автор справедливо критикует здесь тех ученых, которые

Если три больших исследования Острогорского — «Писцовые книги», «Прония» и «Иммунитет» — были построены преимущественно на источниках XI—XV вв., то одновременно с этим он продолжал изучать аграрные отношения X в. и, естественно, должен был вернуться к проблеме, которая давно уже привлекала внимание западных византинистов, — к проблеме «защиты» крестьянства императорами Македонской династии. Острогорский предложил новое решение старой проблемы.

Первый шаг к этому был сделан историком в 1954 г., когда он пришел к выводу, что так называемые государственные крестьяне не могут считаться независимыми и свободными людьми: они находились от государства в такой же зависимости, в какой частновладельческие парики находились от своих господ³⁰⁹.

Уже за 50 лет до Острогорского французский юрист Платон высказал гипотезу, что фиск был собственником земли «свободных» крестьян; эта гипотеза была забыта, хотя многие ученые (в том числе Дэльгер и Руйар) отмечали отсутствие коренной разницы в положении византийских «свободных» крестьян и париков. Лишь Данструп упомянул о принципе государственной собственности на частновладельческую землю. Острогорский пошел значительно дальше: во-первых, он привлек документальный материал для доказательства тезиса о мнимой свободе государственных крестьян, во-вторых, он низвел тезис Платона из заоблачных сфер абстрактно-юридической терминологии на грешную землю реальных общественных отношений: «свободные» крестьяне X в. нашли свое место в феодальной системе.

Новый вывод Острогорского был положен им в основу концепции аграрного развития Византии X—XV вв., изложенной на лекциях в Сорбонне³¹⁰. Следуя принципу историзма и опираясь преимущественно на актовый материал, Острогорский пересмотрел в этой работе некоторые старые выводы: теперь он исходил в своем анализе из понятия феодализма. При этом он понимал под феодализмом не систему политических отношений, характеризующуюся иерархической структурой власти (как подавляющее большинство западных историков), но совокупность определенных социально-экономических факторов: поместье, населенное крестьянами — плательщиками ренты, рассматривается в лекциях как основная ячейка феодального общества³¹¹.

Как же, по Острогорскому, развивались аграрные отношения в Византии? В эпоху «Земледельческого закона» там преобладали свободные крестьяне-общинники, причем Острогорский характеризует византийскую общину «как экономическое, административное и юридическое единство»³¹², отказываясь по существу от основного принципа фискальной теории. В X в. свободные крестьяне частично превращаются в частновладельческих париков, частично же — в государственных крепостных (димосиариев)³¹³. В соответствии с теорией государственной парикии Острогорский пересмотрел и традиционное представление о законодательстве X в. «Византийское правительство, — писал он, — ни в коей мере не боролось за права и независимость маленьких людей, как стремятся

развитие иммунитета (и феодализма вообще) в Византии объясняют влиянием западноевропейских образцов (там же, стр. 73, прим. 81).

³⁰⁹ Г. Острогорски. О византийском дрявным сельцаима и војницима — две повеље из доба Јована Цимиска. «Глас САН, од друштвених наука», т. 214, 1954, књ. 3, стр. 40.

³¹⁰ G. Ostrogorski. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1956.

³¹¹ Ibid., p. 8.

³¹² Ibid., p. 45.

³¹³ Ibid., p. 18 sq.

заверить императорские новеллы. В действительности, оно защищало свои собственные права, права на ренту и повинности крестьян»³¹⁴.

В XI—XII вв. характер борьбы между византийским правительством и феодалами изменяется. Капитулировав перед ними по вопросу о земле, разрешив им приобретать наделы мелких землевладельцев, оно, однако, сохраняет за собой право контроля за количеством париков во владениях феодалов. Императорские дипломы этого времени употребляют технический термин «арифмос», обозначающий максимальное количество париков, допускаемое для поместья того или иного сеньора³¹⁵. Феодалы не удовлетворялись таким положением дел и стремились получить от императора право поселять на своих землях столько париков, «сколько пошлет бог»³¹⁶. Феодалы византийской Италии еще в XI в. пользовались подобным правом, но в самой Византии оно утвердилось только в XIII столетии³¹⁷. Вместе с тем к XIII в. совершенно исчез класс свободных крестьян³¹⁸, хотя по-прежнему сохранялись государственные парики, число которых, по-видимому, значительно сократилось.

В этой книге Острогорский поставил также вопрос о сущности парической зависимости: по его словам, в византийской парикии проявляется «двойственность или, точнее говоря, антиномия, характерная для поземельных отношений феодального общества»³¹⁹. В русской дореволюционной историографии были высказаны две противоположные точки зрения по вопросу о характере владельческих прав парика: одни исследователи считали его полным частным собственником обрабатываемого им надела, другие видели в нем присельника, крестьянина, сидящего на чужой земле. Это противоречие в историографии было отражением противоречия самой действительности: сама природа отношений собственности в феодальном обществе противоречива и двойственна: собственность на землю (как юридическое выражение права на ренту) принадлежит здесь феодалу, однако феодальная собственность уживается с владельческими правами крестьянина, включая право наследования, купли-продажи и т. п. Этот-то вывод, имеющий первостепенное значение, и сформулирован в книге Острогорского.

Теперь можно было видеть что коренная ошибка Панченко, выдвинувшего теорию полной собственности византийских париков, состояла в том, что он принял акциденцию за сущность или, иными словами, владельческие права за собственность. Правильно отмеченные факты были им обобщены и возведены в абсолюте. Просто отвергнуть их было, разумеется, невозможно: объяснение, предложенное Острогорским, разрешало проблему.

Уже после завершения работы Острогорского о византийских писцовых книгах были изданы новые практики, среди которых наиболее важные опубликованные Дельгером практики Ивирского монастыря. Острогорский сразу же отметил значение этого первоклассного источника³²⁰, а позднее построил на материале его локальное исследование, рассмотрев судьбы одного из монастырских сел — Радолива³²¹. Острогорский показал, как значительно возросли доходы монастыря от этого села за время с XI до начала XIV столетия и как бедственно отразилось на положении Радолива ухудшение политической обстановки в Византии в XIV в.

³¹⁴ G. Ostrogorski j. Quelques problèmes..., p. 16.

³¹⁵ Ibid., p. 26 sq.

³¹⁶ Ibid., p. 31.

³¹⁷ Ibid., p. 34 sq.

³¹⁸ Ibid., p. 71.

³¹⁹ Ibid., p. 62.

³²⁰ Г. Острогорски. Нове публикации византийских повеља. «Историски часопис», т. 2, 1949/1950, стр. 205 сл.

³²¹ Г. Острогорски. Радоливо. ЗРВИ, т. 7, 1961.

Последовательно взгляды Острогорского на развитие социально-экономических отношений в Византии были изложены им в главах для много-томника «*Historia mundi*». Острогорский представил здесь историю Византии как историю феодального государства, подчеркнув при этом, это «феодализация Византийского государства была результатом внутреннего развития»³²².

По мнению историка, Византия в VII — первой половине IX в. пережила период варваризации и обновления, сущностью которого явилось образование широкого слоя свободного крестьянства³²³. В соответствии с этим позднеримская эпитафия (принудительная передача пустующей земли частному собственнику с возложением на него соответствующего налога) уступила место аллиленгии, который заключался в обязанности соседей платить налоги за выморочные наделы общинников, следствием чего уже являлось их право пользоваться запустевшим наделом³²⁴.

Если с VII по X в. свободный крестьянин был основной фигурой в византийской деревне, то в X в. наступает поворотный момент и процесс феодализации («*Feudalisierung*») делает заметные успехи: крупная собственность быстро растет за счет крестьянских хозяйств³²⁵. Свободные крестьяне превращаются либо в частновладельческих париков, либо в париков государства («*Staatsparoiiken*»)³²⁶. В XI столетии образуются феодальные институты: экскуссия-иммунитет, прония, харистикий, хотя государство еще продолжает сохранять контроль за переданными в частные руки париками³²⁷. К XIV в. магнатское землевладение усиливается еще более, прония становится наследственной, а государство отказывается от контроля за частновладельческими париками³²⁸.

Мы рассмотрели эволюцию взглядов Острогорского, который начал с фискальной теории, а пришел к выводу о феодальном характере аграрного строя Византийской империи. Он пришел к этому выводу в результате тщательного изучения поздневизантийских актов. При этом Острогорский не ограничился простой констатацией феодальной природы византийского общества, но и намечил основные линии эволюции византийской деревни.

Последовательно разработанные взгляды Острогорского, подкрепленные обширным материалом источников (прежде всего документальных), не могли не оказать огромного влияния на все развитие западного византиноведения. После выхода работ Острогорского в западной византинистике произошло чрезвычайно четкое размежевание между учеными, признающими и отвергающими византийский феодализм.

Югославские рецензенты, высоко оценив работы Острогорского, подчеркивали правомерность сопоставления западного и византийского феодализма³²⁹ и принимали вывод Острогорского относительно особенностей

³²² «*Historia mundi*», Bd. VI, Bern, 1958, S. 466.

³²³ Ibid., S. 477. Ср. также G. O s t r o g o r s k y. *History of Byzantine State*. Oxford, 1956, p. 149 f.

³²⁴ Ibid., p. 38, 121. Ср. также старые работы Острогорского: G. O s t r o g o r s k y. *Die ländliche Steuergemeinde...*, S. 25 f.; i d e m. *Das Steuersystem...*, S. 235. Об аллиленгии кратко: «*Historia mundi*», Bd. VI, S. 456.

³²⁵ «*Historia mundi*», Bd. VI, S. 456.

³²⁶ Ibid., S. 460.

³²⁷ Ibid., S. 461 f.; G. O s t r o g o r s k y. *Le grand domaine dans l'Empire byzantin*. «*Recueils de la Société Jean Bodin*», vol. 4, 1949. См. рецензию: E. H e r m a n. «*Orientalia Christiana Periodica*», vol. 16, 1950, p. 469.

³²⁸ «*Historia mundi*», Bd. VI, S. 469.

³²⁹ И. Б о ж и њ. «Историски часопис», т. 7, 1957, стр. 425. Ср. J. Ž o n t a r. «*Zgodovinski časopis*», t. 8, 1954, str. 258 nsl.; Б. Ф е р ј а н ч и њ. «Историски гласник», т. 1—2, 1957, стр. 116 nsl. См. также Б. Т. Г о р я н о в. ВИ, 1955, № 11, стр. 115—159; А. П. К а ж д а н. ВВ, X, 1956, стр. 218—228; е г о ж е. ВВ, т. XII, 1957, стр. 330—340.

феодализма в Византии (отсутствии здесь иерархической структуры собственности)³³⁰. Особенно существенны в этой связи замечания Н. Филиповича, который, polemизируя не столько с Острогорским, сколько с одним из его рецензентов В. Чубриловичем, обратил внимание на неприменимость к истории XI—XV вв. термина «феодализация». Ведь феодализация, справедливо рассуждал Филипович, это процесс становления феодальных отношений, процесс превращения родовой организации в классовую, тогда как институт византийской пронии возникает уже на высшей ступени феодального общества, когда начинается распад некоторых его форм³³¹. Таким образом, Филипович рассматривал феодализм как определенную систему социальных отношений, не связывая с ней непременно распад государственной централизации, как это было свойственно, например, Харанису или Сеттону.

Один из учеников Острогорского, Я. Ферлуга, исследовал вопрос о проникновении западной феодальной терминологии (*λιζισος*) в Византию в XI—XIII вв. Легкость, с которой специфические западные термины и понятия усваивались в Византии, свидетельствует, по мысли Ферлуги, о сходстве византийского феодализма в его сущности (*dans son essence*) с феодализмом западным³³². Хотя в Византии сложились свои формы феодализма, в главном (*dans la substance*) он не отличался от западных порядков³³³.

Взгляды Острогорского на пронию разделял и итальянский исследователь П. Валентини, называвший византийскую пронию военным феодем и подчеркивавший, что ко времени IV крестового похода идея военного феода отнюдь не была новой для греков³³⁴.

Американский византист Дж. Дауни, подчеркивая, что Острогорский исследует сходство и различия византийского и западного феодализма и отмечая близость его взглядов к концепции Сеттона³³⁵, нигде не высказывал ни малейших сомнений в правомерности применения термина «феодализм» к Византии. Другой американский исследователь, И. Шевченко, высоко оценивая труды Острогорского, допускал, что концепция византийского феодализма может вызвать возражения некоторых критиков — возражения, которые, по мнению самого Шевченко, будут носить лишь терминологический характер³³⁶.

Концепцию византийского феодализма принимают и развивают авторы многих исследований, появившихся в последнее время, например, японский византист К. Ватанабе³³⁷. Западногерманский историк Э. Кирстен в ис-

³³⁰ В. Чубрилович. Око проучвања средњовековног феудализма. «Историски часопис», т. 3, 1951—1952, стр. 194.

³³¹ Н. Филипович. «Годишњак историског друштва Босне и Херцеговине», т. 4, 1952, стр. 292 нсл.

³³² J. Ferluga. La ligesse dans l'Empire byzantin. ЗРВИ, т. 7, 1961, стр. 123.

³³³ Ibid., p. 111. Подчеркнем, что Ферлуга, как и Дэльгер, говорит о заимствовании форм и терминов, а не основных черт феодализма.

³³⁴ P. G. Valentini. Chiarimenti sulla natura della pronia bizantina attraverso la documentazione della sua continuazione in Serbia e Albania. «Atti dello VIII Congresso intern. di studi bizantini», vol. I, 1953, p. 490 sg.

³³⁵ G. Downey. «Speculum», vol. 30, 1955, № 1, p. 117 f. Думается, однако, что между концепциями Сеттона и Острогорского есть коренное различие, которое мы старались проследить выше.

³³⁶ I. Ševčenko. An Important Contribution to the Social History of Late Byzantium. «The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U. S.», vol. II, № 4, 1952, p. 451, n. 4a.

³³⁷ K. Watanabe. Feudalism in the Byzantine Empire. «The Journal of Historical Studies», № 242, 1960; idem. The Large Estates of the Byzantine Empire. «The Hitotsubashi Review», vol. 36, 1956, № 2; vol. 38, 1957, № 3 (см. BZ, 51, 1958, S. 469); idem. Bauernbesitz und Großgrundherrschaft in Byzanz. «Historia mundi», vol. 5, 1961 (см. BZ, 54, 1961, S. 456). Все работы на японском языке, нам недоступны.

следовании, посвященном византийскому городу, последовательно подчеркивает сходство социально-экономического развития Византии и Западной Европы. По его мнению, начиная с VII в. (в значительной мере под влиянием славянских вторжений) в Византии образуется значительный слой свободного крестьянства, определявший характер всей экономики империи³³⁸. Прямо ссылаясь на одну из новых работ Острогорского, Кирстен говорит о складывании в X в. социальной группы феодалов (Feudalherren); социальные противоречия этого времени он считает новообразованием, отнюдь не восходящим к римскому патронатию³³⁹ (напомним, что именно из патронатия выводил византийский, как и западноевропейский, феодализм Дэльгер); Кирстен считает, что этим противоречиям свойствен феодальный характер (Charakter der Feudalität)³⁴⁰.

В соответствии с этими представлениями о феодальной природе общественных отношений в Византии Кирстен рисует и эволюцию византийского города. Византийский город, подчеркивает Кирстен, не явился непосредственным преемником античного полиса, ибо античная городская жизнь прекратилась во время переселения народов³⁴¹; с VII столетия византийский «город» — это оборонительный пункт, крепость³⁴². Позднее ослабление империи приводит к образованию независимых (или полунезависимых) городов, в которых господствовали проиары, и к раздаче городам привилегий³⁴³. При этом, однако, Кирстен отмечает экономическое и политическое отставание византийских городов от городов Западной Европы, что он склонен объяснять императорской политикой фискализма и монополий³⁴⁴.

Таким образом, Кирстен не только принял концепцию Острогорского относительно феодального характера византийской деревни, но и пошел дальше, попытавшись рассмотреть византийский город как типичный для средневековья, как принципиально не отличающийся от западноевропейского города. В этом вопросе он, кстати сказать, разошелся с Острогорским, отстаивавшим тезис о преемственности византийских городов от позднеантичных³⁴⁵.

Концепция феодального развития была последовательно развита и в книге другого немецкого историка, Г. В. Хауссига. Еще более решительно, чем Кирстен, Хауссиг подчеркивает «социальные и этнические преобразования» в Византийской империи VII—VIII вв.³⁴⁶, признавая, в частности, значительное влияние славянского вторжения³⁴⁷. «Образование византийской культуры, — подчеркивает Хауссиг, — протекало в рамках тех

³³⁸ E. Kirsten. Die byzantinische Stadt. «Berichte zum XI. Intern. Byzantinisten-Kongress». München, 1958, S. 26.

³³⁹ Ibid., Anmerkungen, S. 11. Очень четко о смене крестьянской собственности феодальной (der feudale Grundbesitz) писал в рецензии на книгу Руйар Ф. Гшницер (F. Gschneiter. «Anzeiger für die Altertumswissenschaft», Bd. 9, 1956, N. 3, Sp. 162).

³⁴⁰ E. Kirsten. Op. cit., S. 19.

³⁴¹ Ibid., S. 27.

³⁴² Ibid., S. 20.

³⁴³ Ibid., S. 35 f.

³⁴⁴ Ibid., S. 41.

³⁴⁵ G. Ostrogorsky. Byzantine Cities in the Early Middle Ages. DOP, 13, 1959.

³⁴⁶ H. W. Haussig. Kulturgeschichte von Byzanz. Stuttgart, 1959, S. 181.

³⁴⁷ Ibid., S. 182 f. О социально-экономических преобразованиях в VII в. см. также J. Ellul. Histoire des institutions, t. I. Paris, 1955, p. 642. Ж. Эллюль также признает влияние расселения армян и славян на территории империи и подчеркивает, что в условиях укрепления свободного крестьянства эпихола перестала существовать. Эллюль доводит изложение лишь до начала VIII в.

великих движений, которые в эту эпоху придали Европе и Азии новый облик»³⁴⁸.

Признавая принципиальное сходство социально-экономического развития Византии и Западной Европы в раннее средневековье, Хауссиг останавливается и на особенностях византийской экономики, которые он усматривает в сохранении позднеантичного городского хозяйства³⁴⁹. Таким образом, в этом вопросе он расходится с Кирстенем, хотя и признает ограниченность денежного хозяйства того времени³⁵⁰.

Характеризуя византийскую деревню VII—IX вв., Хауссиг остается в пределах традиционных для западной византистики воззрений: он признает сохранение значительного влияния крупной собственности, а византийскую общину считает по происхождению фискальной³⁵¹; впрочем, Хауссиг допускает существование как альменды, так и общей собственности нескольких крестьян³⁵².

Гораздо большего внимания заслуживает трактовка Хауссигом вопроса о византийском феодализме. Уже в организации византийского чиновничества IX в. с его сложной системой иерархии Хауссиг усматривает симптом феодализации³⁵³; при этом он всемерно подчеркивает существование резкого разрыва между узким слоем привилегированных и основной массой населения, которой с огромным трудом удавалось обеспечить себе прожиточный минимум³⁵⁴. Носителями феодализации, которая приводит к распаду идеи универсальной монархии, являлись в Византии малоазиатские магнаты, которых Хауссиг сопоставляет с немецкими князьями — Вельфами и Бабенбергами³⁵⁵; феодализация также проявляется в распаде старых фем на более мелкие единицы³⁵⁶.

Работе Хауссига можно было бы многое поставить в упрек. Прежде всего, основные линии социально-экономического развития Византии намечены Хауссигом крайне схематично, и тот последовательный историзм, который присущ был исследованиям Острогорского, здесь нарушен; так, в разделе, посвященном IX—XI вв., Хауссиг иллюстрирует распад центрального административного аппарата примерами из истории VII столетия³⁵⁷; для характеристики крупных предпринимателей, появляющихся «уже с X в.», он ссылается на Гуделу, жившего в XIII столетии³⁵⁸. Далее, работе Хауссига присуща тенденция к модернизации экономических категорий средневековья: он говорит об экономическом кризисе, вызванном потерей рынков сбыта³⁵⁹, о появлении крупных капиталистов в византийских городах³⁶⁰, он объясняет проникновение знати в деревню устойчивостью хлебных цен, вызывавшей будто бы заинтересованность купечества в помещении денег в землю³⁶¹. И все-таки стремление рассматривать историю Византии в развитии («Все течет, все меняется» — такие слова поставил Хауссиг эпиграфом к своей книге) и восходящая еще к Линдсею

³⁴⁸ H. W. Haussig. Op. cit., S. 186.

³⁴⁹ Ibid., S. 187.

³⁵⁰ Ibid., S. 188.

³⁵¹ Ibid., S. 200 f.

³⁵² Ibid., S. 206.

³⁵³ Ibid., S. 209.

³⁵⁴ Ibid., S. 217.

³⁵⁵ Ibid., S. 391 f.

³⁵⁶ Ibid., S. 392.

³⁵⁷ Ibid., S. 213 f.

³⁵⁸ Ibid., S. 402 f.

³⁵⁹ Ibid., S. 395.

³⁶⁰ Ibid., S. 405.

³⁶¹ Ibid., S. 206. Нельзя, в частности, забывать, что у нас нет никаких данных, чтобы постулировать тезис об устойчивости хлебных цен в Византии.

и Закифиносу последовательная критика тенденции отрицать принципиальную общность Византии и Запада — все это делает книгу Хауссига значительным произведением западноевропейской византистики³⁶².

Наряду с исследователями, принявшими концепцию византийского феодализма, в последние годы на Западе отчетливо оформилась и другая группа византистов: одни из них вообще игнорировали вопрос о византийском феодализме, другие же отвергали самую возможность существования в Византии феодальных отношений.

Примечательно, что в ряде рецензий на работы Острогорского вовсе не затронут его центральный тезис — теория византийского феодализма. Высказывая критические замечания по частным вопросам, многие рецензенты воздерживаются от суждения относительно главной проблемы. Так, М. Ласкарис, затрагивая преимущественно вопросы истории прони в сербских и албанских землях, поставил под сомнение мысль Острогорского о том, что прониары могли нести военную службу не только государству, но и монастырям³⁶³; Ж. Бонпер полемизировал против выдвинутого Острогорским представления о дуализме в положении византийского крестьянства³⁶⁴. Как ни странно, даже Харанис, который раньше склонялся к признанию византийского феодализма, теперь, в рецензии на работу Острогорского, обходит этот вопрос, ограничиваясь только критическими замечаниями относительно концепции Острогорского о государственном крестьянстве. Харанис полагал, что если следовать определению государственной парикии, предложенному Острогорским, то крестьян, охарактеризованных в «Земледельческом законе» и в «Трактате об обложении», также придется рассматривать как государственных париков; кроме того, Харанис считал, что и в позднее время в Византии сохранялись крестьяне, чьи наделы оставались аллодом³⁶⁵.

В ряде специальных статей и книг аграрные отношения в Византии по-прежнему рассматривались вне связи с проблемой феодализма.

Греческий ученый Ф. Кукулес в V томе «Византийской цивилизации» дал интересный очерк византийского хозяйства, привлекая среди других источников также и греческие акты³⁶⁶ — правда, преимущественно по изданию Миклошича — Мюллера. В конце этого очерка автор поместил параграф об экономическом положении крестьян: указав, что им жилось тяжело и что крупные собственники превращали свободных людей «в мистотов, энапографов и париков»³⁶⁷, Кукулес не остановился на характеристике социального статуса этих категорий и ни словом не обмолвился о проблеме византийского феодализма.

Автор другого очерка византийской цивилизации, выпущенного несколько раньше, французский исследователь Л. Брейе, уделил социальной структуре общества несколько больше внимания, но и он не затронул вопроса о феодализме. По представлениям Брейе, в Византии всегда существовала

³⁶² См. о ней А. Ванск, В. Гоганов. DLZ, Bd. 82, 1961, N. 6, Sp. 552—556. О византийских феодалах упоминают подчас и авторы работ по политической и церковной истории Византии; так, Д. Найкол говорит о «феодальных лордах» во Фракии XII в. (D. M. Nicol. The Despotate of Epiros. Oxford, 1957, p. 215).

³⁶³ M. Lascaris. Cinq notes à la Pronoia de M. Ostrogorski. Byz., vol. 21, 1951, p. 266. См. убедительные возражения Острогорского: G. Ostrogorski j. Sur la pronoia. A propos de l'article de M. Lascaris. Byz., vol. 22, 1952, p. 162.

³⁶⁴ J. Bompaire. «Revue historique», vol. 218, 1957, № 1, p. 130.

³⁶⁵ P. Charanis. «Speculum», vol. 32, 1957, № 3, p. 597. Точно так же

А.Абель по существу обходит вопрос о феодализме: он говорит только о поместье, которое Острогорский называет феодальным» (A. Abel. «Le Moyen âge», t. 61, 1955, p. 506). Ср. Н. Г. Векк. «Historische Zeitschrift», Bd. 187, 1959, S. 135—137.

³⁶⁶ P. H. Koukoules. Βυζαντινὸν βίος καὶ πολιτισμὸς, τ. 5. Ἀθήναι, 1952, σελ. 245.

³⁶⁷ Ibid., p. 279.

крупная собственность на землю и мелкая крестьянская собственность³⁶⁸, всегда в поместьях знати жили рабы и колоны, позднее названные париками и практически не отличавшиеся от рабов³⁶⁹. Крестьянская община не имела ничего общего со славянским «миром» и являлась по преимуществу, хотя и не исключительно, фискальной³⁷⁰. Таким образом, взгляды Брейе на многим отличались от старой концепции Кааллигаса: вместо исторического развития общества мы находим у него вечный застой, нарушающийся временами то некоторым увеличением, то уменьшением числа свободных собственников³⁷¹.

К этой же группе исследований принадлежит и книга А. Хаджиниколау-Марава о византийском рабстве. Слабая по своим методологическим принципам, основанная на ограниченном круге источников, эта работа посвящена изучению эволюции рабства, которая, по мнению Хаджиниколау-Марава, сводится к превращению рабов в рабочих современного типа³⁷². Эволюция рабства не увязывается с историей византийского феодализма, а объясняется реформами императоров и благотворным воздействием церкви.

В работах молодой французской исследовательницы Э. Гликаци-Арвейэ были затронуты более значительные проблемы социальной истории Византии. Тщательно исследовав вопрос о провинциальной администрации в IX—XI вв., Гликаци-Арвейэ пришла, как и Хауссиг, к представлению о распаде фемной системы в XI столетии³⁷³; однако если Хауссиг поставил этот процесс в связь с развитием феодальных отношений в Византии, то Гликаци-Арвейэ даже не касается вопроса о византийском феодализме, ища объяснение административных преобразований во внешнеполитических событиях, в перестройке армии и, наконец, в политике того или иного императора³⁷⁴.

³⁶⁸ L. Bréhier. *La civilisation byzantine*. Paris, 1950 p. 152 sq. Ср. также более раннюю работу Брейе: L. Bréhier. *Les populations rurales au IX-e siècle d'après l'hagiographie byzantine*. Byz., vol. I, 1924.

³⁶⁹ *Ibid.*, p. 163.

³⁷⁰ *Ibid.*, p. 165 sq.

³⁷¹ Ср. рецензию: М. Л. Абрамсон. ВВ, VI, 1953, стр. 310 сл. Очень сдержанно оценивает раздел книги Брейе, посвященный аграрным отношениям, также и П. Лемерль (P. Lemerle. *La civilisation byzantine. À propos d'un livre récent*. «Revue historique», vol. 210, 1953, p. 28. См. его же рецензию: «Journal des savants», 1950, juillet—septembre, p. 130—138). Ср. еще рецензии: R. Dussaud. «Syria», vol. 28, 1951, p. 306—308; E. v. Ivanka. «Bibliotheca orientalis», vol. 9, 1952, p. 64—68.

³⁷² A. Hadjinicolaou-Marava. *Recherches sur la vie des esclaves dans le monde Byzantin*. Athènes, 1950, p. 7, 114. Мы не останавливаемся подробно на этой книге, детально разобранной в советских журналах (М. Я. Сюзюмов, ВВ, V, 1952, стр. 280—284; А. П. Каждан. ВДИ, 1952, № 4, стр. 121—128). Очень резко оценивает эту книгу и Лемерль, подчеркивающий, что Хаджиниколау-Марава набросала только очерк юридической теории византийского рабства и пренебрегла сведениями о фактическом положении рабов (P. Lemerle. «Revue des études grecques», vol. 64, 1951, p. 527 sq.). Другие рецензенты снисходительнее отнеслись к книге молодой исследовательницы (см. F. Dölger. ВЗ, 45, 1952, S. 195; P. Chagnais. «Speculum», vol. 27, 1952, p. 107 f.; H. Evert-Karpesow. BS, vol. 16, 1955, p. 352—355), а П. Стефану даже всячески расхваливает эту работу за то, что в ней церковь представлена в роли освободительницы рабов (P. E. Stéphanou. «Orientalia Christiana Periodica», vol. 17, 1951, p. 243. Ср. E. Kriaras. «Ελληνικά»), т. 12, 1952, с. 194—198). Если слабая работа Хаджиниколау-Марава имела на Западе «большую прессу», то интересная статья о рабах, написанная английским византинистом Р. Браунингом [«Рабство в Византийской империи (600—1200)». ВВ, XIV, 1953], учитывающая известия деловых документов, не нашла в западной литературе никакого отклика.

³⁷³ H. Glykatzis-Ahrweiler. *Recherches sur l'administration de l'Empire byzantin aux IXe—Xe siècles*. BCH, vol. 84, 1960, p. 89 sq.

³⁷⁴ *Ibid.*, p. 36, 91.

Не затрагивает вопроса о феодализме Гликаци-Арвейэ и в специальной статье об эпителии — одном из видов платежей, взимавшихся в византийской деревне XIII в.³⁷⁵ В этой статье сделан ряд интересных конкретных наблюдений, однако, анализируя природу эпителии, Гликаци-Арвейэ не стремится понять характер общества, в котором платили эпителию, и тем самым ограничивает свою работу лишь суммой юридических определений. Естественно, однако, что формы рентных платежей каждого общества определяются теми социальными отношениями, которые в нем господствовали.

Более того, Гликаци-Арвейэ не затрагивает вопроса о феодализме и в работе, посвященной аграрной политике императоров Никейской империи, хотя, как мы уже говорили, еще Данструп называл это государство «феодальной империей». Гликаци-Арвейэ анализирует данные Лемвийского кодекса³⁷⁶ и классифицирует виды земельных владений, существовавших в XIII в. в районе Смирны; наряду с патримониями местной знати³⁷⁷ Гликаци-Арвейэ выделяет пожалованные никейскими императорами земли, которые в свою очередь она подразделяет на две категории: пронии и «апанажи», причем чрезвычайно существенно ее замечание о том, что в районе Смирны термин «прония» употребляется для обозначения небольших земельных пожалований (*des concessions d'étendue modeste*)³⁷⁸, а также предположение, что нарративные памятники используют термин «прония» в применении к владениям иного типа — к апанажам³⁷⁹. Эти наблюдения заставляют внести коррективы в широко распространенные на Западе представления, будто именно прония уже с XI в. являлась основным видом земельных владений византийской аристократии.

Касаясь вопроса о крестьянстве, Гликаци-Арвейэ склоняется к концепции Острогорского и не приводит разграничения между зависимостью крестьян от бенефициариев и от фиска³⁸⁰

Не встретим мы рассмотрения вопроса о феодализме и в большинстве комментариев к византийским актам, несмотря на то, что комментарии в изданиях последних лет обширны и часто весьма содержательны. Мы могли бы выделить несколько типов комментариев к актам; в изданиях В. Лорана, например, как и в публикациях Бинона, комментарий посвящен преимущественно вопросам топонимики и просопографии, изучению истории монастырей и служебной карьеры упомянутых в акте лиц³⁸¹; А. Гийу и Г. Хунгер обращают большое внимание на реальный комментарий³⁸²; в изданиях Ш. Астриюка, как правило, специально рассматрива-

³⁷⁵ Н. G l y k a t z i. L'épitéleia dans le cartulaire de Lembiotissa. Byz., vol. 2, 1954 (1955); ср. возражения Дэльгера (BZ, 49, 1956, S. 501) и ее ответ (Н. G l y k a t z i. A propos de l'épitéleia. Byz., vol. 25—27, 1955—1957).

³⁷⁶ Странно, что Гликаци-Арвейэ не упоминает о детальном разборе этого памятника в трудах Васильевского, Панченко, а также советских ученых.

³⁷⁷ Н. G l y k a t z i - A h r w e i l e r. La politique agraire des empereurs de Nicée. Byz., vol. 28, 1958, p. 63 sq.

³⁷⁸ Ibid., p. 58 sq.

³⁷⁹ Ibid., p. 60.

³⁸⁰ Ibid., p. 62 sq.

³⁸¹ V. L a u r e n t. Xéropotamou et S. Paul. Histoire et légende à L'Athos. «Revue historique du Sud-Est Européen», vol. 22, 1945; i d e m. Un acte grec inédit du despote serbe Constantin Dragas. REB, vol. 5, 1947; i d e m. Une nouvelle fondation monastique des Choumnos: La *Nea moni* de Thessalonique. REB, vol. 13, 1955. К этому же типу принадлежит и комментарий в публикации: А. P e r t u s i. Nuovi documenti sui benedettini amalfitani dell'Athos. «Aevum», vol. 27, 1953.

³⁸² Н. H u n g e r. Zwei byzantinische Urkunden der späten Palaiologenzeit aus der Österreichischen Nationalbibliothek. BZ, 48, 1955; A. G u i l l o u. Un acte de juillet 6667 (1159) provenant des archives du monastère S. Marie du Patir. «Bollettino B. Gr. Grottaferrata», vol. 7, 1953; i d e m. Les archives de S. Jean-Prodrome sur le Mont Ménécée. Paris, 1955; i d e m. Actes de Lavra. I (Supplément). BCH, vol. 81,

ются вопросы аграрной истории³⁸³. И все же, хотя акты постоянно говорят о дарениях, о зависимом крестьянстве, о привилегиях светской и духовной знати, издатели не связывают эти вопросы с проблемой византийского феодализма. Хунгер, к примеру, издал купчую грамоту первой половины XV в., в которой описана типично феодальная сделка: продается половина ветряной мельницы, причем покупатель должен обслуживать мельницу целиком, а продавец будет получать половину дохода. Издатель, отметив это любопытное обстоятельство³⁸⁴, не ставит, однако, вопроса о его феодальной природе, о несоответствии описанных в грамоте отношений нормам римского права.

Игнорируется вопрос о феодализме и в исследованиях, посвященных частным вопросам, например в статье Бонпера о некоторых видах византийских податей³⁸⁵ или в статье Лорана о харистикии³⁸⁶, в котором, как мы знаем, Острогорский (да и не только он) усматривал один из основных феодальных институтов.

Наконец, к той же группе исследований может быть отнесена большая статья австрийского историка права Г. Ф. Шмида, посвященная византийским десятинам. Эта работа, основанная на огромном материале источников и учитывающая колоссальную литературу вопроса (в том числе и труды советских историков), может служить полезным справочником, хотя со многими выводами Шмида трудно согласиться. Так, по мнению Шмида, византийская морта взималась лишь на церковных и государственных владениях в пределах ограниченной территории, включавшей Малую Азию и окрестности Константинополя; отсутствие упоминаний о морте в документах афонских монастырей Шмид склонен объяснять тем, что эти монастыри были основаны частными лицами³⁸⁷. Однако он сам упоминает акт 1008 г., который свидетельствует, что получателем морты не всегда было государство или церковь³⁸⁸, а анализ «Земледельческого закона» заставляет Шмида признать неканоническую формулировку статьи относительно морты³⁸⁹. Но особенно существенно, что Шмид изучает византийскую десятину — один из важнейших видов крестьянских платежей, — не вспоминая даже о феодализме, подобно тому, как Гликаци-Арвейё не вспоминала о нем, изучая эпителию.

Некоторые рецензенты Острогорского выступили против самого понятия византийского феодализма, причем иные из них лишь постепенно пришли к сомнениям и негативному решению этой проблемы. А. Грегуар в рецензии, написанной совместно с Ласкарисом в 1951 г., признавал, что крепостосцы XIII в. не нашли в Византии принципиально иной структуры общества, нежели существовавшая на Западе; он считал, что Острогорский прав, говоря о сходстве западного фьефа с пронией³⁹⁰; он готов был дать

1957. В заметке о статье: S. B o r s a r i. Istituzioni feudali e parafeudali nella Puglia bizantina. «Archivio storico per le provincie napoletane», NS, vol. 38, 1959—Гийу утверждает, что феодальная организация противоречила административной системе и «византийской психологии» (BS, vol. 21, 1960, p. 160).

³⁸³ C. A s t r i c. Un acte patriarcal inédit de l'époque des Paléologues. «Mélanges H. Grégoire», vol. IV, 1953, p. 25 sq.; i d e m. Un document inédit de 1163 sur l'évêché thessalien de Stagi. BCH, vol. 83, 1959, p. 217 sq.

³⁸⁴ H. H u n g e r. Op. cit., S. 302.

³⁸⁵ J. B o m p a i r e. Sur trois termes de fiscalité. BCH, vol. 80, 1956. Ср. С. М. П р к о в и њ. Jedan помен сона на Пелопонезу. ЗРВИ, т. 7, 1961, стр. 149 исл.

³⁸⁶ V. L a u r e n t. Charisticariat et commende à Byzance. REB, vol. 12, 1954.

³⁸⁷ H. F. S c h m i d. Byzantinisches Zehntwesen. «Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft», Bd. 6, 1957, S. 66 f. См. рецензию: H. N o t t a r p. ZSav. Kanon., Bd. 76, 1959, S. 342.

³⁸⁸ H. F. S c h m i d. Op. cit., S. 66, A. 119.

³⁸⁹ Ibid., S. 59 f.

³⁹⁰ H. G r é g o i r e, M. L a s c a r i s. Byz., vol. 21, 1951, p. 223.

утвердительный ответ (la réponse affirmative) на вопрос, существовал ли феодализм в Византии³⁹¹. Но в 1954 г. Грегуар уже рассматривал эту проблему по-иному. «Феодализм, — писал он, — это, по-видимому, термин не безупречный»; в политическом отношении византийский феодализм был весьма далек от западного³⁹². И Р. Гийан, который в 1948 г., доказывая, что наследственная аристократия играла важную роль на протяжении всей истории империи³⁹³, ни разу не упомянул о феодализме, в 1955 г. высказал свое суждение более категорично. «Еще нужно выяснить, — говорил Гийан, полемизируя с Острогорским, — правомерно ли говорить о феодализме (si l'on a raison de parler de féodalité) — по крайней мере, если мы будем придавать этому термину точный и в своем роде технический смысл — и устанавливать тесный параллелизм между Византией и Западом»³⁹⁴.

Грегуар и Гийан высоко оценивали работы Острогорского в целом. Значительно решительнее высказался против них Штадтмюллер, прямо заявивший, что он выступает противником главного тезиса югославского византиниста³⁹⁵. При этом Штадтмюллер достаточно откровенно объясняет свою позицию: оказывается, словоупотребление Острогорского, расходясь с принятым на Западе, приближается к советской терминологии, к принятому советскими учеными пониманию термина «феодализм». Штадтмюллер, правда, спешит оговориться, что Острогорский не связывает с феодализмом «историко-материалистический схематизм», якобы господствующий в Советском Союзе³⁹⁶. Впрочем, конкретные возражения Штадтмюллера крайне неопределенны, и остается совершенно неясным, что можно было бы извлечь для уяснения вопроса о пронииз из «целого ряда других практиков», о которых очень глухо говорит Штадтмюллер. Более развернутые критические замечания по поводу концепции византийского феодализма были выдвинуты на страницах западногерманского журнала М. Младеновичем³⁹⁷.

Еще последовательнее выступил против Острогорского греческий историк И. Караяннопулос, получивший подготовку в Мюнхене под руководством Дэльгера. Возражения Караяннопулоса, развитые не только в рецензии, но и в ряде статей и книг, были направлены против всей концепции Острогорского и противопоставляли ей по-своему целостную систему взглядов.

Центральным моментом в построениях Караяннопулоса явилось отрицание того переворота в аграрных отношениях, который был в свое время постулирован Штейном и Острогорским, отнесен ими к VII в. и который, как мы видели, был признан подавляющим большинством современных византинистов. Критика тезиса о перевороте в общественных отношениях в VII в. неминуемо приводила Караяннопулоса к пересмотру вопроса о «Земледельческом законе». Здесь мы должны позволить себе небольшое отступление.

Начиная с 30-х годов западные византинисты-аграрники уделяли, как

³⁹¹ Ibid., p. 226.

³⁹² H. Grégoire. «Acad. royale de Belgique. Bulletin de la classe des lettres et des sciences morales et politiques», 5-e sér., t. 40, 1954, p. 613 sq.

³⁹³ R. Guillard. La noblesse de race à Byzance. BS, vol. 8, 1948, p. 307, 310.

³⁹⁴ Idem. BS, vol. 16, 1955, p. 352. Ср. также другую его рецензию («Revue des études grecques», vol. 69, 1956, p. 259 sq.), где слово féodalité Гийан берет в кавычки.

³⁹⁵ G. Stadt Müller. «Gnomon», Bd. 27, 1955, S. 130.

³⁹⁶ Ibid., S. 131.

³⁹⁷ M. Mladenović. Zur Frage der Pronoia und des Feudalismus im byzantinischen Reiche. «Südostforschungen», Bd. 15, 1956 (нам недоступно. См. заметку Дэльгера: BZ. 50; 1957, S. 260. Ср. H. Michaelis. BS, vol. 19, 1958, p. 354).

мы уже не раз указывали, основное внимание актовому материалу, а «Земледельческий закон» по существу не служил предметом изучения³⁹⁸; в последние годы, напротив, у зарубежных византинистов все более возрастает интерес к этому памятнику³⁹⁹.

Новые исследования «Земледельческого закона» начались со статьи французского юриста Ж. де Малафосса, который проделал анализ различных рукописей «Земледельческого закона», и прежде всего — схолий и добавлений к первоначальному однородному тексту из 85 статей. Малафосс считал, что «Земледельческий закон» — результат компиляции из более ранних памятников, завершившейся в конце VII — начале VIII в.⁴⁰⁰ Он прослеживал характерные для обычного права⁴⁰¹ противоречия между различными статьями закона, например в вопросе о наказании за воровство⁴⁰². Схолии, восходящие к Юстинианову своду или к «Василикам», нередко вступают в противоречие с первоначальным текстом: Малафосс обнаружил, например, попытки схолиастов ограничить действие принципа *superficies solo non cedit*, который был принят в «Земледельческом законе»⁴⁰³.

Эти наблюдения, основанные на тщательном изучении рукописной традиции, были, несомненно, плодотворными; когда же Малафосс оставял твердую почву филологического и юридического исследования и приступал к социологическим обобщениям, его ожидали меньшие успехи: не владея византийскими источниками и опираясь на историографию только одного направления (по преимуществу — Эшбернер и Дэльгер), Малафосс находил в «Земледельческом законе» крупного собственника и зависимого крестьянина⁴⁰⁴, а также отвергал общинную теорию⁴⁰⁵. Однако его аргументация, основанная на схолиях, не может считаться убедительной, поскольку схолии относятся к позднему времени; например, в схолии к рукописи XV в. имеется разрешение продавать крестьян (*γεωργοί*) без земли⁴⁰⁶, но это не значит, что такой принцип действовал уже в VIII в.

Свои взгляды на аграрное развитие Византии Малафосс высказал в обобщающей статье, где он полемизирует против советских византинистов⁴⁰⁷, из трудов которых, впрочем, ему известны лишь французский перевод книги М. В. Левченко и (по рецензии М. Канара!) одна работа Липшиц. Весь пафос статьи Малафосса направлен на доказательство тезиса, что не классовые, а чисто фискальные и военные интересы определяли аграрную политику византийских законодателей⁴⁰⁸. Малафосс отвергает славянское влияние на византийское общественное устройство⁴⁰⁹ и стремится доказать, что в «Земледельческом законе» сохранились лишь «не-

³⁹⁸ Не представляет никакого интереса компилятивная работа болгарского юриста В. Алексиева «Принос към въпроса за земевладението според Зем. зак. и хрисовулите на XIII и XIV век» (ГСУ, Юрид. фак., т. 32, 1936—1937). См. также С. A g i o n. *Le Némos γεωργικός et le régime de la terre dans l'ancien droit roumain*. Paris, 1929.

³⁹⁹ Этим исследованиям предшествовало всестороннее рассмотрение «Земледельческого закона» в работах Е. Э. Липшиц («Земледельческий закон и сельская община». Л., 1936; «Византийское крестьянство и славянская колонизация». ВС; «Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма». ВВ, I, 1947).

⁴⁰⁰ J. de M a l a f o s s e. *Les lois agraires à l'époque byzantine. Tradition et (exégèse*. «Recueil de l'Acad. de législation», t. 19, 1949, p. 68—74.

⁴⁰¹ Ibid., p. 74.

⁴⁰² Ibid., p. 55 sq.

⁴⁰³ Ibid., p. 47—49.

⁴⁰⁴ Ibid., p. 39 sq.

⁴⁰⁵ Ibid., p. 44—46.

⁴⁰⁶ Ibid., p. 41.

⁴⁰⁷ J. de M a l a f o s s e. *Le droit agraire au Bas Empire et dans l'Empire d'Orient*. «Rivista di diritto agrario», f. 1, 1955, p. 35 sq., 59.

⁴⁰⁸ Ibid., p. 72.

⁴⁰⁹ Ibid., p. 57.

которые намеки» на общинную собственность (кстати, он сам ссылается на пять статей в этом небольшом памятнике, затрагивающих вопрос об общине⁴¹⁰).

Вместе с тем Малафосс, признает эволюцию аграрных отношений в Византии, отмечая, что со второй половины VII в. исчезает прикрепленность крестьян к земле и система эпиболы: ни тот, ни другой институт не упомянут в «Земледельческом законе»⁴¹¹; по мнению Малафосса, еще и в IX в. не сформировалась каста земельной аристократии⁴¹². Вступая в противоречие со своим основным тезисом, Малафосс готов признать классовый характер мероприятий Никифора I: он полагает, что попытка возобновить круговую поруку при уплате податей благоприятствовала концентрации земельной собственности⁴¹³. Расценивая аграрную политику императоров Македонской династии как защиту мелкого землевладения, Малафосс считает ошибкой то, что они не столько содействовали развитию мелкой собственности, сколько поддерживали, сохраняли ее, осуществляя негативную, а не конструктивную политику⁴¹⁴. Именно в этом видит Малафосс причину обреченности их мероприятий.

С конца IX в. в Византии развиваются феодальные отношения и феодальное право. Это процесс охарактеризован Малафоссом на сравнительно ограниченном материале, почерпнутом преимущественно в книге Руйар (наиболее оригинален здесь анализ поздних схолий к «Земледельческому закону»), — ни советская литература вопроса, ни по-русски написанная статья Острогорского о писцовых книгах ему не известны. Тем более показательно, что при характеристике византийского феодализма Малафосс подробнее останавливается на положении зависимого крестьянства⁴¹⁵, нежели на феодальных институтах, из которых он особо выделяет пронию.

Таким образом, и в этой статье Малафосса немало интересных конкретных наблюдений, и, если бы не предвзятое стремление опровергнуть советское византиноведение (с которым он плохо знаком), он мог бы значительно четче вскрыть аграрную эволюцию Византии.

В связи с изучением византийской десятины-морты затронул вопрос о «Земледельческом законе» и Шмид, который, рассматривая морту как специфически церковную форму платежей, предполагал, что этот памятник, упоминаящий мортита, был составлен духовным земельным собственником или его советником⁴¹⁶. Вместе с тем Шмид пришел к выводу, что «Земледельческий закон» возник в Южной Италии или в центральных областях Византийской империи⁴¹⁷. Мы не будем сейчас специально останавливаться на противоречиях в концепции Шмида (в частности, термин «морта», которому он придает решающее значение, не употреблялся в Южной Италии); важно, однако, отметить, что рассуждения Шмида имели целью разорвать ту связь «Земледельческого закона» со славянским вторжением, о которой писали в свое время Васильевский и Ф. Успенский и о которой говорили и Острогорский, и Хауссит. Эта-то тенденция, едва намечившаяся в статьях Шмида, была затем развита Караяннопулосом.

Если работа Малафосса посвящена всестороннему анализу правовых норм «Земледельческого закона» и схолий к нему, то задача, которую

⁴¹⁰ Ibid., p. 57, n. 69.

⁴¹¹ Ibid., p. 55 sq.‡

⁴¹² Ibid., p. 63.

⁴¹³ Ibid., p. 60 sq.

⁴¹⁴ Ibid., p. 65.

⁴¹⁵ Ibid., p. 67 sq.

⁴¹⁶ H. F. Schmid. Byzantinisches Zehntwesen, S. 59.

⁴¹⁷ H. F. Schmid. La legge agraria *Nomos Georgikòs* bizantina e le origini delle decime ecclesiastiche nell'Italia meridionale. «Atti dello VIII Congresso intern. di studi bizantini», vol. II, 1953, p. 392 sq.

поставил перед собою Караяннопулос, была совершенно иного порядка: он стремился доказать, что «Земледельческий закон» не имеет никакого отношения к славянскому вторжению в Византию⁴¹⁸ и что этот памятник вообще не свидетельствует о каких-либо аграрных преобразованиях в VII в.⁴¹⁹ Обосновываются эти положения двояко. Прежде всего Караяннопулос стремится оторвать «Земледельческий закон» от эпохи славянских вторжений; для этого он подвергает сомнению аргументацию Дэльгера (и Малафосса, добавим мы от себя), отнесших его составление к VII — началу VIII в. Впрочем, все соображения Караяннопулоса сводятся лишь к утверждению, что предложенные Дэльгером хронологические рамки, быть может (*vielleicht*), следует расширить; при этом Караяннопулос ссылается на то обстоятельство, что древнейшие рукописи «Земледельческого закона» относятся только к XI в.⁴²⁰

Далее Караяннопулос утверждает, что в «Земледельческом законе» нет никаких новых правовых норм, а есть только старое право (*nur älteres Recht*), восходящее к законодательству Юстиниана и к локальным обычаям⁴²¹. При этом, однако, Караяннопулос совершает серьезную логическую ошибку: показать, что в «Земледельческом законе» имеются старые нормы, восходящие к римскому праву и даже к библейским установлениям, еще не значит доказать, что *все* нормы этого памятника соответствуют римскому законодательству. Уже Малафосс выяснил, что трактовка вопроса о *superficies* в «Земледельческом законе» коренным образом отличается от трактовки его в римском праве, — однако Караяннопулос вовсе не затрагивает этого вопроса.

Очень большое значение Караяннопулос придает критике взглядов Острогорского на превращение в VII в. римской эпиболы в аллиленгий. Суть возражений Караяннопулоса заключается в том, что уже в Римской империи существовали обе формы привлечения соседей к уплате налогов за пустующие земли: как с передачей им земельного владения, так и без передачи его⁴²². В соответствии с этим Караяннопулос упрекает Острогорского в неточности проводимой им дефиниции между эпиболой и аллиленгием⁴²³. Из этого — пожалуй, небезосновательного — упрека Караяннопулос, однако, делает далеко идущий вывод: он отвергает вовсе теорию Острогорского о коренных общественных преобразованиях в VII столетии⁴²⁴.

Опять-таки и в этом случае Караяннопулос допускает логическую ошибку, считая доказанным совсем не то, что он доказывал. Пусть византийский аллиленгий не отличается в принципе от позднеримской эпиболы — из этого вовсе не следует, что в VII в. империя не пережила коренных социально-экономических сдвигов. Дело в том, что Караяннопулос

⁴¹⁸ J. K a r a y a n n o p u l o s. Entstehung und Bedeutung des Nomos Georgikos. ВЗ, 51, 1958, S. 358 f.

⁴¹⁹ Ibid., S. 364 f.

⁴²⁰ Ibid., S. 369 f.

⁴²¹ Ibid., S. 368, 373.

⁴²² Ibid., S. 367 f. Cp. i d e m. Die kollektive Steuerverantwortung in der frühbyzantinischen Zeit. VfSWG, Bd. 43, 1956, № 4, S. 302, 319; i d e m. Das Finanzwesen des frühbyzantinischen States. München, 1958, S. 258.

⁴²³ I d e m. Die kollektive Steuerverantwortung..., S. 291.

⁴²⁴ Ibid., S. 320 f. Cp. i d e m. Das Finanzwesen..., S. 259. Один из ближайших предшественников Караяннопулоса (если не вспоминать о Каллигасе, Панченко и Эшбернере) — французский египтолог Р. Ремондон утверждал (в рецензии на книгу Руйар), что VII столетие не было временем упадка крупной собственности, но лишь эпохой «равновесия» (!), достигнутого в конце VI в. (R. R é m o n d o n. Вуз., vol. 23, 1953, p. 557). Настаивая на том, что парик не похож на западного виллана, Ремондон все же допускал, что при Палеологах сложился феодализм западного типа (ibid., p. 558 sq.).

проходит мимо той точки зрения (представленной, в частности, в работах Монье и Малафосса), согласно которой в VII в. вовсе была отменена эпита, возродившаяся (под названием «аллиленгий») лишь к началу X в.

С этими соображениями связана и критика Караяннопулосом теории Острогорского о возникновении в VII в. фемного строя и стратиотского землевладения⁴²⁵. Согласно Караяннопулосу, возникновение фем было результатом крайне медленного процесса, начавшегося в IV в. и завершившегося только в VIII столетии⁴²⁶; что же касается стратиотского землевладения, то оно восходит к системе наделов римских *limitanei*⁴²⁷. Из всего этого делается вывод, что говорить о «глубоком социальном перевороте» VII в. нет никаких оснований⁴²⁸.

В рассуждениях Караяннопулоса и на этот раз обнаруживается логическая ошибка. Действительно, он обращает внимание на любопытное обстоятельство: византийские источники VII—IX вв. (до «Тактики» Льва VI) не упоминают о стратиотских наделах⁴²⁹; но если это так, то спрашивается, какие у нас основания протягивать прямую линию от римских *limitanei* к стратиотам X в.? Кроме того, Караяннопулос, как и раньше, совершает непростительный переход от частного к общему: пусть даже система стратиотских наделов, хорошо известная по новеллам X в., возникла не в VII столетии, но позднее, — ведь это ни в малейшей степени не подрывает концепции Острогорского (развитой, напомним, в специальных работах Штадтмюллера) о крестьянском характере ополчений VII—IX вв. Для того, чтобы отвергнуть концепцию Острогорского, Караяннопулосу недостаточно поставить под сомнение тезис о стратиотских наделах — он должен был бы доказать, что в Византии VII—IX вв. сохранялась римская военная система. Но этого он не делает, да и не может этого сделать.

Караяннопулос выступил также и против представлений Острогорского о развитии аграрных отношений в Византии в последующие столетия. Рецензию на книгу Острогорского о византийском крестьянстве Караяннопулос начинает с упрека в том, что югославский историк не рассмотрел систематически вопроса о византийском феодализме, и это, полагает рецензент, дает ему самому основание тоже не затрагивать проблемы; он только замечает, что предложенная Острогорским трактовка феодализма (которую, как уже отмечалось, Штадтмюллер считал близкой к пониманию этого термина в советской историографии) является «субъективной»⁴³⁰. Выше было показано, что проблема феодализма поставлена Острогорским так широко, как ниже до него в западной византийстике, что он рассмотрел различные аспекты феодальных отношений — от феодальной ренты до феодальных институтов. Поэтому упрек Караяннопулоса бьет мимо цели. Но мы уже знакомы с методом его аргументации: и в этом случае Караяннопулос сосредоточивает свое внимание на частных вопросах, обходя стороной главную проблему.

Прежде всего, греческий ученый выступает против положения Острогорского о том, что государственные крестьяне с X в. становятся феодально-зависимыми людьми, поскольку их повинности теперь не отличаются от

⁴²⁵ J. K a r a y a n n o p u l o s. Die Entstehung der byzantinischen Themenordnung. München, 1959, S. 2. Первоначально эти мысли были высказаны им в статье «Contributin au problème des „thèmes“ byzantins» («Hellénisme contemporain», vol. 10, 1956, p. 460).

⁴²⁶ J. K a r a y a n n o p u l o s. Die Entstehung..., S. 59 f., 70 f.

⁴²⁷ Ibid., S. 74 f., 88.

⁴²⁸ Ibid., S. 73.

⁴²⁹ Ibid., S. 81 f.

⁴³⁰ J. K a r a y a n n o p u l o s. BZ, 50, 1957, S. 168.

ренты частновладельческих париков. Напротив, Караяннопулос считает, что государственные крестьяне (димосиарии) — вовсе не зависимые люди, а просто лица, обязанные платить налоги в казну⁴³¹. Стараясь обосновать свой тезис, Караяннопулос обращается прежде всего к анализу терминологии⁴³². Однако ограниченность терминологического анализа была признана уже Дэльгером: для решения вопроса о димосиариях нужно рассмотреть реальный статус государственных крестьян в Византии X и последующих столетий. При этом обнаружится, что они уплачивали налог, принципиально не отличавшийся от ренты частновладельческих париков, и были прикреплены к земле. Поскольку крестьяне-димосиарии не обладали свободой перехода, платили государству ренту, аналогичную ренте частновладельческих париков, и к тому же возделывали землю, собственником которой было государство, нет никаких оснований считать их свободными плательщиками налогов.

Караяннопулос возражает и против выдвинутого Острогорским положения о двойственности статуса париков, характерной для поземельных отношений феодального общества. Следуя за Дэльгером, Караяннопулос постулирует существование категории ипостатиков, которые были собственниками одной части своего надела и арендаторами другой части⁴³³. Однако его аргументация является чисто умозрительной, не опирающейся на источники, которые свидетельствуют о возможности византийских париков продавать «свою» землю монастырю или светскому сеньору, обладавшему верховной собственностью на покупаемую у крестьян землю⁴³⁴.

Таким образом, возражения Караяннопулоса касаются частных, но существенных вопросов византийского феодализма: проблемы двойственности феодального права и проблемы государственного крестьянства; в обоих случаях Караяннопулос стремится отвергнуть то новое, что было внесено в науку Острогорским.

Караяннопулос вышел из школы Дэльгера, однако в своих исследовательских приемах значительно отличается от учителя. Дэльгер — прежде всего знаток фактов, неутомимый искатель новых свидетельств источников. Его метод — накопление огромного фактического материала и стремление расположить его в определенной системе. Напротив, накопление новых фактов не интересует Караяннопулоса: достаточно сказать, что в полемике с Острогорским он аргументирует только теми данными, которые почерпнул из рецензируемой книги.

Главное же, что характеризует Караяннопулоса, — стремление к деструкции; он не создает новых концепций, он лишь стремится разрушить существующие. Спора нет, иногда ему удается обнаружить слабые места в аргументации тех, с кем он полемизирует, и поставить под сомнение некоторые частные положения; но за этим всякий раз следует одна и та же логическая ошибка: частный результат обобщается, и целая большая концепция объявляется порочной.

Караяннопулос занимается проблемами аграрной истории Византии, не зная русского языка; работы русских дореволюционных византистов, равно как и советских ученых, ему недоступны — за исключением отдельных трудов, которые для него специально переводят (так, он использовал статью М. Я. Сюзюмова о «Земледельческом законе», восприняв отсюда очень важное положение о дуализме общинной собственности, за-

⁴³¹ J. Karayannopoulos. ВЗ, 50, 1957, S. 171.

⁴³² Ibid., S. 170.

⁴³³ Ibid., S. 179 f.

⁴³⁴ Подробный разбор рецензии Караяннопулоса см. А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин, З. В. Удалцова. Византизм и Запад в современной буржуазной историографии. «Против фальсификации истории». М., 1959, стр. 390—397.

ключающемся в сосуществовании общинной собственности на неподеленные участки и наличия частных парцелл⁴³⁵, — мысль, кстати сказать, и ранее высказывавшаяся в русской литературе). Не зная советской византистики, Караяннопулос, тем не менее, лихо с ней воюет. Так называемая славянская теория происхождения «Земледельческого закона» существует, утверждает Караяннопулос, только в советской историографии; она сводится, по Караяннопулосу, к трем пунктам: право «Земледельческого закона» — это славянское право; в византийской деревне того времени существовала общинная собственность на землю; византийская деревня знает периодические пределы⁴³⁶.

Как не вспомнить при этом, большинство советских византистов не признает *μερισμοί* «Земледельческого закона» периодическими пределами, что советские ученые не считают «Земледельческий закон» записью славянского права (так полагал Ф. Успенский), но видят в нем памятник византийского права, возникший в условиях расселения славян и возрождения местных общин; что же касается вопроса об общинной собственности, то сам Караяннопулос воспринял точку зрения Сюзюмова относительно дуализма византийской общины, господствующую в советской исторической науке.

Расхождение — глубокое и принципиальное — между концепцией Караяннопулоса и советских ученых лежит совсем в иной плоскости. Суть его станет ясным, если обратить внимание на две характерные черты историко-политических воззрений Караяннопулоса: на последовательно отстаиваемый им тезис о неизменности общественных порядков в Византийской империи и на идеализацию деспотического государственного аппарата. Первая черта проявляется в отрицании переворота в общественных отношениях VII в., в стремлении доказать, что «Земледельческий закон» — памятник, не содержащий новых норм. Вторая — выступает в апологии ранневизантийской налоговой политики и всего ранневизантийского государственного аппарата, деятельность которого определялась будто бы принципом справедливости⁴³⁷. Если в 30-е и 40-е годы опыт фашистского тоталитарного государства постепенно привел либеральных представителей западного византиноведения к отказу от фискальной теории и к признанию в византийском государственном аппарате силы, вызвавшей экономический и политический упадок страны (в последние годы эту точку зрения всего последовательнее развивал Хауссиг), то Караяннопулос возвращается к идеализации «сильного» государства.

К взглядам, напоминающим концепцию Караяннопулоса, близок нынешний глава французских византистов П. Лемерль. Его путь в науку был совсем иным, нежели у Караяннопулоса: последний сразу начал с обобщающих работ, Лемерль — с издания и комментирования актов⁴³⁸.

⁴³⁵ J. Karayannopoulos. Entstehung und Bedeutung..., S. 361.

⁴³⁶ Ibid., S. 358 f.

⁴³⁷ J. Karayannopoulos. Der frühbyzantinische Kaiser. BZ, 49, 1956, S. 372 f.; idem. Das Finanzwesen..., S. 17, 25 и др. Ср. критические замечания рецензентов: G. Ostrogorsky. VfsWG, Bd. 47, 1960, S. 259 f.; М. Я. Сюзюмов. ВВ, XX, 1961, стр. 260 сл. Наоборот, полностью поддерживает Караяннопулоса Г. Герстингер (H. Gerstinger. «Südostforschungen», Bd. 18, 1959, S. 419 f.).

⁴³⁸ В одной из первых своих публикаций, в издании грамоты Андроника II Палеолога от 1294 г.), Лемерль посвятил значительную часть комментария проблемам византийской податной системы (P. Lemerle. Un chrysobulle d'Andronic II Paléologue pour le monastère de Karakala. BCH, vol. 60, 1936, p. 440 sq.). Напротив, при подготовке к изданию актов Кутлумушского монастыря (idem. Actes de Kutlumus. Paris, 1945—1946. Ср. предварительные публикации: idem. À propos de la fondation du monastère de Koutloumous: un faux chrysobulle d'Alexis III, empereur de Trébizonde. BCH, vol. 58, 1934; P. Lemerle, A. Soloviev. Trois chartes des souverains serbes conservées au monastère de Kutlumus. SK, vol. 11, 1940) его внимание было

Его оценка византийского государства также бесконечно далека от апологии, которую мы находим в книгах Караяннопулоса; скорее наоборот, вместе с византийской государственностью Лемерль готов осудить и всю византийскую литературу, полную угодничества перед властью имущими⁴³⁹. Исследовательский метод Лемерля отличен от приемов Караяннопулоса: Лемерль любит неторопливый анализ одного за другим источников, располагаемых в хронологическом порядке, когда факты, извлеченные из одного памятника, прибавляются к полученным при изучении другого; при этом, подобно Дэльгеру и Острогорскому, французский ученый тщательно разбирает внешние данные изучаемого памятника: датировку, вопросы подлинности, проблемы палеографической и дипломатической критики. Наконец, несравнимо лучше Караяннопулоса Лемерль знает советскую историографию, хотя и настроен по отношению к ней весьма критически.

Но что объединяет Лемерля с греческим ученым — это представление о неизменности, консерватизме, общественных порядков в Византии.

В 1957 г. Лемерль сформулировал в общем виде свои взгляды на историю Византии, подчеркнув неизменность ее цивилизации, не знавшей якобы ни юности, ни дряхлости; даже понятие упадка, полагает Лемерль, неприменимо к Византии⁴⁴⁰. Этот консерватизм Византии объясняется ее ролью наследника античного мира, обращенностью всей культуры в прошлое⁴⁴¹. Огромная роль в византийском обществе принадлежала идее императорской власти, воплощенной в василевсе, авторитет которого сохранялся до последних императоров последней династии⁴⁴².

Сущность аграрной эволюции Византии заключается, по мнению Лемерля, в расширении монастырской земельной собственности и привилегированной собственности частных лиц; и монастырские, и светские собственники (среди последних он выделяет проиаров, получавших земли в бенефиций) наделялись землей и освобождались от государственных повинностей, что приводило к сокращению земельного фонда и доходов от патримония. Этот рост земельной собственности, заявляет Лемерль, не следует называть феодализацией, ибо византийское общество не знало иерархии и оставалось всегда совокупностью граждан, которые в равной мере находились под защитой права и справедливости⁴⁴³.

Впрочем, Лемерлю не удается быть до конца последовательным: постулируя тезис о неприменимости к Византии понятия упадка, сам исто-

сосредоточено на чисто дипломатических вопросах и на истории монастыря. Для более поздних работ Лемерля также характерен комментарий в манере Бинона или Лорана: см. P. Lemerle. Un acte du despote Andronic Paléologue (?) pour le couvent de S. Pantéléimon. «Orientalia Christiana Periodica», vol. 13, 1947 (здесь автор просто отказывается рассматривать аграрную проблематику — *ibid.*, p. 567); *idem*. Note sur la date de trois documents athonites et sur trois fonctionnaires du XIe siècle. REB, vol. 10, 1952; *idem*. The archive of the monastère des Amalfitains au Mont Athos. EEBE, t. 23 1953; *idem*. Trois actes du despote d'Epire, Michel II, concernant Corfou. «Προσφορά εις Στ. Κυριακίδη». Θεσσαλ., 1953; *idem*. Autour d'un prostagma inédit de Manuel II. «Sylloge bizantina in onore di S. G. Mercati». Roma, 1957.

⁴³⁹ P. Lemerle. Prolégomènes à une édition critique et commentée des «Conseils et Recits» de Kékauménos. «Acad. royale de Belgique. Cl. des Lettres. Mémoires», t. 54, f. 1, 1960, p. 95, 100. См. возражения: Г. Г. Литаврин. Был ли Кекавмен, автор «Стратегикона», феодалом? Сб. «Византийские очерки». М., 1961, стр. 217 сл.; Г. Г. Литаврин, А. П. Каждан. По поводу книги П. Лемерля о «Советах и рассказах» Кекавмена. ВВ, XX, 1961, стр. 286 сл.

⁴⁴⁰ P. Lemerle. La notion de décadence à propos de l'Empire byzantin. «Clasificisme et déclin culturelle dans l'Islam». Paris, 1957, p. 263 sq.

⁴⁴¹ *Ibid.*, p. 264.

⁴⁴² *Ibid.*, p. 264 sq.

⁴⁴³ *Ibid.*, p. 268. Против приложениия к Византии термина феодализм Лемерль высказался уже в 1951 г., в рецензии на книгу Закифинос о финансовом кризисе в Византии (P. Lemerle. Revue des études grecques., vol. 64, 1951, p. 528 sp.)

рик, однако, признает деградацию материальных условий⁴⁴⁴; а там, где возможна была деградация, мог иметь место, по-видимому, и прогресс. Подчеркивая консерватизм Византии, Лемерль, тем не менее, прекрасно понимает, что «одинадцать столетий истории нельзя заниматься только сохранением наследства»; он допускает, что Византии была присуща «своя собственная эволюция» (*son évolution propre*)⁴⁴⁵. Отвергая понятие византийского феодализма и рассматривая византийское общество как совокупность равноправных граждан, Лемерль не может не видеть, что накопление имущества в руках немногих приводит (как он полагает, в XIV—XV вв.) к распаду общества на «бедных» и «могущественных»⁴⁴⁶; однако он стремится спасти свой тезис, ссылаясь на то, что дифференциация общества была фактом, но не институтом⁴⁴⁷, т. е. не получила правового оформления.

Более подробно эти мысли были развиты Лемерлем в большой статье, посвященной аграрной истории Византии в IV—XI вв.⁴⁴⁸. И здесь Лемерль подчеркивает, что Византия оставалась государством античным⁴⁴⁹, не переживавшим каких-либо существенных перемен на протяжении рассмотренного им периода; и здесь Лемерль отвергает теорию византийского феодализма⁴⁵⁰; и здесь Лемерль отстаивает тезис об огромном влиянии государства на аграрную историю Византии⁴⁵¹.

В соответствии с этими общими принципами Лемерль говорит об отсутствии принципиальных отличий в аграрном строе «протовизантийского» периода и «византийского средневековья»⁴⁵². «Я не вижу революции», — говорит он, касаясь событий VII в.⁴⁵³, и настаивает на сохранении и после этого столетия крупной собственности, зависимог крестьянства, принципа совместной ответственности перед фиском за уплату налогов⁴⁵⁴. Впрочем, и на этот раз Лемерль остается непоследовательным: он допускает, что в VII столетии произошли «радикальные изменения» (*changement radical*), связанные со славянскими вторжениями; однако (и в этом отношении его позиция напоминает рассуждения Данструпа) речь может идти отнюдь не о прямом влиянии славянских общественных порядков, а лишь о том, что возрастание народонаселения империи ликвидировало недостаток в рабочих руках⁴⁵⁵. Таким образом, Лемерль признает воздействие демографического фактора (увеличение плотности населения), но не признает — в отличие от Острогорского — изменения общественной структуры; не случайно поэтому он приходит к тому же выводу, что и Караяннопулос, — к выводу об отсутствии в VII—IX вв. системы стратиотских наделов⁴⁵⁶. Последняя складывается только к X в. и имеет не социальный, а лишь фискальный смысл: она касалась форм экипировки войска, а не создавала ополчения воинов-земледельцев⁴⁵⁷.

⁴⁴⁴ P. L e m e r l e. La notion de décadence..., p. 263.

⁴⁴⁵ Ibid., p. 264.

⁴⁴⁶ Ibid., p. 269 sq.

⁴⁴⁷ Ibid., p. 270.

⁴⁴⁸ P. L e m e r l e. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance. «Revue historique», t. 219—220, 1958. См. критический разбор: А. П. К а ж д а н. Еще раз об аграрных отношениях в Византии IV—XI вв. ВВ, XVI, 1959 (ср. ответ: P. L e m e r l e. Etudes byzantines. «Revue des études slaves», vol. 37, 1960, p. 184). Ср. также рецензию R. G u i l l a n d. BS, vol. 20, 1959, p. 84 sq.

⁴⁴⁹ P. L e m e r l e. Esquisse..., t. 220, p. 89.

⁴⁵⁰ Ibidem.

⁴⁵¹ Ibid., t. 219, p. 74.

⁴⁵² Ibidem.

⁴⁵³ Ibid., t. 219, p. 69.

⁴⁵⁴ Ibid., t. 219, p. 74.

⁴⁵⁵ Ibid., t. 219, p. 64.

⁴⁵⁶ Ibid., t. 219, p. 71.

⁴⁵⁷ Ibid., t. 220, p. 67 sq.

Подробно останавливается Лемерль на истории аграрного законодательства X в., которое, по его мнению, отражает не борьбу между крупными и мелкими земельными собственниками, но борьбу между чиновниками — с одной стороны и теми, кто стоял вне чиновной иерархии, — с другой⁴⁵⁸. Рассматривая категории византийского крестьянства XI в., Лемерль снова подчеркивает сходство парикии с колонатными отношениями⁴⁵⁹ и сохранение свободной общины, основанной на фискальной солидарности⁴⁶⁰; он полемизирует с тезисом Острогорского о превращении свободных крестьян в феодально-зависимых людей государства⁴⁶¹; единственное изменение, которое Лемерль допускает для XI в., это количественное возрастание париков за счет свободных крестьян⁴⁶².

К этой работе Лемерля в известной мере примыкает его статья о держании за военную службу при Комнинах, где он, полемизируя с Острогорским, доказывает, что в XI—XII вв. в Византии не существовали фьефы на условии военной службы⁴⁶³, а византийская армия состояла преимущественно из наемников, на содержание которых взимались высокие налоги⁴⁶⁴.

Отвергает концепцию византийского феодализма Лемерль и в работе, посвященной анализу данных «Стратегикона» Кекавмена⁴⁶⁵.

В статьях Лемерля много интересных наблюдений; он привлекает новые факты и нередко дает новую интерпретацию фактам, давно уже известным, но до сих пор неверно объясняемым. В качестве примера укажем на остроумное толкование им известного рассказа Анны Комниной о «прониях с земли и моря»⁴⁶⁶, в которых действительно нельзя усматривать поместья, пожалованные на условиях военной службы, хотя именно так, вслед за Ф. Успенским, поступали многие исследователи. Однако эти удачные частные решения не препятствуют тому, что Лемерль, отвергая представление о развитии византийского общества и тесно с этим связанную концепцию византийского феодализма, отказывается от лучших достижений современного западного византиноведения. Именно, Лемерль настойчиво противопоставляет византийское общество западноевропейскому, рассматривая Византию как азиатское государство⁴⁶⁷.

Мы не будем повторяться, разбирая пункт за пунктом основные положения статей Лемерля; укажем лишь на основные особенности методологии и методики французского ученого.

Внешне метод Лемерля напоминает исследовательскую манеру Острогорского: как и Острогорский, Лемерль разбирает источники в хронологической последовательности, попутно высказывая соображения, касающиеся внешней и внутренней критики документа. Однако при всей близости между методами обоих ученых имеются существенные различия.

Прежде всего, для Острогорского в его наиболее зрелых работах исходный момент — проблема; именно вокруг проблемы группирует он источники, так сказать, внутри проблемы располагает их в хронологический ряд: в статье об иммунитете он особо выделяет вопрос о фискальном им-

⁴⁵⁸ Ibid., t. 219, p. 279.

⁴⁵⁹ Ibid., t. 220, p. 86 sq.

⁴⁶⁰ Ibid., t. 220, p. 92.

⁴⁶¹ Ibid., t. 220, p. 88 sq.

⁴⁶² Ibid., t. 220, p. 91.

⁴⁶³ P. L e m e r l e. Recherches sur le régime agraire à Byzance: la terre militaire à l'époque des Comnènes. «Cahiers de civilisation médiévale», vol. 2, 1959, № 3, p. 280.

⁴⁶⁴ Ibid., p. 279.

⁴⁶⁵ P. L e m e r l e. Prolégomènes à une édition..., p. 80.

⁴⁶⁶ P. L e m e r l e. Recherches sur le régime agraire..., p. 278, n. 70.

⁴⁶⁷ P. L e m e r l e. Byzance et le Croisade. «Relazioni del X° Congr. intern. di scienze storiche», vol. III. Firenze, 1955, p. 618.

мунитете и особо — о судебном; в книге о пронии нередко рассматривает материал актов вместе со скудными известиями, почерпнутыми из нарративных источников. У Лемерля самое изложение строится вокруг источника, материал членится не по проблемам, а по источникам: «Трактат об обложении», новеллы, акты. В результате этого проблема дробится, излагается в связи то с одним памятником, то с другим, но не в связи с совокупностью всех к этой теме относящихся источников. Иными словами, Лемерль в своей методике возвращается, если так можно выразиться, к «додальгеровской» стадии, к приемам Васильевского и Панченко.

Другое отличие метода Лемерля от методике Острогорского более глубоко, хотя и меньше бросается в глаза. Подлинный смысл такого последовательного рассмотрения памятника за памятником состоит в постепенном накоплении свидетельств о новых качествах; такое рассмотрение оправдано, если оно служит целям выяснения изменений, происходящих с течением времени. Когда Острогорский от хрисовула к хрисовулу выясняет нарастание объема иммунитетных прав, — это полноценное использование возможностей, заключенных в таком, надо признаться, для читателя утомительном методе. Но теперь представим себе, что Острогорский, приводя хрисовул за хрисовулом, ограничился бы лишь констатацией поверхностного факта — констатацией *наличия* иммунитетных прав, — в таком случае заключенные в этом методе возможности остались бы втуне.

А ведь именно так поступает Лемерль. Исследуя документ за документом, он не стремится к выяснению эволюции византийского общества. Он не накапливает фактов, говорящих об изменениях системы стратиотских держаний и характера парических повинностей. Напротив, этот метод служит Лемерлю для того, чтобы постулировать положение о неизменности общественных порядков на протяжении столетий.

Такой результат получается у Лемерля потому, что он оперирует чересчур общими категориями. Его интересует, существовала ли община (община вообще), имелось ли крупное и мелкое землевладение (опять-таки вообще) и т. д. Но ведь эти общие категории присущи самым разным общественным укладам. Трудно назвать эпоху в истории классового общества, когда бы не существовала община или не было крупного (либо мелкого) землевладения. А ведь источники позволяют ставить вопрос об *отличии* позднеимперской общины от общины «Земледельческого закона», проследить изменение значения термина «парик», а не только констатировать, что парики были и в IX, и в XI вв. Если бы Лемерль группировал материал не вокруг источника, а вокруг проблемы, и при этом проблемы сравнительно узкой, общественные изменения не ускользнули бы так легко от его взгляда.

Большой знаток материала, внимательный и тонкий наблюдатель, Лемерль не может не замечать фактов. Он знает, что аграрная история Византии привела к резкому расколу деревни на два класса, к росту привилегированного землевладения, светского и духовного, к возложению на крестьянство барщины, продуктовой и денежной ренты. Однако, признав эти явления как факты, Лемерль заявляет, что они не стали *институтом*. Действительно, Византийская империя до последних дней своего существования искусственно поддерживала нормы римского права, и сам Лемерль с полным основанием говорит о византийских правовых сборниках как о весьма далеких от действительности⁴⁶⁸. Значит, если правовые компиляции твердили о равенстве и справедливости, это еще не значит, что Византия и в самом деле была страной, не знавшей общественной иерархии.

⁴⁶⁸ P. L e m e r l e. Esquisse..., t. 219, p. 254, n. 2.

Конечно, в истории Византии были свои специфические черты, отличавшие ее от государств Западной Европы, и та сильная государственная власть, о которой неоднократно говорил и Лемерль, отличала (в ряду иных факторов) Византию от раздробленных раннесредневековых государств. Но эти особенности общественной структуры Византии вполне могут быть поняты в рамках категорий феодального общества, которому свойственны прежде всего свои методы эксплуатации непосредственных производителей, свои способы высасывания из них прибавочного продукта. А эти способы, как признали и Дэльгер, и Острогорский, по сути дела были одинаковыми и в Византии, и на Западе.

В концепции Лемерля есть немало противоречий. Двойственно решает он, по сути дела, важнейший вопрос — о консерватизме и эволюции в Византии; двойственно трактует он и преобразование VII в. — так и остается неясным, произошли или нет, согласно Лемерлю, в VII столетии «радикальные изменения», которые он не хочет назвать революцией (впрочем, пожалуй, он прав, и их действительно не стоит называть революцией). Противоречия Лемерля, если брать их в обобщенном виде, — это противоречия между предвзятостью концепции и добросовестностью ученого.

К взглядам Лемерля в известной мере примыкает американский исследователь Дж. Тилл, также выдвинувший демографическое объяснение событий VII в. По мнению Тилла, к началу VII столетия империя стояла накануне серьезного кризиса, вызванного нехваткой зерна для армии и городов. Спасение пришло благодаря тому, что в VII и VIII вв. резко сокращается хлебное снабжение Константинополя и армии. Кроме того, в это время происходит значительное возрастание числа рабочих рук — свободных и рабских, тогда как, по мнению Тилла, нет никаких свидетельств об изменении характера экономики в сравнении с V—VI вв.⁴⁶⁹

Еще более близок к концепции Лемерля его ученик Н. Зворнос.

Если в одной из ранних своих работ Зворнос готов был признать феодальный характер присяги на верность, установившей личные связи между сюзереном и подданным⁴⁷⁰, то позднее он прямо выступил против приложения к Византии понятия «феодализм». При этом Зворнос рассматривает феодализм не как определенную систему политических отношений, но именно как социально-экономическую категорию. «Проблема, которую необходимо решить, — так формулирует задачу Зворнос, — состоит в следующем: имел ли и в какой степени социально-экономический строй Византии ту же самую природу (или структуру), какая была на феодальном Западе, или же там образовалось, как и в мусульманском мире, особое общество — со своими законами, своими традиционными нормами и со своими собственными проблемами»⁴⁷¹.

Вопрос о сходстве социально-экономической структуры Византии и средневекового Запада решался положительно не только советскими историками (Зворнос не знает их работ), но и крупнейшими западными византистами: Дэльгером, Острогорским и некоторыми другими. Зворнос, не рассматривая взгляды этих ученых, приходит к иному, негативно-

⁴⁶⁹ J. L. Teall. The Grain Supply of the Byzantine Empire, 330—1025. DOP, 13, 1959, p. 133 f. О хлебной проблеме в Византии см. также компилятивную статью Ж. Ришара (J. R i c h a r d. Le problème du blé à Byzance. «L'information historique», vol. 19, 1957, № 3), который следует в основном за Брэтьяну. Ришар считает, что византийское общество XI в. было пронизано «феодальными влияниями» (ibid., p. 97).

⁴⁷⁰ N. S v o r n o s. Le serment de fidélité à l'empereur byzantin et sa signification constitutionnelle. REB, vol. 9, 1952, p. 135 sq. В сокращенном виде эта статья опубликована в «Actes du VI-e Congrès Intern. d'Etudes byzantines», vol. I. Paris, 1950.

⁴⁷¹ N. S v o r n o s. Sur quelques formes de la vie rurale à Byzance. «Annales», vol. 11, 1956, № 3, p. 326.

му решению проблемы; по его мнению, византийское общество разделялось на свободных и рабов, положение которых не отличалось от положения рабов в Риме⁴⁷²; в Византии господствовала полная (квиритская, как выражается Зворонос) собственность на землю, соответствовавшая нормам римского права⁴⁷³. Далее, Зворонос приходит к выводу, что домениальные земли в Византии были незначительными по размерам, а основная масса земли находилась в непосредственном владении крестьян⁴⁷⁴. В преобладании мелкой обработки земли Зворонос ищет объяснение того факта, что «византийский мир оказал явное сопротивление политическим формам феодализма, даже в ту эпоху, когда определенные учреждения оказывали влияние на процесс феодализации в Византии»⁴⁷⁵.

К тому же выводу приходит Зворонос и в комментарии к изданному им памятнику — фрагментам византийской государственной описи XI в.: там он также говорит о квиритской собственности⁴⁷⁶, утверждая, что в новом источнике нет никаких данных в пользу концепции византийского феодализма⁴⁷⁷.

Значение работ Звороноса заключается прежде всего в том, что он резче, чем кто-либо из западных византинистов, поставил вопрос об экономическом содержании феодализма. Однако, как и Лемерль, он подчеркивает консервативность, неизменность общественных порядков в Византии. Изданный им источник свидетельствует о резкой концентрации земельной собственности в XI в., о практическом исчезновении мелкой самостоятельной собственности — Зворонос же вопреки этим фактам утверждает, что общественные отношения, согласно кадастру XI в., не отличались от общественных порядков, обрисованных в «Трактате об обложении»⁴⁷⁸. Как и Лемерль, Зворонос придает чрезмерно большое значение правовым нормам: квиритская собственность, наличие которой он допускает, существовала лишь в воображении компиляторов-юристов, но не в действительности⁴⁷⁹.

5

Мы кончаем. Перед нами прошли десятки книг, статей и рецензий, затрагивающих самые различные аспекты аграрной историографии Византии, по-разному решающие ее важнейшие проблемы. Но вот что оказывается: в развитии концепций аграрной истории Византийской империи царит своя закономерность, отнюдь не произвольно сменяют одна другую школы и направления.

⁴⁷² Ibid., p. 327.

⁴⁷³ Ibid., p. 328.

⁴⁷⁴ Ibid., p. 329 sq.

⁴⁷⁵ Ibid., p. 335. Ф. Дэльгер в заметке об этой статье (BZ, 50, 1957, S. 533) кратко отмечает сходство взглядов Звороноса с его собственной концепцией. Это странно, так как Дэльгер, как мы показали, исходил из принципиального сходства экономики византийской деревни с западной.

⁴⁷⁶ N. G. S v o r o n o s. Recherches sur le cadastre byzantin et la fiscalité aux XIe et XIIe siècles: le cadastre de Thèbes. BCH, vol. 83, 1959, p. 143.

⁴⁷⁷ Ibid., p. 144 sq.

⁴⁷⁸ См. возражения: Г. Острогорски. Византиска сеоска општина. «Глас САН, од друштвених наука», т. 250, 1961, књ. 10, стр. 153 нсл.; А. П. К а ж д а н. Критические заметки по поводу изданий византийских памятников. ВВ, XVIII, 1961, стр. 281 сл.

⁴⁷⁹ Сам Зворонос в рецензии на изданные Гиью акты Меникийского монастыря характеризует проиоу как условное владение (possession conditionnée), превращающееся в аллодиальную собственность (biens alodiaux) (N. S v o r o n o s. «Revue historique», vol. 219, 1958, p. 146); иными словами, он пользуется терминологией феодального, а не римского права.

Действительно, в 20-е годы в западной византистике господствовала фискальная теория, исходившая из представления о творческой роли государственного казначейства, будто бы способного в фискальных интересах преобразовывать общественные отношения. Подоплека фискальной теории состояла в идеализации сильного государства; главным источником, который тогда изучался, был «Трактат об обложении», главным объектом исследования — свободная (податная) община.

С середины 30-х годов фискальная теория терпит крах. Мы старались показать, что это объясняется прежде всего политическими причинами: либеральная историческая наука, напуганная фашистским тоталитаризмом, не могла более идеализировать тоталитаристское государство средневековья, каким в изображении западной историографии давно уже выступала Византия. К тому же, как мы видели, фашистские и профашистские круги достаточно откровенно выказали тенденцию к идеализации Византии с ее корпоративными началами, с ее (мнимой!) защитой крупного крестьянства.

Но крах фискальной теории имел и другие причины. Уже с конца 20-х годов центр тяжести исследования переносится с «Трактата об обложении» на акты и, соответственно, с X на XI—XV столетия. Чем больше ученые углубляются в изучение актов, тем более отчетливо предстает перед ними византийское поместье XI—XV вв. Теперь уже не община, а поместье — главный объект исследования.

Из всего этого естественно вытекал вопрос о соотношении византийского поместья с западноевропейским. Факты были неумолимы. Они заставили признать феодальный характер византийской экономики, принципиальное ее сходство с экономикой средневековой Западной Европы. Почти все крупные исследователи византийских актов приходят к признанию византийского феодализма.

Несколько позднее, с середины 40-х годов, появилось то направление, которое мы условно назвали политико-социологическим. Ученые этого направления стремились дать общую характеристику феодальных порядков в Византии, но феодализм они понимали очень ограниченно, как определенную систему политических взаимоотношений между сеньором (государством) и вассалами, и отождествляли его с децентрализацией, с болезнью государственного организма, с упадком.

В конце 40-х годов в западном византиноведении происходят важные перемены, связанные с выходом первой работы Острогорского, написанной в новом плане, — «Писцовых книг». В этом труде и в ряде работ 50-х годов Острогорский развивает новое для западной византистики представление о феодализме как об определенной экономической категории, специфика которой скрыта в характере взаимоотношений не между сеньором и вассалом, а между земельным собственником и крестьянином. Из системы децентрализации феодализм превращается в систему рентных отношений.

И вот тут происходит нечто, на поверхностный взгляд неожиданное, а в действительности в полной мере закономерное: западная византистика, которая, казалась бы, достигла того в достаточной мере глубокого понимания византийского феодализма, к которому она постепенно приближалась с середины 30-х годов, западная византистика, повторяем, внезапно делает крутой поворот и начинает отходить от «феодалистской» теории. Не только такие исследователи, как Караяннопулос и Лемерль, выступают против теории византийского феодализма, но гораздо сдержаннее и настороженнее относятся к ней те, кто еще недавно сам готов был принять ее: Закифинос, Греггар, даже Харанис.

Чем объяснить этот поворот в византистике, наметившийся особенно четко с середины 50-х годов? Нам думается, объяснение дал уже Штадтмюллер, который, как мы писали, обратил внимание на близость трактовки византийского феодализма в работах Острогорского и в трудах советских византистов. «Феодалистская» теория показала «страшной» именно своей близостью к концепциям советских ученых.

Сколько «оскорбительных» упреков (прежде всего — в схематизме и приверженности к теории формаций) было брошено западными византистами советским исследователям!⁴⁸⁰ Впрочем, работы советских ученых, как правило, используются лишь для украшения аппарата, но не изучаются на Западе: в последнее время все учащаются случаи, когда западные исследователи приходят к конкретным выводам, за несколько лет до них сделанным нашими византистами, — и это относится не только к сравнительно молодым авторам, как Гликаци-Арвейз или Зворонос, но и к таким опытным ученым, как Кирстен или Шмид. Если мы не ошибаемся, за 40-е и 50-е годы в западных византиноведческих журналах не появилось ни одной рецензии на советские работы по истории аграрных отношений в Византии. И все же эта неведомая советская византистика, которую так любят упрекать в схематизме, была в конечном счете причиной столь резкого антифеодалистского поворота, который происходит на наших глазах. В страхе перед жупелом «советского схематизма» западная византистика готова отречься от теории феодализма, пострадавшей (да простят нам это слово) в трудном развитии науки 30-х и 40-х годов.

Главное, что противопоставляют сейчас Острогорскому, — это теорию неподвижности, неизменности Византии, будто бы дожившей до турецкого завоевания с сохранением тех же общественных отношений, тех же правовых норм, какие были налицо при Константине I. Поэтому спор о феодализме — это не спор о словах, как иногда говорят западные историки, но спор о *развитии*. Основной водораздел, который намечился в настоящее время между ведущими направлениями западного византиноведения, заключается в следующем: признать или не признать живое, творческое развитие Византии, протекающее в принципе (хотя и со своими особенностями) по тому же пути, что и развитие Западной Европы, а именно — от античных общественных порядков к обществу, построенному на феодальных основах (в широком понимании этого термина). А с этим вопросом тесно увязывается второй: знала ли Византия переходный период, когда старые, античные формы общества уже распались, а новые, феодальные еще не сложились. Таковы две тесно между собой переплетающиеся основные проблемы, которые стоят сейчас перед историками византийской деревни, или, точнее говоря, перед историками социально-экономических отношений в Византии, поскольку в настоящее время уже ясно, что изучать историю деревни в отрыве от истории города невозможно.

Но вопрос о византийском городе — особый вопрос.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абель А. 179
Абрамсон М. Л. 180
Алексиев В. 184
Александр П. 160
Анастасевич Д. 172
Ангелов Д. 166

Андреадис А. 129, 130, 132,
138, 140, 141—142, 144,
167
Андреева М. А. 136, 157, 160
Арион К. 184
Астриук К. 181

Банк А. В. 179
Бах Э. 169
Безобразов П. В. 132—134,
155
Бекк Г. Г. 179
Белломо М. 169

⁴⁸⁰ См. особенно В. R u b i n. Probleme der Sowjetbyzantinistik. «Akten des XI. Internationalen Byzantinisten-Kongresses». München, 1960.

- Бинон С. 160, 181, 190
 Божич И. 175
 Бонпер Ж. 179, 182
 Браунинг Р. 180
 Брейе Л. 179—180
 Брентано Л. 129, 130, 132
 Бринкман К. 138
 Брэтгану Г. 145, 194
 Бурмов А. 131
 Бусси Э. 169
 Бутруш Р. 168
 Бьюри Дж. 128
 Бэлл Х. Дж. 138
 Бэрбулеску К. 168
 Валентини П. 176
 Вальдинг Ж. П. 144
 Васильев А. А. 128, 130, 133, 139, 140, 144, 147, 160, 163
 Васильевский В. Г. 128, 143, 146, 181, 185, 193
 Ватанабе К. 176
 Вернадский Г. В. 132—133, 134—136, 139, 143, 167
 Врионис С. 166
 Гейзенберг А. 130
 Герланд Э. 132
 Герман Э. 160, 175
 Герстингер Г. 189
 Гийан Р. 154, 169, 183, 190
 Гийу А. 181, 182
 Гликаци-Арвейя Э. 180—181, 197
 Горянов В. Т. 175, 179
 Гранич Ф. 129, 140
 Грегуар А. 186, 188, 182—183, 196
 Гуревич А. Я. 153, 154
 Гуререр А. Ф. 170
 Гшницер Ф. 150, 154, 177
 Данструп И. 162—163, 164, 165, 173, 181, 191
 Дауни Дж. 176
 Диль Ш. 128
 Диомидис А. 168, 169
 Дрексль Ф. 138
 Дуйчев И. 150
 Дэльгер Ф. 132, 137—140, 141—143, 145, 146—150, 151, 152, 154, 155, 157, 160—162, 165, 168—174, 176, 177, 180, 181, 183, 184, 186, 188, 190, 194, 195
 Джоссо Р. 180
 Жонтар И. 175
 Закифинос Д. 147, 156, 157—159, 168, 169, 179, 196
 Зворноос Н. 194—195, 197
 Зографос Д. 130
 Иванка Э. 180
 Йорга Н. 131—132, 140
 Каждан А. П. 142, 175, 180, 188, 190, 191, 195
 Каллигас П. 128, 134, 180, 186
 Канар М. 184
 Канторович Э. 168
 Капшесова Г. 168, 180
 Караяннопулос И. 183, 185—189, 190, 191, 196
 Кирстен Э. 176—177, 178, 197
 Коллом П. 152
 Константинеску Н. А. 134—135, 136—138, 140, 143, 161—163
 Корнеман Э. 144
 Крипарас Э. 130
 Крумбахер К. 128
 Ксаналатос Д. 150—151
 Кукулес Ф. 179
 Ласкарис М. 160, 179, 182
 Левченко М. В. 184
 Лемерль П. 180, 189—194, 195, 196
 Лефевр де Ноэтт 160
 Лядсей Дж. 167—168, 178
 Лишниц Е. Э. 184
 Литаврин Г. Г. 188, 190
 Лоньон Ж. 154, 158
 Лоран В. 181—182, 190
 Малафосс Ж. 184—185, 186, 187
 Марцемини Дж. 144
 Миквиц Г. 144—145, 150
 Михаил, иеромонах 183, 155
 Михаэлис Г. 183
 Младенович М. 183
 Монтевекии О. 154
 Монье А. 128, 130, 133, 154, 155, 187
 Моравчик Д. 138
 Мошин В. А. 155—156, 160, 162, 166, 170
 Мутафчиев П. 130—131, 132—134, 143
 Найкол Д. 179
 Николь Ж. 144
 Ноттари Г. 182
 Острогорский Г. А. 131, 136—137, 138, 140—143, 145, 149—154, 156, 162, 164, 167, 170—175, 176—179, 182, 183, 185—188, 190—197
 Паллас Д. 168
 Панченко Б. А. 128, 132—134, 143, 155, 174, 181, 186, 193
 Паулова М. 164
 Пертузи А. 181
 Платон Ж. 163, 173
 Радойчич Н. 131
 Ремондон Р. 154, 186
 Рипшар Ж. 194
 Рубин Б. 197
 Рудаков А. П. 129, 133, 134
 Руйар Ж. 147, 152—154, 160, 162, 163, 173, 185
 Рэнсимен С. 161, 162
 Сакъзов И. 160
 Сан-Николо М. 138
 Сатурник Т. 160
 Сеттон К. М. 166—167, 176
 Сигалас А. 138
 Скабаланович Н. А. 128, 142
 Совре А. 155
 Соколов И. И. 151
 Соловьев А. В. 153, 155, 156—157, 160, 162, 189
 Стефану П. 180
 Стюжумов М. Я. 180, 188, 189
 Тилл Дж. 194
 Торнаритис И. 188
 Удалцова З. В. 131, 188
 Успенский К. Н. 128, 133, 134, 144
 Успенский Ф. И. 128, 143, 185, 189, 192
 Ферлуга Я. 176
 Ферьянич Б. 175
 Филипович Н. 176
 Хаджиниколау-Маравя А. 180
 Харанис П. 158, 163—166, 176, 179, 180, 196
 Хаританис Г. 138
 Хауссиг Г. В. 177—179, 180, 185, 189
 Хунгер Г. 181—182
 Цахария фон-Лингеталь К. Э. 128, 134, 140
 Цибарт Э. 130
 Цуретти К. О. 138
 Черноусов Е. А. 136
 Чубрилович Н. 176
 Шевченко И. 176
 Шмид Г. Ф. 182, 185, 197
 Шпулер В. 154
 Штадтмюллер Г. 151—152, 165, 183, 187, 197
 Штейн Э. 138, 140—141, 149, 151, 152, 161, 164, 183
 Штэкле А. 144
 Эверт-Капшесова см. Капшесова
 Эдлюль Ж. 177
 Элбернер У. 128, 134, 139, 167, 184, 186
 Яковенко П. А. 128, 132, 137, 144, 170